

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

43 2026
ЧАСТЬ VIII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображён *Грегор Иоганн Мендель* (1822–1884) — выдающийся учёный, основоположник генетики, чьи открытия заложили фундамент современной биологии и изменили представление о механизмах наследственности.

Иоганн Мендель родился в небольшом сельском поселении Хейнцендорф в Моравии (ныне территория Чехии) в семье крестьян. С ранних лет мальчик проявлял необычайную тягу к природе: он с интересом наблюдал за растениями и животными, подмечая различия между особями одного вида. Семья жила скромно, и образование для сына было серьёзным финансовым бременем, однако родители всеми силами старались поддержать любознательность Иоганна. Уже в начальной школе учителя отмечали его выдающиеся способности к точным наукам и исключительную память.

В 1834 году Мендель поступил в гимназию в Троппау, где особенно преуспел в математике и физике. Учёба давалась ему нелегко из-за постоянной нехватки средств: юноше приходилось подрабатывать, чтобы оплачивать учебники и жильё. В 1840 году он окончил гимназию и поступил в философские классы в Ольмюце, где изучал физику, математику и естественные науки. Именно в этот период Мендель всерьёз увлёкся экспериментами и начал понимать, что закономерности природы можно описывать языком чисел и статистики.

Тяжёлое материальное положение вынудило Менделя искать стабильный путь в жизни. В 1843 году он принял решение поступить в августинский монастырь Святого Фомы в Брюнне (ныне Брно). При постриге он взял имя Грегор. Монашеский статус давал не только кров и пропитание, но и доступ к библиотеке, лекциям и научным дискуссиям. Монастырь был важным интеллектуальным центром региона, и здесь Мендель смог продолжить образование, а позже даже преподавать физику и естественную историю в местной гимназии. Правда, сдать экзамены на звание учителя ему так и не удалось — дважды он проваливался на устных испытаниях, хотя в письменных работах неизменно показывал высокий уровень знаний.

С 1854 года Мендель начал проводить свои знаменитые опыты с посевным горохом в монастырском саду. Выбор объекта был не случаен: горох легко выращивать, он быстро даёт потомство, а его признаки (цвет цветков, форма и окраска семян) чётко различаются и наследуются предсказуемо. В течение восьми лет Мендель скрупулёзно скрещивал растения, подсчитывал тысячи потомков и фиксировал результаты. Он ввёл строгие правила эксперимента: использовал чистые линии, контролировал опыление вручную, вёл подробную статистику. Именно сочетание биологического эксперимента с математическим анализом позволило ему сформулировать законы наследственности — закон единообразия гибридов первого поколения, закон расщепления и закон независимого комбинирования признаков.

Результаты своей работы Мендель изложил в труде «Опыты над растительными гибридами», который представил в 1865 году на двух заседаниях Общества естествоиспытателей в Брюнне. В 1866 году статья была опубликована в ежегоднике общества. Однако современники не оценили масштаб открытия: работа осталась практически незамеченной. Лишь немногие учёные обратили внимание на строгую математическую логику выводов, но широкого признания не последовало. Сам Мендель пытался повторить свои опыты на других растениях и даже на пчёлах, но результаты оказались неоднозначными — впоследствии выяснилось, что механизмы наследования у этих организмов сложнее, чем у гороха, и не укладываются в простые схемы.

Интересный факт: Мендель не только занимался наукой, но и активно управлял монастырём. В 1868 году он был избран настоятелем монастыря Святого Фомы. С этого момента научная деятельность отошла на второй план: административные обязанности, финансовые вопросы и забота о братии отнимали почти всё время. Тем не менее даже в роли аббата Мендель оставался верен своему аналитическому подходу: он тщательно вёл учёт расходов, внедрял рациональные методы управления и даже интересовался метеорологией, регулярно записывая данные о погоде. Эти наблюдения он публиковал в научных изданиях, демонстрируя широту своих интересов.

Ещё один любопытный эпизод связан с отношением Менделя к религии и науке. Будучи глубоко верующим человеком, он не видел противоречия между своими религиозными убеждениями и научными поисками. Для него изучение природы было способом познания замысла Творца, а строгие законы наследственности — проявлением гармонии мироздания. Эта внутренняя цельность помогала ему сохранять терпение и настойчивость даже в периоды неудач и непонимания со стороны коллег.

Признание пришло к Менделю посмертно. В начале XX века, когда учёные заново открыли законы наследственности, работы Менделя были переосмыслены и признаны фундаментальными. Три исследователя — Хуго де Фриз, Карл Корренс и Эрих Чермак — независимо друг от друга подтвердили его выводы и указали на приоритет Менделя. С этого момента его имя прочно вошло в историю науки, а сформулированные им принципы стали основой генетики.

Умер учёный 6 января 1884 года в возрасте 61 года от хронического нефрита.

Сегодня имя Грегора Менделя известно каждому биологу, а его законы изучают в школе. В его честь названы научные премии, институты и даже кратер на Луне. Монастырский сад в Брно, где он ставил свои опыты, стал местом паломничества учёных и любителей науки.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Свободин А. О.

Аналитические инструменты как метод повышения эффективности системы управления трудовыми ресурсами 507

Слынько А. А., Тарасова Н. В.

Проблемы хранения документов вне государственных организаций (на примере ООО «АПК «ПРОМАГРО») 510

Смыкалов Н. А.

Механизм формирования стратегии развития предприятий морского транспорта 511

Тахиров Р. Т., Гусейнов М. И.

Рынок потребительских расходов в России: почему мы тратим больше, когда платим картой, а не наличными 514

Токмакова П. А.

Информационная база как основа для оценки стоимости компании 516

Cheng Yulong

International conventions and standards as a basis for aligning China-Kazakhstan logistics standards 519

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Pisareva A. A.

Investigation of existing approaches to industry market analysis 524

ГЕОГРАФИЯ

Киселев Д. А.

Ледник Туэйтса: причины таяния и потенциальные последствия для глобальной климатической системы 527

ЭКОЛОГИЯ

Денисова Е. В.

Обеспечение экологической безопасности с помощью строительства очистных сооружений 530

Сасикова Н. С., Мартыненко С. М., Самарцева А. С.

Современное состояние ихтиоценозов рек Азово-Кубанской равнины 531

ИСТОРИЯ

Фролов С. О.

Миграционные потоки и модели колонизации в Добром Городище в начале XVII века (по документам 1615 года) 535

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Мартынов Я. А., Левенцов Д. И., Базанов И. Н., Лепихов А. А.

Скоростно-силовая подготовка лыжников — юношей 15–16 лет с использованием анаэробных упражнений средней мощности ... 540

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Коробова А. В.

«О духовном в искусстве» В. В. Кандинского и «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской: метафоры теософских текстов в теории абстракционизма 544

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Астапова А. С.

Три модуса сюжета о золотом веке в европейской традиции и предпосылки его рецепции на русской почве 550

Владыкина Е. А.

Исторические основы написания о — е (ё) после шипящих в корне слова 554

Жулькова В. А.

Нарративный потенциал медиаисторий в мессенджере «Макс» 556

Ма Цзин

Формирование лингвокультурологической компетенции китайских студентов на материале русской классической прозы (на примере романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») 559

Механи Абануб Адель

Субъективность переводчика как участника процесса межъязыковой коммуникации 561

Мирошникова И. И.

Языковые инновации в романе Чимаманды Нгози Адичи «Американха» 564

Сяо Юйчжэ

Сравнительный анализ мотива судьбы в творчестве А. С. Пушкина и Э. По 566

Хакимова Х. Р.

Наименования одежды и предметов домашнего обихода в глоссах исторических романов М. И. Шехвердина: семантический и лингвокультурологический аспекты 568

ПРОЧЕЕ**Половникова Л. Н.**

Дифференциация профилактических мероприятий по приоритету профессиональных рисков при строительстве газопроводов 571

Половникова Л. Н.

Совершенствование профилактических мероприятий в области охраны труда на основе приоритизации профессиональных рисков при строительстве магистральных газопроводов 573

Половникова Л. Н.

Повторяемость нарушений охраны труда как индикатор приоритетности профессиональных рисков при строительстве газопроводов 575

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Аналитические инструменты как метод повышения эффективности системы управления трудовыми ресурсами

Свободин Антон Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Фроловичев Александр Иванович, кандидат экономических наук, доцент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье рассматриваются аналитические инструменты управления трудовыми ресурсами как средство повышения обоснованности кадровых решений и эффективности системы оплаты и мотивации труда. На основе анализа практики российских и международных компаний показано, что внедрение HR-дашбордов обеспечивает измеримый экономический и управленческий эффект: сокращение трудозатрат, ускорение принятия решений, снижение текучести кадров, повышение прозрачности и воспринимаемой справедливости вознаграждения. Обосновывается необходимость интеграции аналитических инструментов с системой оплаты труда и развитием персонала, а также предлагается концепция дашборда для сравнительного анализа заработной платы с региональными рынками труда (на примере ОАО «РЖД»).

Ключевые слова: HR-аналитика, управление трудовыми ресурсами, система оплаты труда, мотивация, текучесть кадров, BI-инструменты.

В условиях возрастающей конкуренции за квалифицированные кадры, усложнения организационных структур и усиления требований к прозрачности управленческих решений особую значимость приобретает способность организации оперативно и обоснованно управлять трудовыми ресурсами. Традиционные методы кадровой работы, основанные на экспертных суждениях и разрозненной отчётности, всё чаще оказываются недостаточными для достижения стратегических целей. В этом контексте HR-аналитика превращается из вспомогательного инструмента в ключевой элемент системы управления человеческим капиталом.

Актуальность темы обусловлена тем, что система оплаты и мотивации труда является одним из важнейших экономических рычагов управления поведением работников, однако её эффективная настройка невозможна без понимания того, как именно работники реагируют на стимулы, какие категории персонала наиболее чувствительны к отдельным компонентам вознаграждения и как соотносятся затраты на мотивацию с достигаемыми результатами. Ответы на эти вопросы даёт именно HR-аналитика, а практика её применения демонстрирует широкий спектр инструментов — от традиционной отчётности до прогнозных моделей, опросов вовлечённости, анализа текучести, рекрутинговой аналитики и дашбордов.

Цель статьи — обосновать роль аналитических инструментов как метода повышения эффективности си-

стемы управления трудовыми ресурсами, систематизировать практический опыт их применения и показать, каким образом аналитика связывает систему оплаты труда, развитие персонала и стратегические цели организации.

Опыт применения HR-аналитики демонстрирует широкий набор инструментов, которые организации используют для повышения обоснованности кадровых решений. Наиболее распространёнными из них являются традиционная отчётность, прогнозные модели, опросы вовлечённости, анализ текучести, рекрутинговая аналитика и дашборды. Рассмотрим более подробно такой инструмент, как дашборды, поскольку они обеспечивают визуализацию ключевых показателей, доступность данных для руководителей всех уровней и возможность оперативного принятия решений на основе актуальной информации.

Практика российских компаний подтверждает, что внедрение BI-дашбордов в HR-процессы даёт измеримые результаты. Показателен пример RAMAX Group, где были разработаны пять дашбордов для HR-департамента. Время на подготовку стандартного отчёта сократилось с 2–3 рабочих дней до 4 часов, а трудозатраты уменьшились более чем на 85 %. Количество ошибок в документах снизилось на 95 % благодаря автоматизации ETL-процессов и консолидации данных. Процесс принятия решений ускорился в среднем на 30 % за счёт быстрого доступа руководителей к информации в режиме реального времени. Кроме того, текучесть кадров в отдельных подраз-

делениях сократилась на 12 % за первые три месяца после внедрения системы, а сотрудники HR-отдела высвободили до 20 % рабочего времени для стратегических задач вместо рутинной отчётности [6]. Более 90 % работников, участвовавших в тестировании, отметили улучшение удобства и информативности дашбордов. Это свидетельствует о том, что дашборды решают ключевую проблему HR-аналитики — перевод сложных данных в формат, доступный для понимания и принятия решений руководителями, не имеющими специальной аналитической подготовки.

Опыт ОАО «Российские железные дороги» представляет собой один из наиболее показательных примеров системного внедрения современных аналитических инструментов управления трудовыми ресурсами в крупной транспортной компании с многотысячным штатом и сложной территориально-распределённой структурой. Платформа «Рабочее место руководителя по управлению персоналом» объединяет все сервисы, необходимые руководителю в ежедневной работе, и аккумулирует всю информацию по персоналу: в общей сложности это более 160 HR-показателей и цифровые данные по всем работникам. Система обеспечивает удобную визуализацию HR-показателей и позволяет руководителям компании выполнять различные функциональные задачи в едином цифровом пространстве. Таким образом, платформа помогает руководителям и кадровым работникам перенести фокус внимания с поиска информации на принятие решений.

Эффект от внедрения системы с точки зрения операционной эффективности также показателен: время, затрачиваемое руководителями на сбор, поиск и анализ информации для принятия решений, сократилось с 200 минут до 2 минут, что позволило сместить фокус с рутинных операций на решение стратегических задач [3]. Была разработана единая для всех HR-служб РЖД методология анализа и визуализации показателей, настроен сбор данных из множества источников. Важным дополнением стало создание системы мониторинга показателей, которая позволяет руководителю соотносить результаты своего подразделения со средними значениями по компании.

Аналогичные результаты демонстрирует международный опыт. Компания Southern Glazer's Wine and Spirits, использующая дашборды для HR-аналитики на протяжении почти десяти лет, отмечает эффективность данного инструмента. За последние шесть месяцев дашборды компании были просмотрены более 1000 раз, а переход от статичной отчётности в Excel к облачным данным с использованием Tableau позволил сэкономить около 70 тысяч долларов в год за счёт отказа от сторонней отчётной платформы [10]. Это свидетельствует о том, что дашборды не только повышают эффективность управления, но и обладают прямым экономическим эффектом.

Визуальные элементы, используемые в HR-дашбордах, включают KPI-индикаторы, столбчатые и линейные диаграммы, геоаналитические карты, тепловые карты

и другие форматы, обеспечивающие не только информативность, но и удобство использования для руководителей, не обладающих глубокими аналитическими компетенциями.

Важно отметить роль аналитических инструментов в управлении трудовыми ресурсами. Система оплаты труда определяет, какие модели поведения работников вознаграждаются, а какие — нет. Однако для того, чтобы эта система работала эффективно, необходимо понимать, как именно работники реагируют на те или иные стимулы, какие группы персонала наиболее чувствительны к изменению отдельных компонентов вознаграждения, как соотносятся затраты на мотивацию с достигаемыми результатами. Ответы на эти вопросы даёт именно HR-аналитика.

Аналитические инструменты позволяют выявить, какие компоненты вознаграждения оказывают наибольшее влияние на удержание работников различных категорий, как соотносится уровень оплаты в компании с рыночным, в каких подразделениях система мотивации работает недостаточно эффективно. На основе этих данных становится возможной дифференцированная настройка системы оплаты, при которой ресурсы направляются в те сегменты, где отдача максимальна или где это действительно необходимо.

Можно сказать, что аналитические инструменты сами становятся элементом системы мотивации, поскольку обеспечивают прозрачность и обоснованность решений, что само по себе влияет на удовлетворённость работников и их доверие к организации. Работник, который видит, что решения о повышении, обучении или вознаграждении принимаются на основе объективных данных, а не субъективных предпочтений руководителя, воспринимает систему как более справедливую. Это, в свою очередь, снижает текучесть и повышает вовлечённость.

Возвращаясь к ситуации в ОАО «РЖД», следующим шагом по повышению эффективности управления трудовыми ресурсами на основе современных аналитических инструментов может быть внедрение дашборда, позволяющего наглядно сравнивать заработную плату в компании со средними значениями по региональным рынкам труда, анализировать её динамику и распределение в разрезе территориальных единиц, подразделений вплоть до линейного уровня или должностей (профессий).

Дашборд должен предполагать фильтрацию данных по восьми параметрам: железная дорога, территориальное управление, субъект РФ, населённый пункт, дирекция/центр, хозяйство, структурное подразделение, должность/профессия. Визуальные элементы должны включать:

- столбчатые диаграммы средней заработной платы в разрезе дирекций, линейных подразделений и профессий;
- сравнение заработной платы в ОАО «РЖД» со средними значениями по региональному рынку труда;
- геоаналитические карты с отображением уровня заработной платы по населённым пунктам, её динамики и сравнения с региональным рынком труда;

— интеграцию с системой «Рабочее место руководителя по управлению персоналом» для одновременного анализа показателей текучести и укомплектованности.

Внедрение подобного аналитического инструмента позволит оперативно решить следующие задачи:

- выявление регионов или населённых пунктов, в которых заработная плата неконкурентна по сравнению с рынком труда;
- выявление регионов, предприятий или должностей, по которым не обеспечен целевой рост заработной платы;
- выявление необоснованного «разброса» уровня заработной платы по аналогичным должностям (профессиям) на разных предприятиях одного региона.

Проведённый анализ позволяет заключить, что аналитические инструменты управления трудовыми ресурсами, и в первую очередь дашборды, являются важнейшим элементом современной кадровой политики. Они обеспечивают перевод сложных данных в формат, доступный для принятия решений руководителями без специальной аналитической подготовки, и тем самым ускоряют управленческие процессы, снижают трудозатраты и количество ошибок, а в ряде случаев дают прямой экономический эффект.

Практика RAMAX Group, ОАО «РЖД» и Southern Glazer's Wine and Spirits подтверждает, что внедрение дашбордов сокращает время подготовки отчётности, повышает скорость принятия решений, снижает текучесть кадров и высвобождает ресурсы HR-служб для стратегических задач. Однако ключевая роль аналитических инструментов заключается в том, что они выступают связующим звеном между системой оплаты труда, развитием персонала и стратегическими целями организации: именно аналитика позволяет выявить наиболее эффективные компоненты вознаграждения, дифференцировать мотивационные ресурсы по сегментам персонала и измерить связь между квалификацией, производительностью и доходом. Перспективным направлением развития является внедрение специализированных дашбордов сравнительного анализа заработной платы с региональными рынками труда, что позволит оперативно выявлять неконкурентные уровни оплаты, необеспеченный целевой рост и необоснованный разброс по аналогичным должностям, обеспечивая тем самым тонкую настройку системы оплаты и мотивации труда в интересах достижения стратегических целей организации.

Литература:

1. Джой А. Д. Интеграция искусственного интеллекта в управление персоналом: стратегия повышения эффективности бизнеса (на примере ОАО «РЖД») // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2025. — № 1. — С. 36–41
2. Каляшина А. В., Смирнов Ю. Н. Информационная система управления текучестью персонала с применением технологий машинного обучения (на примере ОАО «РЖД») // Вестник технологического университета. — 2026. — № 6. — С. 119–125
3. Кейс: HR-аналитика на Luxms BI в ОАО «РЖД». [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://luxmsbi.ru/cases/transport-i-logistika/hr-analitika-v-rzhd/>
4. Колотилина М. А., Сорокин А. С. Цифровизация процессов управления персоналом. Устойчивое развитие, экоинновации и «зеленые» экономика и технологии: III Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием, посвященная 90-летию СГЭУ: сборник материалов и докладов, Самара, 19 мая 2021 года / Под редакцией С. В. Афанасьева, Т. С. Кобзарь, С. В. Сердюковой. — Самара: Государственное бюджетное учреждение культуры «Самарская областная универсальная научная библиотека», 2021. — С. 130–136.
5. Персонал в одном окне. Как RAMAX Group внедрили 5 дашбордов для HR [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://sber.pro/cases/personal-v-odnom-okne-kak-ramax-group-vnedrili-5-dashbordov-dlya-hr/#1>
6. Петровичева С. HR-аналитика 2.0: как данные и AI помогают принимать управленческие решения [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://thehrd.ru/articles/hr-analitika-20-kak-dannye-i-ai-pomogayut-prinimat-upravlencheskie-resheniya/#1>
7. Спектор С. С., Багрянская А. А. Состояние HR-аналитики в России: теоретический уровень и прикладные исследования. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: https://confhub.ru/archive/Lomonosov_2025/data/section_30_36982.htm?ysclid=mvh5ovmd8b760670787
8. Чуланова О. Л., Свиридова О. П. Программа реализации HR-аналитики как цифрового тренда // Материалы Афанасьевских чтений. 2020. № 3(32). С. 34–41
9. Dungan R. A decade of data: How Southern Glazer's transformed business outcomes with people analytics [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://www.hrgrapevine.com/us/content/article/2025-11-05-a-decade-of-data-how-southern-glazers-transformed-business-outcomes-with-people-analytics>

Проблемы хранения документов вне государственных организаций (на примере ООО «АПК «ПРОМАГРО»)

Слынько Алёна Александровна, студент магистратуры;
Тарасова Наталья Владимировна, студент магистратуры
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье анализируются проблемы хранения документов в коммерческих организациях на примере ООО «АПК «ПРОМАГРО». Авторы рассматривают разрыв между жесткими законодательными требованиями к архивному хранению и ограниченными ресурсными возможностями частных предприятий. Выявлены типичные проблемы: нехватка места, отсутствие систем классификации документов, конфликты между электронным и бумажным документооборотом. Предложены конкретные рекомендации по оптимизации процесса хранения и минимизации юридических рисков для компании.

Ключевые слова: хранение документов, коммерческая организация, архив, документооборот, сроки хранения.

В современном мире предприятия накапливают огромное количество документов, которые нужно хранить долгое время по закону или из-за рабочих нужд. В отличие от государственных архивов, где все четко организовано и есть строгие правила, частным компаниям, особенно обществам с ограниченной ответственностью (ООО), приходится сталкиваться с множеством сложностей при организации архивов. Эти трудности могут быть разными: от нехватки места для хранения до юридических вопросов при переходе на электронные документы.

В своей статье я хочу рассмотреть эти проблемы на примере производственного предприятия ООО «АПК «ПРОМАГРО». Я проанализирую основные сложности и предложу пути их решения, основываясь на действующих законах и правилах.

Исторически так сложилось, что методология архивного дела формировалась в основном для государственных учреждений. Принципы систематизации, учёта и обеспечения сохранности, которые были заложены в нормативных актах ещё в советский период, стали основой для современных стандартов. Однако с развитием предпринимательства и появлением организаций частной формы собственности возникла проблема. Дело в том, что требования законодательства порой не учитывают реальные возможности таких организаций. Государственный архив финансируется по смете, и у него есть чётко регламентированные условия хранения документов. А коммерческое предприятие часто относится к архиву как к вспомогательному подразделению, которое не приносит прямой прибыли. Из-за этого архивы в частных компаниях нередко финансируются по остаточному принципу. Это, конечно, ведёт к тому, что условия хранения и работы с документами могут быть неидеальными. Всё это создаёт определённые сложности и требует внимательного подхода к организации архивного дела в негосударственных структурах. Нужно искать новые подходы и решения, которые позволят сочетать требования законодательства с реальными возможностями предприятий.

ООО «АПК «ПРОМАГРО» представляет собой вертикально-интегрированный холдинг, в состав которого входят дивизионы сельского хозяйства, текстильной про-

мышленности, а также строительные, телекоммуникационные и торговые активы. Предприятие является одним из крупнейших производителей свинины в Черноземном регионе, что подразумевает интенсивный документооборот между головным офисом и многочисленными территориально распределёнными производственными площадками, расположенными в Белгородской и Курской областях.

Современные методы хранения документов в обществе подчеркивают, что архив — это не просто хранилище бумаг, а важный информационный ресурс. В соответствии с законодательством, организации обязаны сохранять учредительные, бухгалтерские и другие документы, установленные законом. Несоблюдение этого требования может привести к административным штрафам и финансовым потерям. Поэтому система хранения должна быть организованной, прозрачной и юридически корректной, независимо от типа носителя.

Основная идея внедрения современных подходов к хранению документов в общество заключается в признании архива не просто складом бумаг, а стратегическим информационным активом. В соответствии со ст. 50 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», общество обязано хранить учредительные, бухгалтерские и иные документы, предусмотренные законодательством. Неисполнение этой обязанности влечет за собой административные риски и финансовые потери. Поэтому, система хранения должна быть управляемой, понятной и юридически значимой.

На практике в ООО «АПК «ПРОМАГРО» выявляется несколько типовых проблем, характерных для большинства негосударственных структур.

— Недостаток места для хранения документов вынуждает размещать их в кабинетах, где не соблюдаются температурно-влажностный и правильный режим освещения. Это нарушает правила сохранности документов и ускоряет их порчу.

— Отсутствие систематизации и четких правил ведения документации приводит к их беспорядочному хранению. Это затрудняет быстрый поиск информации, особенно в случае запросов от партнеров или налоговых органов.

— Внедрение электронного документооборота создает проблему дублирования архивов. Бумажные оригиналы не уничтожаются, а электронные версии хаотично хранятся на компьютерах сотрудников, что снижает эффективность цифровизации.

Для решения проблем с хранением документов в организации необходимо внедрить комплексную систему оперативного и архивного хранения. Практика показывает, что даже при ограниченном бюджете можно значительно повысить эффективность. Например, достаточно выделить отдельное помещение с металлическими стеллажами или архивными ящиками, чтобы соблюсти минимальные требования пожарной безопасности и защитить документы от несанкционированного доступа. На ООО «АПК «ПРОМАГРО» рекомендуется создать экспертную комиссию для оценки ценности документов и определения, какие дела с истекшими сроками хранения можно уничтожить. Это поможет освободить пространство и сократить расходы на хранение неактуальной информации.

Литература:

1. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью»
2. Приказ Росархива от 20.12.2019 N 236 «Об утверждении Перечня типовых управленческих архивных документов, образующихся в процессе деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков их хранения».

Недостатки и ограничения таких изменений очевидны: создание системы хранения требует затрат на персонал и оборудование. Небольшие компании часто не могут позволить себе нанять специалиста по архивному делу или приобрести дорогостоящие устройства для восстановления и сохранения документов. Однако эти недостатки компенсируются значительным снижением репутационных и правовых рисков.

Подводя итог можно сказать, что проблема хранения документов за пределами государственных учреждений связана с жесткими законодательными требованиями и экономической эффективностью. Пример ООО «АПК «ПРОМАГРО» показывает, что без системного подхода, включающего разработку классификатора дел и автоматизацию учета, коммерческие организации рискуют потерять ценную информацию. Для решения этой проблемы можно адаптировать государственные методы к условиям частного бизнеса и постепенно повышать уровень профессионализма в области архивного дела в корпоративном секторе.

Механизм формирования стратегии развития предприятий морского транспорта

Смыкалов Николай Алексеевич, студент магистратуры

Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова (г. Новороссийск)

Стратегия развития предприятия является фундаментом управления его функционированием на долгосрочную перспективу, способствует нахождению наиболее подходящих путей действия, уменьшает риск принятия ошибочного решения из-за искаженной или неправильной информации о возможностях предприятия и о его внешней среде. При разработке стратегии развития предприятия нужно добиться наибольшей определенности, благодаря чему предприятие сможет вовремя предвидеть изменения во внешней среде и моментально на них реагировать.

Механизм формирования стратегии развития предприятий морского транспорта включает в себя ряд этапов, перечисленных на рисунке 1.

На первом этапе рассматриваемого механизма выполняется оценка современного состояния развития предприятия морского транспорта. Такая оценка включает, прежде всего, технико-экономический анализ производственного потенциала хозяйствующего субъекта и его использования, включая оценку таких специфических показателей, как провозная способность флота, пропускная способность портовых терминалов, уровень износа мате-

риально-технической базы. Иногда оценивается развитость обеспечивающей припортовой инфраструктуры.

Дополнительно на данном этапе исследуются основные финансово-экономические показатели деятельности предприятия морского транспорта, например, структура доходов и эксплуатационных затрат, уровень прибыли и рентабельности, а также оценивается эффективность использования ресурсной базы предприятия морского транспорта. Результаты такой оценки позволяют выявить скрытые резервы, определить критические «узкие места» в транспортно-логистических цепочках и сформировать объективный базис для определения стратегических альтернатив.

Второй этап состоит в мониторинге развития морского транспорта и качества его продукции. Мониторинг направлен на систематическое отслеживание динамики изменений как внутри отрасли, так и на смежных рынках, и в идеале должен носить непрерывный характер. Он может включать регулярное наблюдение за колебаниями мировых и национальных грузопотоков, тарифной политикой судоходных линий и портовых операторов, технологическими инновациями в судостроении и перевалке

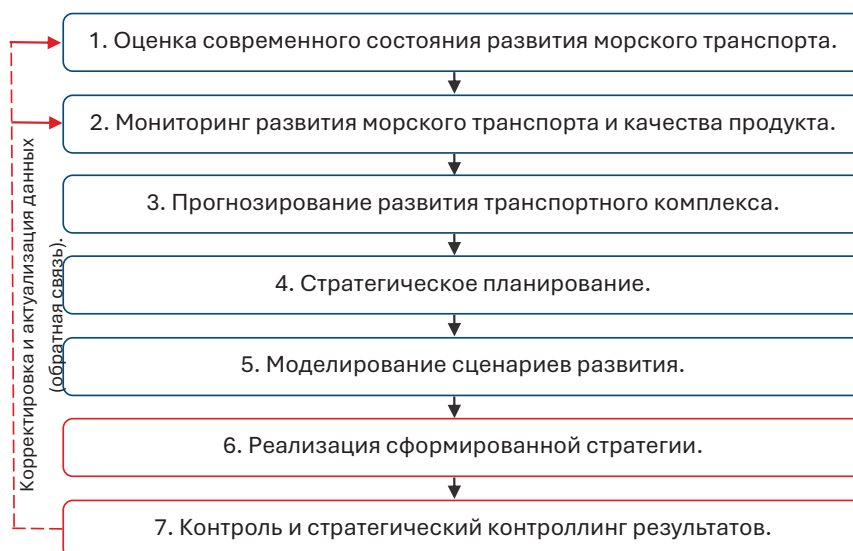

Рис. 1. Механизм формирования стратегии развития предприятий морского транспорта

грузов, изменениями в международном и национальном морском праве и др.

Особое внимание на данном этапе уделяется мониторингу качественных характеристик транспортно-логистического продукта. В их число традиционно входят скорость доставки и обработки грузов, регулярность рейсов, сохранность перевозимых объектов, надежность логистических схем и уровень цифровизации документооборота. Постоянный мониторинг обеспечивает менеджмент оперативной информацией о рыночных трендах, позволяя своевременно и оперативно корректировать стратегический курс.

На этапе прогнозирования развития транспортного комплекса (или отдельного хозяйствующего субъекта) на основе математико-статистических методов, экстраполяции трендов и экспертных оценок определяются вероятные параметры будущей рыночной среды. В зависимости от задач, стоящих перед исследователем, здесь может определяться перспективный спрос на перевозки, оцениваться будущая пропускная способность морских транспортных коридоров, а также составляться прогнозы динамики фрахтового и стивидорного рынков. Такой позволяет менеджменту снизить уровень неопределенности.

Стратегическое планирование выступает центральным элементом формирования стратегии развития предприятия морского транспорта. На данном этапе происходит трансформация прогнозных данных в конкретную систему долгосрочных целей, задач и алгоритмов их достижения, формулируется миссия предприятий, утверждаются ключевые показатели эффективности (KPI) на плановый период и распределяются инвестиционные, технические и кадровые ресурсы.

Стратегическое планирование определяет точные объемы и сроки финансирования инвестиционных проектов по обновлению и модернизации флота, расширению терминальных комплексов, внедрению интеллектуальных

систем автоматизации и т. п. Данный процесс, как правило, увязывается с параметрами Морской доктрины и Транспортной стратегии РФ в целях обеспечения синхронизации частных инвестиций бизнеса с развитием государственной обеспечивающей инфраструктуры.

Моделирование сценариев развития предполагает разработку и многовариантный расчет нескольких альтернативных вариантов развития как отрасли в целом, так и отдельных предприятий морского транспорта (базового, оптимистичного и консервативного сценариев). Превентивные планы реагирования и управленческие алгоритмы для каждого варианта развития событий целесообразно разрабатывать на основе симуляционных моделей. Это позволит протестировать устойчивость бизнеса в условиях резких колебаний спроса на перевозки, изменения геополитической обстановки, ужесточения санкционных ограничений, закрытия важнейших морских проливов и каналов.

Реализация сформированной стратегии представляет собой организационно-управленческий этап, в ходе которого долгосрочные планы трансформируются в повседневную операционную деятельность предприятий морского транспорта. На этой стадии стратегические задачи декомпозируются до уровня краткосрочных бизнес-планов, бюджетов и конкретных производственных заданий для структурных подразделений предприятий морского транспорта.

Контроль и стратегический контроллинг результатов являются завершающим этапом формирования стратегии предприятия морского транспорта. Этот этап предполагает систематическое сопоставление достигнутых производственно-экономических показателей (объемов перевалки, чистой прибыли, рентабельности и др.) с заложенными в стратегию целевыми ориентирами. В рамках контроллинга выявляются причины возникающих отклонений, анализируется их критичность для долгосрочной

стабильности бизнеса и оценивается влияние вновь возникших рыночных факторов. На основе полученных данных механизм запускает процедуру корректировки — актуализацию целей, перераспределение ресурсов или пересмотр сценарных планов [1].

Формирование и построение стратегии развития предприятий морского транспорта представляет собой довольно сложный управленческий процесс, обусловленный уникальной спецификой отрасли, находящейся на стыке глобальной экономики, капиталоемкого производства и геополитики.

Главная трудность заключается в слишком длинном инвестиционном горизонте, который сочетается с высокой степенью подвижности и изменчивости рыночной среды. Проекты по строительству глубоководных терминалов или обновлению крупнотоннажного флота требуют объемных вложений и могут окупаться десятилетиями, в то время как конъюнктура мировой торговли, фрахтовые ставки и направления грузопотоков могут кардинально измениться за несколько месяцев. Спрогнозировать точный спрос на конкретную номенклатуру грузов на 15–20 лет вперед практически невозможно, что создает повышает риск либо остаться с избыточными невостребованными мощностями, либо потерять рыночную долю из-за дефицита пропускной способности.

Ситуация существенно усложняется существенной зависимостью морского транспорта от геополитических факторов и санкционного давления. Будучи основой международной торговли, морская отрасль первой испытывает последствия макроэкономических кризисов, из-за чего такие меры, как введение торговых ограничений, закрытие каналов или переориентация внешнеэкономических связей, способны в краткосрочном горизонте нивелировать стратегическую ценность ранее утвержденных управленческих решений компании [2]. Кроме того, присутствует мультимодальная зависимость, поскольку ни

один порт или судоходная линия не функционируют изолированно. Эффективность любой морской стратегии упирается в развитие сухопутных подходов — железнодорожных сетей и автодорог [3].

Портовыми предприятиями приходится увязывать свои инвестиционные планы с государственными монополиями, что порождает проблему «узких мест» на стыке разных видов транспорта. Наконец, колоссальное давление на менеджмент оказывают требования Международной морской организации (ИМО) в части декарбонизации и перехода на экологически чистое топливо, что заставляет предприятия закладывать в стратегию огромные затраты на экологическую модернизацию, которая не приносит прямой коммерческой прибыли, но обязательна для сохранения права работать на рынке [4].

Взаимосвязь и системное давление всех вышеперечисленных факторов, усложняющих процесс стратегического планирования в морской отрасли, наглядно представлены на рисунке 2.

При этом основными критериями достижения эффективного уровня стратегического развития хозяйствующих субъектов морской отрасли выступают:

- успешная и непрерывная адаптация предприятий к динамичным изменениям факторов внутренней и внешней среды;
- формирование корпоративной системы хранения, обобщения опыта и ретроспективного анализа успешности реализации предыдущих стратегических проектов;
- наличие у менеджмента устойчивого понимания того факта, что стратегическое планирование в управлении проектами развития — это необходимый, циклический и непрерывный процесс;
- постоянное совершенствование внутренней системы управления проектами, что является одним из главных условий достижения долгосрочного стратегического преимущества перед конкурентами.

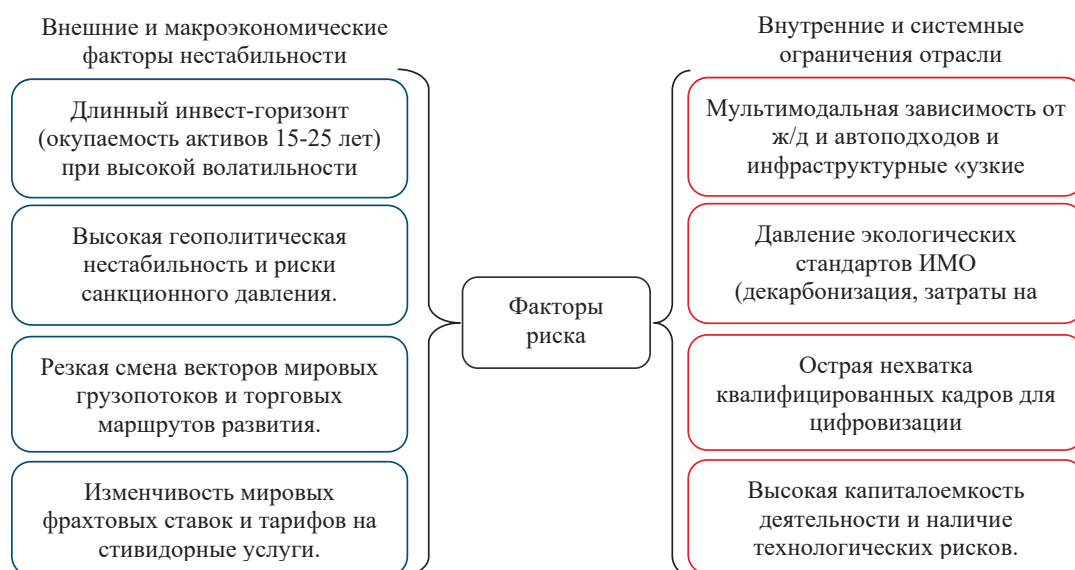

Рис. 2. Классификация факторов риска при формировании стратегии развития предприятий морского транспорта

В конечном итоге, грамотно выстроенная стратегия развития должна способствовать расширению сферы деятельности предприятия морского транспорта и, соответственно, стабильному росту его прибыли [1].

Современные судоходные и ситивидорные компании должны формировать устойчивые конкурентные преимущ-

ества, обеспечивающие их привлекательность для грузо- перевозчиков и грузовладельцев. Обоснование и реализация таких стратегических приоритетов сделает предприятия морской отрасли инвестиционно-привлекательными и позволит сформировать прочный фундамент для их эффективного развития в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Графова Т. О., Горбик Д. А. Разработка стратегии развития предприятия транспортной отрасли как основа построения стратегического учета // Научный результат. Экономические исследования [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://reconomic.ru/journal/article/1302/> (дата обращения: 25.05.2026).
2. Морская доктрина Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 31 июля 2022 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48215> (дата обращения: 12.09.2026).
3. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом на период до 2035 год, утверждена распоряжением Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р. — М.: Минтранс России, 2021.
4. Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 августа 2019 г. № 1930-р. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72573254/> (дата обращения: 15.09.2026).

Рынок потребительских расходов в России: почему мы тратим больше, когда платим картой, а не наличными

Тахиров Руслан Теймур оглы, студент;

Гусейнов Мирлан Имранович, студент

Научный руководитель: Частилова Нина Леонидовна, преподаватель

Колледж многоуровневого профессионального образования РАНХиГС при Президенте РФ (г. Москва)

В статье рассмотрены психологические и поведенческие механизмы, из-за которых потребители тратят больше при использовании банковских карт по сравнению с наличными деньгами. Приведены данные Банка России о росте доли безналичных платежей, результаты опросов НАФИ и ВЦИОМ об импульсивных покупках, а также обзор классических зарубежных исследований эффекта «боли платежа». Отдельное внимание уделено факторам, которые усиливают или ослабляют эффект перерасхода: кэшбэку, бесконтактной оплате, кредитным картам и цифровым подпискам.

Ключевые слова: поведенческая экономика, боль платежа, безналичные платежи, импульсивные покупки, банковские карты, наличные деньги, потребительские расходы.

За последние годы привычки россиян в плане оплаты покупок сильно поменялись. Если ещё в начале 2020-х годов значительная часть повседневных покупок совершалась с наличными, то к середине десятилетия ситуация стала обратной: безналичный оборот устойчиво растёт, а доля расчётов картой и через альтернативные сервисы увеличивается. По данным Банка России, в 2025 году доля безналичных платежей в розничном обороте продолжила возрастать и увеличилась ещё на 2,2 процентного пункта. При этом сами карты постепенно уступают место Системе быстрых платежей и оплате по QR-коду: в IV квартале 2025 года на альтернативные способы оплаты пришлось 14,1 % в общем объёме безналичных платежей. Иными словами, «невидимых» денег в повседневной жизни становится всё больше.

Параллельно с этим социологические опросы фиксируют высокий уровень незапланированных трат. По

данным ВЦИОМ, в 2025 году импульсивные покупки совершали 63 % россиян против 57 % в 2021 году. Почти половина респондентов (49 %) объясняла спонтанные приобретения желанием порадовать себя и поднять настроение, каждый третий (29 %) ссылаясь на привлекательную цену. НАФИ ещё раньше указывал, что 61 % россиян свойственны стихийные, незапланированные расходы, причём чаще всего такие покупки совершают молодые люди в возрасте 18–24 лет.

Совпадение этих двух тенденций — роста безналичных платежей и распространённости импульсивных покупок — не обязательно означает причинно-следственную связь. Однако оно делает вопрос о том, как способ оплаты влияет на расходы, практически значимым. Цель настоящей работы — разобраться, за счёт каких психологических механизмов карта может «облегчать» траты,

и показать, при каких условиях этот эффект проявляется сильнее, а при каких — слабее.

В поведенческой экономике для описания неприятного ощущения, которое возникает в момент расставания с деньгами, используется термин «боль платежа» (pain of paying). Впервые его ввёл в научный оборот Офер Зеллермайер в диссертации, выполненной в Университете Карнеги — Меллон в 1996 году. Смысл концепции прост: чем сильнее человек ощущает момент потери денег, тем выше психологический барьер перед покупкой. Наличные делают этот барьер заметным: купюры физически уменьшаются, кошелёк становится тоньше. Карта, особенно бесконтактная, снижает ощущение потери: списание происходит «где-то там», в приложении, часто без ввода пароля.

Дрейзен Прелек и Дункан Симестер в исследовании 2001 года показали, что готовность платить за один и тот же товар выше при использовании кредитной карты, чем при использовании наличных. В экспериментах с аукционом участники, оплачивавшие покупку картой, предлагали за товар почти вдвое большую сумму, чем те, кто платил наличными. Дилип Соман в работе 2003 года развил эту идею через понятие «прозрачности платежа»: чем менее прозрачен момент оплаты, тем слабее потребитель связывает покупку с последующей потерей денег. Прия Paghubir и Джойдип Шривастава в 2008 году добавили к этому концепцию «сопряжения» платежа и потребления: когда оплата и получение товара разнесены во времени или опосредованы символом (картой, телефоном), расходы воспринимаются легче.

Таблица 1. Ключевые исследования влияния способа оплаты на расходы

Авторы и год	Основной вывод
Зеллермайер, 1996	Введено понятие «боли платежа»: наличные делают потерю денег более ощутимой, чем карта
Прелек, Симестер, 2001	Готовность платить за товар выше при оплате кредитной картой, чем наличными
Соман, 2003	«Прозрачность платежа»: чем менее заметен момент оплаты, тем выше потребление
Рагубир, Шривастава, 2008	Ослабление связи между покупкой и оплатой снижает воспринимаемую «цену» приобретения
Томас, Десаи, Синивасан, 2011	Оплата картой ослабляет импульсивный контроль, в том числе при выборе еды

Рассмотренные в таблице исследования позволяют выделить несколько ключевых механизмов, из-за которых карта «облегчает» траты. Во-первых, это абстрактность денег и снижение трения. Наличные требуют подготовки: снять деньги, проверить наличие купюр, найти банкомат. Карта же, особенно сохраненная в онлайн-магазине, позволяет совершить покупку в один клик. Чем меньше шагов отделяет желание от покупки, тем выше вероятность, что решение будет принято быстро и без дополнительного обдумывания.

Во-вторых, важную роль играет кредитный сигнал. Даже дебетовая карта может ассоциироваться у потребителя с доступностью средств, а кредитная карта провоцирует траты, которых человек не совершил бы наличными. Кроме того, карта размывает границы мысленного учета. В голове мы часто раскладываем деньги по своеобразным «конвертам»: отдельно откладываем на квартиру, отдельно на отпуск, отдельно на продукты. Но когда все эти средства лежат на одной банковской карте, границы стираются. Кажется, что раз деньги на счете есть, значит, их можно потратить прямо сейчас, даже если это неприкосновенный запас.

Кэшбэк и бонусные программы тоже подталкивают к тратам. Хотя они и кажутся выгодными, психологически человек воспринимает их как возврат денег. Из-за этого гораздо проще купить что-то спонтанно, оправдывая себя мыслью: «Зато вернется процент», хотя на деле вещь совершенно не нужна. Сюда же добавляются автоматические подписки и привязанные карты. Они списывают

средства тихо и незаметно. В итоге мелкие траты постепенно складываются в серьезные суммы, а человек даже не успевает почувствовать, что что-то потерял.

При этом нельзя сказать, что карта автоматически делает всех транжирами. Если у человека жесткий бюджет, то способ оплаты почти не играет роли — свободных денег ведь все равно нет. Поэтому то, как мы тратим, во многом зависит от уровня дохода и финансовой привычки. Кроме того, эффект сильно зависит от возраста. Для старшего поколения наличные остаются привычным инструментом, и психологическая разница между купюрой и картой для них более ощутима. Для молодых людей, наоборот, карта и телефон являются естественной средой. По данным аналитического центра НАФИ, чаще всего необдуманные покупки совершают молодые люди в возрасте 18–24 лет, что связано не только со способом оплаты, но и с общим уровнем финансового опыта.

В свою очередь, современные банковские приложения частично возвращают утраченный контроль. Уведомления о списаниях, аналитика расходов по категориям, лимиты и виртуальные карты для отдельных покупок могут компенсировать эффект «незаметности». Проблема лишь в том, что этими инструментами пользуются не все и не всегда регулярно.

Таким образом, разница в расходах при использовании карты и наличных действительно существует. Карта снижает психологический барьер перед покупкой и экономит время, но именно эта легкость часто приводит к спон-

танным приобретениям. Решающую роль здесь играют не сами по себе карта или купюра, а привычки человека, его финансовая грамотность и условия среды. Для минимизации рисков рекомендуется включать уведомления о каждом списании, регулярно проверять автоматиче-

ские подписки и планировать крупные покупки заранее. В более широком смысле вопрос о том, почему карта «облегчает» траты, — это вопрос не только о деньгах, но и о внимании. Чем проще становится оплата, тем важнее становится осознанность.

Литература:

1. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/.
2. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. — Москва, 2026. — URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 19.10.2026).
3. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). — Москва, 2026. — URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 19.10.2026).
4. Официальный сайт Аналитического центра НАФИ. — Москва, 2026. — URL: <https://nafi.ru/> (дата обращения: 19.10.2026).
5. Зеллермайер О. The Pain of Paying: диссертация. — Carnegie Mellon University, 1996. — 120 с.
6. Прелек Д., Симестер Д. Always Leave Home Without It: A Further Investigation of the Credit-Card Effect on Willingness to Pay // Marketing Letters. — 2001. — Vol. 12, No. 1. — P. 5–12.

Информационная база как основа для оценки стоимости компании

Токмакова Полина Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Спесивцев Валерий Анатольевич, кандидат экономических наук, доцент
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Липецкий филиал

В статье изучены составляющие информационной базы, необходимой для оценки стоимости компании. Подтверждена ее важность для работы оценщиков. Выявлен ряд проблем, напрямую влияющих на достоверность итоговой оценки бизнеса, встречающийся в отечественной практике.

Ключевые слова: информационная база, оценка стоимость, внутренняя информация.

The information base is the foundation for assessing the company's value

The article examines the components of the information base required to assess a company's value. Its importance for the work of appraisers is confirmed. A number of problems that directly affect the reliability of the final business valuation, encountered in domestic practice, are identified.

Keywords: information base, assessment of cost, internal information.

Оценка стоимости компании является важным инструментом для инвесторов и бизнес-аналитиков. Она позволяет определить реальную ценность компании на рынке и принять обоснованные инвестиционные решения [7]. В современных экономических условиях именно стоимость становится показателем, определяющим эффективность и целесообразность функционирования и внедрения инвестиционных проектов, планов и программ развития. Положительная динамика стоимости компании свидетельствует о росте ее капитализации и благосостояния акционеров, что обычно говорит об успешном развитии бизнеса, повышении его инвестиционной привлекательности и эффективности управления.

Оценка стоимости компании невозможна без полной достоверной и структурированной информации, информационная база — это фундамент, на котором строится весь последующий анализ и расчеты. Сбор информации охватывает все ключевые аспекты деятельности компании и требует системного подхода.

В статье представлен подробный разбор того, из чего состоит информационная база, как она структурируется и какие требования к ней предъявляются.

Для управленческих решений или внутреннего анализа компания может поручить подготовку предварительной оценки своим специалистам, но для юридически значимых процедур требуется отчет независимого профессионального оценщика, соответствующего требова-

ниям законодательства и обладающего необходимой квалификацией. Под оценочной деятельностью понимается профессиональная деятельность субъектов оценочной деятельности, направленная на установление в отношении объектов оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной предусмотренной федеральными стандартами оценки стоимости [1]. Если проведение оценки стоимости компании проводится независимым оценщиком, то процесс начинается с заключения договора, включающего в себя разработку задания на оценку, которое определяет характер и источники необходимой информации.

Далее происходит сбор, преобразование и анализ предоставленной в соответствии с заданием информации, это самый трудоемкий и ответственный этап, поскольку от него зависит конечный результат. Состав информации зависит как от специфики оцениваемого объекта, так и от выбранного в зависимости от цели оценки вида стоимости, также от предполагаемых подходов и методов оценки. Применение тех или иных методов оценки зависит от наличия необходимой для их реализации информации. Необходимо, чтобы информация отражала состояние внешней и внутренней среды бизнеса в различные периоды времени. Характеристики оцениваемого бизнеса на дату оценки являются результатом предыдущего развития, предпосылкой будущего развития и одновременно зависят от состояния экономики страны, региона или отрасли.

Оценка стоимости компании является результатом воздействия многочисленных факторов и источников. Информация, используемая для комплексного анализа активов предприятия, чрезвычайно разнообразна, что предполагает ее группировку на нормативные источники [4]. Такой подход помогает выявить ключевые драйверы стоимости, устранить дублирование и облегчить анализ чувствительности результата к разным параметрам.

В зависимости от открытости источников информацию можно разделить на аутсайдерскую, полученную из открытых источников и инсайдерскую — служебную, известную ограниченному кругу.

В зависимости от параметров бизнеса и показателей, характеризующих его состояние, информацию можно разделить на общую — это стандартные показатели, характеризующие деятельность любой отрасли и специфическую, отражающую особенности оцениваемого бизнеса, обусловленные его отраслевой принадлежностью.

В зависимости от характеризующих условий выделяется внешняя и внутренняя информация. Внешняя характеризует условия функционирования компании в стране, регионе, отрасли, на внешнем и внутреннем рынке. Внутренняя информация описывает саму компанию, дает представление о ее деятельности, структуре, финансовых результатах.

Остановимся подробнее на этой группе информации. Здесь важно оценить такие общеэкономические показатели, как динамика и темпы экономического развития страны (региона), инвестиционный климат, деловую активность,

капиталовложения, динамику процентных ставок, доходы населения, а также социально-политические показатели, например, прогнозируемость политической ситуации, доверие к правительству. Анализ внешней информации производится на момент оценки и отражает конъюнктуру рынка. При этом компанию оценивают по показателям, которые определяют конкретный рыночный сегмент — это нормативно-правовая база, определяющая отношение к собственности, рыночная обстановка, показывающая перспективы конкретного сегмента рынка, условия проведения сделок купли-продажи, налоговая обстановка.

Внутренняя информация о компании отражает сведения, необходимые для определения стоимости компании. Это наиболее важная и детальная часть информационной базы, так как именно она передает реальное состояние дел в компании. Ее источниками служат внутренние документы финансовой службы, бухгалтерии, юридического отдела и руководства. Эти документы можно разбить на несколько групп:

1. Финансовая отчетность. Она является ядром информационной базы, для выявления трендов ее данные должны быть собраны как минимум за последние 3–5 лет. В состав финансовой отчетности входят:

— бухгалтерский баланс — дает возможность проанализировать состав и ликвидность запасов, качество дебиторской задолженности, структуру капитала (соотношение собственных и заемных средств);

— отчет о финансовых результатах — демонстрирует доходы, расходы и итоговую прибыль или убыток за период, ключевыми показателями здесь являются выручка, себестоимость, валовая, операционная и чистая прибыль;

— отчет об изменениях капитала — детализирует движение уставного, резервного и добавочного капитала, раскрывает движение собственного капитала, включая выпуск новых акций, выплату дивидендов и переоценки;

— отчет о движении денежных средств — один из важнейших документов для оценки стоимости компании, он показывает реальный приток и отток «живых» денег по трем видам деятельности: операционной, инвестиционной и финансовой. Отчет позволяет оценить способность компании генерировать денежный поток, что является основой доходного подхода к оценке;

— пояснения к бухгалтерскому балансу и отчету о финансовых результатах.

2. Управленческая и дополнительная информация. Это данные, которые выходят за рамки официальной бухгалтерской отчетности:

— номенклатура продукции или услуг, их доля в общей выручке;

— производственные мощности, степень их загрузки;

— основные поставщики сырья и покупатели готовой продукции, с указанием ключевых контрагентов;

— данные о производственных и операционных расходах в разрезе статей;

— расшифровки статей отчетности: детализация состава основных средств (с указанием степени износа),

структуры дебиторской и кредиторской задолженности, номенклатуры запасов;

- информация о производственном процессе: описание технологий, производственных мощностей, их загрузки, сырьевой базы;

- сведения о персонале: организационная структура, квалификация ключевого менеджмента, система мотивации, стабильность коллектива и руководящего состава, фонд оплаты труда;

- детализация затрат: анализ постоянных и переменных издержек, поиск возможностей для оптимизации.

3. Стратегические и рыночные данные.

- бизнес-планы и бюджеты содержат прогнозы развития компании, планируемые объемы продаж, сведения об инвестициях и рентабельности;

- маркетинговая стратегия содержит описание целевых рынков сбыта;

- анализ конкурентов, их доли рынка, сильные и слабые стороны;

- SWOT-анализ показывает сильные и слабые стороны, возможности и угрозы;

- прогнозы развития отрасли — макроэкономические показатели, влияющие на бизнес;

- база нематериальных активов (патенты, товарные знаки, ноу-хау, лицензии и разрешения на ведение деятельности, доменные имена, IT-инфраструктура, программное обеспечение).

4. Юридическая документация. Она необходима для определения правового статуса и оценки рисков владения бизнесом и включает в себя следующий перечень документов:

- устав компании в последней редакции;
- учредительный договор (при наличии);
- свидетельства о государственной регистрации (ОГРН) и постановке на налоговый учет (ИНН);

- выписка из ЕГРЮЛ;
- реестр акционеров / участников с указанием долей владения;

- информация о дочерних и зависимых обществах, филиалах и представительствах;

- ключевые контракты: аренда офиса/производства, крупные договоры поставки или оказания услуг, лицензионные соглашения;

- документы, подтверждающие права собственности на ключевые активы (недвижимость, патенты, лицензии);

- данные о судебных спорах, обременениях, залогах.

Вся информация, представленная для проведения оценки стоимости компании должна удовлетворять требованиям достоверности, точности, полноты и комплексности. Собирается только та информация, которая имеет прямое отношение к целям оценки. Информация не должна быть предвзятой или нацеленной на получение заранее определенного результата оценки. При оценке стоимости компании необходимо анализировать количественные и качественные факторы в совокупности.

Следует отметить, что формирование качественной информационной базы для оценки стоимости бизнеса в России сопряжено с рядом системных проблем, которые напрямую влияют на достоверность итогового результата.

Одной из основных трудностей остается недостаточная прозрачность финансовой отчетности. Несмотря на сближение РСБУ и МСФО, различия в принципах учета (например, признание выручки или капитализация затрат) сохраняются. Кроме того, компании не всегда детально раскрывают информацию о забалансовых обязательствах, операциях со связанными сторонами и условных активах/обязательствах, что заставляет оценщика работать в условиях неполноты данных.

Несмотря на то, что бухгалтерский баланс отражает финансовое состояние компании на конкретную дату, его данных для оценки реальной стоимости бизнеса почти всегда недостаточно и вот в чем кроются ключевые причины:

- большинство активов в балансе отражается по цене их приобретения, а не по текущей рыночной стоимости;

- в балансе вообще не отражаются, либо учитываются символически нематериальные активы. Самые ценные активы многих компаний невозможно потрогать, а это такие важные факторы, как сила бренда и репутация, лояльность клиентской базы, интеллектуальная собственность (патенты, ноу-хау), если она была создана внутри компании, а не куплена, уникальные бизнес-процессы и корпоративная культура, человеческий капитал (ключевые сотрудники, команды разработчиков), данные и IT-платформы;

- бухгалтерский учет построен по принципу консерватизма так, чтобы скорее недооценить активы и переоценить обязательства, чем наоборот. Расходы в балансе отражаются немедленно, а потенциальные доходы только когда они становятся практически гарантированными, это искажает реальную экономическую ценность будущих перспектив компании;

- баланс не отражает будущий потенциал: ожидаемые денежные потоки, потенциал роста рынка, конкурентные преимущества, стратегии развития менеджмента. А ведь именно эти факторы определяют истинную инвестиционную стоимость компании.

Вторая значимая проблема — завышенный оптимизм и низкая достоверность прогнозов, заложенных в бизнес-планы. Управленческие прогнозы часто носят декларативный характер и служат инструментом для обоснования желаемой, а не объективно достижимой стоимости. Отсутствие сценарного анализа («базовый», «пессимистичный», «оптимистичный») и стресс-тестирования финансовых моделей делает их крайне уязвимыми к любым изменениям рыночной конъюнктуры.

Третий аспект — сложность верификации нефинансовой информации. Если финансовые показатели еще можно проверить по отчетам, то такие данные, как доля рынка, размер клиентской базы, метрики лояльности или реальное положение дел в сфере ESG (набор стандартов

управления бизнесом), часто остаются «слепой зоной». Заявленная компанией доля рынка может быть рассчитана по несопоставимой методике, а отчеты об устойчивом развитии нередко имеют декларативный характер без подтверждения от независимых аудиторов.

Наконец, существенным барьером является дефицит качественных сопоставимых данных по компаниям-аналогам. Для применения сравнительного подхода необходим пул публичных компаний из той же отрасли со схожей бизнес-моделью. На российском рынке многие сектора представлены лишь несколькими игроками, чьи структуры могут кардинально различаться. Это делает некорректным прямое использование мультипликаторов и требует сложных корректировок, снижая точность метода.

В совокупности эти проблемы смещают фокус оценки с простого расчета по модели на глубокий аналитический поиск, критическую проверку каждого допущения и применение экспертных суждений для компенсации нехватки надежных исходных данных.

Таким образом, формирование информационно-аналитической базы — это скрупулезный процесс сбора, проверки и систематизации огромного массива данных, ее надежность снижает инвестиционные риски и позволяет выбрать наиболее точный метод оценки — доходный, затратный или сравнительный и напрямую определяет надежность и объективность итоговой величины стоимости компании, будь то для целей продажи, привлечения инвестиций, реструктуризации или разрешения корпоративных споров.

Литература:

1. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ: (в ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3813.
2. Оценка стоимости бизнеса: учебник / коллектив авторов; под ред. М. А. Эскиндарова, М. А. Федотовой. — 2-е изд., стер. — Москва: КНОРУС, 2025. — 320 с.
3. Оценочная деятельность. Оценка стоимости бизнеса и активов: учебник / О. А. Землянский. — Москва: ИНФРА — М, 2025. — 599 с.
4. Курочкина Н. В. Информационное обеспечение анализа использования активов предприятия // The Scientific Heritage. 2020. № 57–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnoe-obespechenie-analiza-ispolzovaniya-aktivov-predpriyatiya>.
5. Кляхина М. А. Основные аспекты формирования бухгалтерского баланса: цель, задачи и проблемы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 2–2 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-aspekty-formirovaniya-buhgalterskogo-balansa-tsel-zadachi-i-problemy-1>.
6. Салаякаева К. Ш. Развитие внутреннего аудита как основа повышения достоверности бухгалтерской отчетности ПРЕДПРИЯТИЯ // Бизнес и дизайн ревю. 2024. № 4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-vnutrennego-audita-kak-osnova-povysheniya-dostovernosti-buhgalterskoy-otchetnosti-predpriyatiya>.
7. Сазанова, Н. В. Факторы и принципы оценки, влияющие на стоимость компании и ее имущества в условиях цифровой экономики / Н. В. Сазанова // Отходы и ресурсы. — 2023. — Т 10. — № 1. — URL: <https://resources.today/PDF/52ECOR123.pdf>.

International conventions and standards as a basis for aligning China-Kazakhstan logistics standards

Cheng Yulong, doctoral student
Kazakh National University named after Al-Farabi (Almaty, Kazakhstan)

Studies of China-Kazakhstan logistics often treat standardization as a bilateral task, assuming that the two countries should harmonize their national norms directly. This paper argues that such an approach overlooks two factors. Kazakhstan's technical regulation is largely set within the Eurasian Economic Union (EAEU), and multilateral conventions may already provide a common basis for the two countries. Using comparative documentary analysis of laws, EAEU technical regulations, treaty status records and bilateral agreements, the study compares the two regimes across four layers: national standard systems, rail transport, road transport and customs procedures. The results show that the two countries already share the SMGS in rail transport, the TIR Convention in road transit, and the Revised Kyoto Convention and the WTO Trade Facilitation Agreement in customs procedures. The main gaps lie in the technical regulation of rolling stock and vehicles, the law of road carriage contracts and the implementation of mutual recognition of authorized economic operators (AEO). Based on these findings, the paper proposes an “international-standards-first” pathway with four elements: using shared conventions as the default reference for bilateral rules, addressing technical regulation at the China-EAEU level, adopting international formats for digital documents and institutionalizing regional dialogue on standards.

Keywords: *logistics standards, international transport conventions, Eurasian Economic Union, technical regulation, China-Kazakhstan.*

1. Introduction

Kazakhstan is China's main trade partner in Central Asia. It is also the main land bridge for China-Europe rail freight. Differences in technical norms, documents and control procedures raise the time and cost of moving goods between the two countries. Existing studies focus on individual border ports, legal barriers and the performance effects of logistics collaboration [6, p. 14; 18, p. 87; 23, p. 27]. Their recommendations usually call on the two governments to harmonize national standards bilaterally.

This bilateral framing has two limitations. First, Kazakhstan is a member of the EAEU. Safety requirements for railway rolling stock, railway infrastructure and wheeled vehicles are set by Union-wide technical regulations, not by Kazakhstan alone [19]. A bilateral agreement can therefore change only part of the rules that apply to Chinese goods and vehicles. Second, China and Kazakhstan are already parties to several multilateral conventions on rail carriage, road transit and customs procedures. These instruments form a common basis that does not need to be negotiated again.

This paper addresses three questions. Which elements of logistics standardization do the two countries already share through international instruments? Where do gaps remain? How can the shared basis be used to align the two regimes? In answering them, the paper shifts the focus from removing barriers to building on an existing common foundation.

2. Materials and methods

The study applies comparative documentary analysis. The sources fall into three groups: national laws and EAEU technical regulations; treaty texts and status records of international organizations; and bilateral agreements and official announcements. The two regimes are compared in four layers: national standard systems, rail transport, road transport and customs procedures. For each layer, the analysis asks whether both countries apply the same international instrument, whether only one does, or whether the matter is regulated at the national or regional level.

3. Standard systems of China and Kazakhstan

3.1 China: a national system open to international standards

China's standard system is governed by the Standardization Law, revised on 4 November 2017 and in force since 1 January 2018. Article 2 divides standards into national, industry, local, association and enterprise standards. National standards are either mandatory or recommended, while industry and local standards are recommended [21]. Article 8 commits the state

to take part in international standardization, to adopt international standards where appropriate, and to promote conversion between Chinese and foreign standards [21]. It thus gives a legal basis for using international standards in China-Kazakhstan logistics rules. For trade, imported products must meet mandatory standards (Article 25), whereas technical requirements for exports are set by contract (Article 26) [21]. Abroad, China promotes standards cooperation through a Belt and Road action plan for 2018–2020 [4]. Overall, China is open to international standards at home but works mainly through bilateral projects abroad.

3.2 Kazakhstan: a two-level system within the EAEU

In Kazakhstan, standardization is governed by the Law “On Standardization” of 2018 [17]. The law provides for national standards and for the use of interstate and international standards. Mandatory safety requirements, however, are increasingly set at the supranational level. By 2019, the Customs Union and the EAEU had adopted 48 technical regulations [19]. They include TR CU 001/2011 on railway rolling stock and TR CU 003/2011 on railway infrastructure, both in force since 2 August 2014. They also include TR CU 018/2011 on wheeled vehicles, in force since 1 January 2015 [19]. These regulations cover the main equipment used in China-Kazakhstan freight.

3.3 Implications of the asymmetry

A comparison of Sections 3.1 and 3.2 reveals a clear asymmetry. China sets its standards and negotiates abroad as a single state. Kazakhstan, by contrast, shares regulatory competence with the EAEU in the areas that matter most for logistics equipment. This asymmetry has two consequences. First, under Article 26 of the Chinese law, contracts for equipment supplied to Kazakhstan must incorporate EAEU technical regulations [21]. Second, a bilateral agreement alone cannot align the requirements for rolling stock and vehicles; this requires recognition of EAEU conformity or arrangements at the China-EAEU level. The 2018 China-EAEU Agreement on Trade and Economic Cooperation offers a framework for such arrangements [1].

4. Shared international basis and remaining gaps

4.1 Rail transport

Both countries belong to the Organisation for Co-operation between Railways and are parties to the Agreement on International Goods Transport by Rail (SMGS) [13, p. 36]. A single legal regime therefore governs carriage on the China-Kazakhstan section. The main technical gap is track gauge: 1435 mm in China and 1520 mm in Kazakhstan, so goods must be trans-

loaded at the border [22, p. 36]. China-Europe trains face a further legal gap where the SMGS meets the COTIF/CIM regime used in the European Union. The common CIM/SMGS consignment note avoids reissuing documents at this point. It saves 8–10 hours per train and about 40 euros per consignment [12].

4.2 Road transport

In road transit, the two countries already share a common international regime: the TIR Convention. Kazakhstan was a party before China, and the Convention entered into force for China on 5 January 2017, making China its 70th contracting party [10]. Under the Convention, goods travel under customs seal with a TIR carnet and are not inspected again at each border. TIR transport has grown quickly since China joined. By 2026, more than 3,700 Chinese vehicles were registered for TIR transport, more than 6,000 operations were expected that year, and over 120 direct routes to Europe ran along three corridors [8].

China has recently widened the scope of TIR through domestic rules. Customs Announcement No. 2 of 2026, in force since 15 January 2026, extended the TIR procedure to bonded goods and cross-border e-commerce goods and required declarations through the International Trade Single Window [3]. Combined with electronic pre-declaration, this allows customs to assess risks before a vehicle reaches the border [8]. The Announcement also exempts tractors carrying containers that meet the 1972 Customs Convention on Containers from a separate vehicle approval certificate [3]. This exemption shows that a shared international standard can directly replace a national approval procedure.

The TIR Convention, however, covers only customs transit. Carriage contracts fall under the Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road (CMR), on which the two countries share no common rules. Kazakhstan acceded to the CMR on 17 July 1995 and has applied it since 15 October 1995, whereas China is not among its 58 par-

ties [11]. Road carriage contracts between the two countries therefore rest mainly on bilateral agreements. In 2023, the two governments replaced their 1992 road transport agreement with a new one that introduces electronic permits with a digital signature [16]. This is progress in digitalization, but it remains a bilateral arrangement rather than a common international rule.

4.3 Customs procedures

The customs layer shows the broadest common basis. Both countries are parties to the Revised Kyoto Convention on the simplification and harmonization of customs procedures. Kazakhstan deposited its instrument of accession on 26 June 2009 [20]. Both are also parties to the WTO Trade Facilitation Agreement. China accepted it on 4 September 2015 as the 16th WTO member to do so, but reserved a transition period for a few measures such as the single window [7]. Kazakhstan accepted the Agreement on 26 May 2016 [15].

The remaining gap concerns the implementation of mutual recognition of authorized economic operators (AEO). China and Kazakhstan signed an AEO arrangement on 26 April 2019, but it has not yet been implemented [5]. In 2022, China, Kazakhstan and the other Central Asian states pledged to “steadily implement” AEO mutual recognition, customs-railway data sharing and information exchange [14]. They also agreed to explore cooperation on single windows and the networking of electronic certificates [14]. By contrast, China’s arrangement with Uzbekistan took effect on 1 August 2026. It gives certified traders lower import inspection rates, priority physical checks, a designated customs liaison officer and priority clearance after trade disruptions [2]. Implementing the China-Kazakhstan arrangement would bring similar benefits on both sides of the border. Table 1 summarizes the comparison.

The matrix shows that the common basis is strongest in procedural and legal instruments: the SMGS, the TIR Convention, the Revised Kyoto Convention and the Trade Facilitation Agreement. The gaps lie mainly in the technical regulation of

Table 1. Alignment matrix of China-Kazakhstan logistics standard regimes

Layer	Instrument or area	China	Kazakhstan	Assessment
Rail	SMGS (OSJD)	Party	Party	Common basis
Rail	Track gauge	1435 mm	1520 mm	Technical gap
Rail	Rolling stock safety	National standards	TR CU 001/2011 (EAEU)	Regional gap
Road	TIR Convention	Party since 2017 (70th party)	Party	Common basis
Road	CMR Convention	Not a party	Party since 1995	Legal gap
Road	Vehicle safety	National standards	TR CU 018/2011 (EAEU)	Regional gap
Customs	Revised Kyoto Convention	Party	Party since 2009	Common basis
Customs	WTO Trade Facilitation Agreement	Party since 2015	Party since 2016	Common basis
Customs	AEO mutual recognition	Signed in 2019, not yet implemented	Signed in 2019, not yet implemented	Implementation gap

Source: compiled by the author based on [3; 5; 7; 8; 10–16; 19; 20; 22].

equipment, which falls under EAEU competence, and in the law of road carriage contracts. These findings call for a differentiated strategy, set out in Section 5.

5. An “international-standards-first” pathway

5.1 Using shared conventions as the default reference

Where both countries apply the same instrument, bilateral rules should refer to it rather than create parallel requirements. Arrangements at rail border stations should build on SMGS rules and documents. Road transit arrangements should rely on the TIR procedure. Its rapid uptake by Chinese carriers [8] shows that a shared convention can scale quickly. Customs co-operation should follow the standards of the Revised Kyoto Convention and the commitments under the Trade Facilitation Agreement. This reduces the number of rules to negotiate and keeps bilateral arrangements compatible with those of third countries on China-Europe corridors. Where only one country applies a convention, as with the CMR, Chinese accession could be considered in the longer term.

5.2 Addressing technical regulation at the China-EAEU level

The safety of rolling stock and vehicles is regulated by EAEU technical regulations. Alignment in this area should therefore be pursued under the China-EAEU agreement [1]. A priority is the mutual recognition of test results and conformity certificates for railway equipment and vehicles used in cross-border transport. Such recognition would apply in all Union member states, not only in Kazakhstan.

5.3 Building digital documents on international standards

Several digital documents are now emerging: electronic permits under the 2023 road agreement [16], TIR declarations filed through China's Single Window [3] and electronic rail consignment notes. They should follow internationally recognized formats rather than separate bilateral specifications. Two steps would help. In rail transport, the CIM/SMGS consignment note should be used more widely on China-Eu-

rope routes [12]. In customs, the signed AEO arrangement should be implemented. The networking of electronic certificates envisaged in the China-Central Asia initiative should also be advanced [5; 14]. Data submitted once could then be reused by the railways and customs authorities of several countries.

5.4 Institutionalizing regional dialogue on standards

Aligning technical regulation also requires a regular regional dialogue. In May 2026, standardization bodies, research institutes and firms from China, Russia, Kazakhstan and Kyrgyzstan agreed to set up a regular mechanism for comparing standards and technical requirements. They also agreed to develop joint standards and laboratories and to advance the mutual recognition of standards within the Shanghai Cooperation Organization [9]. Three of the four participants are EAEU members. The mechanism therefore reaches the level at which Kazakhstan's technical rules are made. Logistics equipment and transport documents should be among its priorities.

6. Conclusion

The two countries are less divided than a purely bilateral view suggests. They share the SMGS in rail transport, the TIR Convention in road transit, and the Revised Kyoto Convention and the WTO Trade Facilitation Agreement in customs procedures. The remaining gaps lie in EAEU-level technical regulation, the law of road carriage contracts and the implementation of AEO mutual recognition. Alignment should therefore follow an “international-standards-first” logic. Shared conventions should be the default reference. Technical regulation should be handled at the China-EAEU level. Digital documents should use international formats, and regional dialogue on standards should become regular.

The study has limitations. It relies on a documentary comparison and does not measure effects. Future research could estimate how shared instruments, such as TIR transit or the CIM/SMGS consignment note, change border-crossing time and cost on China-Kazakhstan routes.

References:

1. Agreement on Trade and Economic Cooperation between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the People's Republic of China, of the other part. — Astana, 17 May 2018.
2. Announcement No. 106 of 2026 of the General Administration of Customs of the People's Republic of China on the implementation of China-Uzbekistan AEO mutual recognition [in Chinese]. — 2026. — 27 July. — URL: http://www.customs.gov.cn/customs/2026-07/27/article_2026072709212731895.html (date of access: 18.10.2026).
3. Announcement No. 2 of 2026 of the General Administration of Customs of the People's Republic of China [in Chinese] // Gazette of the State Council of the People's Republic of China. — 2026. — No. 10. — URL: https://www.gov.cn/gongbao/2026/issue_12666/202604/content_7065109.html (date of access: 16.10.2026).
4. As smooth as silk // ISO News. — 2019. — 9 September. — URL: <https://www.iso.org/news/ref2430.html> (date of access: 16.10.2026).
5. Authorized economic operators: mutual recognition between economies [in Chinese] // Shanghai Municipal Development and Reform Commission. — URL: <https://fgw.sh.gov.cn/ys-gjmy-2.2.3.1.4/index.html> (date of access: 18.10.2026).

6. Cang Y. H. Research on Logistics Development of Xinjiang Border Ports under the Background of the Belt and Road Initiative: Take Khorgos Port as an Example // *Logistics Technology*. — 2019. — Vol. 38, No. 10. — P. 12–15.
7. China accepts the Protocol of the WTO Trade Facilitation Agreement [in Chinese] // Ministry of Commerce of the People's Republic of China. — 2015. — URL: <https://gaohucheng.mofcom.gov.cn/article/activities/201509/20150901103927.shtml> (date of access: 16.10.2026).
8. China has turned from a "country of cargo origin" into a "corridor leader": interview with IRU Secretary General Habib Turki [in Chinese] // Ministry of Transport of the People's Republic of China. — 2026. — 12 October. — URL: https://www.mot.gov.cn/xinwen/jiaotongyaowen/202610/t20261012_4225692.html (date of access: 16.10.2026).
9. China-Russia-Kazakhstan-Kyrgyzstan Standardization Exchange Held in China // SESEC. — 2026. — URL: <https://sesec.eu/?p=7970> (date of access: 16.10.2026).
10. China's accession to TIR Convention opens new international trade routes // *Global Trade Magazine*. — 2016. — 13 September. — URL: <https://www.globaltrademag.com/chinas-accession-tir-convention-opens-new-international-trade-routes/> (date of access: 16.10.2026).
11. Convention on the Contract for the International Carriage of Goods by Road (CMR). Geneva, 19 May 1956: status // *United Nations Treaty Collection*. — URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XI-B-11&chapter=11&clang=_en (date of access: 16.10.2026).
12. Evtimov E. Common consignment note as way forward for legal challenges in international railway transport. — Bangkok: UNESCAP, 2015. — URL: [https://www.unescap.org/sites/default/files/CIT %20- %20Common %20consignment %20note.pdf](https://www.unescap.org/sites/default/files/CIT%20-%20Common%20consignment%20note.pdf) (date of access: 16.10.2026).
13. Existing legal instruments related to the facilitation of international railway transport // UNESCAP. — Chapter IV. — P. 34–52. — URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/pub_2681_ch4.pdf (date of access: 16.10.2026).
14. Initiative on Deepening "China + Central Asia" Connectivity Cooperation [in Chinese] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. — 2022. — 9 June. — URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676548/1207_676560/202206/t20220609_10700888.shtml (date of access: 16.10.2026).
15. Kazakhstan: Trade Facilitation Agreement notifications // WTO Trade Facilitation Agreement Database. — URL: <https://tfadatabase.org/en/members/kazakhstan> (date of access: 16.10.2026).
16. Kazakhstan-China agreement: what has changed in road freight transport [in Russian] // *Kapital.kz*. — 2023. — 25 May. — URL: <https://kapital.kz/economic/115946/soglasheniye-kazakhstana-i-kitaya-cto-izmenilos-v-avtomobil-nykh-gruzoperevozkakh.html> (date of access: 16.10.2026).
17. Law of the Republic of Kazakhstan of 5 October 2018 No. 183-VI "On Standardization".
18. Li Y. N. Research on the Facilitation of China-Kazakhstan Cross-border Logistics Transportation // *Business Exhibition Economy*. — 2023. — No. 20. — P. 87–90.
19. List of the adopted Technical Regulations of the Customs Union/Eurasian Economic Union // IFCG Cyclopedia. — URL: https://en.cyclopedia.ifcg.ru/wiki/List_of_the_adopted_Technical_Regulations_of_the_Customs_Union/Eurasian_Economic_Union (date of access: 16.10.2026).
20. Revised Kyoto Convention receives a boost // *World Customs Organization*. — 2009. — 26 June. — URL: <https://www.wcoomd.org/en/media/newsroom/2009/june/revised-kyoto-convention-receives-a-boost.aspx> (date of access: 16.10.2026).
21. Standardization Law of the People's Republic of China (revised on 4 November 2017) [in Chinese]. — URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2017-11/04/content_2031446.htm (date of access: 16.10.2026).
22. Wu P. X., Lao J. System Dynamics Simulation Analysis of the Influence of China-Kazakhstan Cross-border Logistics Collaboration on Logistics Performance // *Economy and Social Development*. — 2020. — No. 1. — P. 34–40.
23. Xing Z. H. Research on the Development of China-Kazakhstan Cross-border Logistics Legal System under the Background of the Belt and Road Initiative // *Logistics Science-Tech*. — 2022. — Vol. 45, No. 16. — P. 27–30.

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА И PR

Investigation of existing approaches to industry market analysis

Pisareva Anna Aleksandrovna, master's student
Tyumen Industrial University

The article examines key approaches and methods for industry market analysis, presents a list of indicators that reflect the current state of the sector under study, and help identify its development trends. It also outlines sets of parameters elaborated by A. A. Romanov and E. F. Devochkina for a comprehensive assessment of the advertising market.

Keywords: industry market analysis, life cycle, market structure, competition, dynamics.

Исследование существующих подходов к отраслевому анализу рынка

Писарева Анна Александровна, студент магистратуры
Тюменский индустриальный университет

В статье рассмотрены ключевые подходы и методы отраслевого анализа рынка, представлен перечень показателей, отражающих текущее состояние исследуемой области и позволяющих выявить тенденции ее развития. Отражены комплексы параметров, разработанные А. А. Романовым и Е. Ф. Девочкиной для всеобъемлющей оценки рекламного рынка.

Ключевые слова: отраслевой анализ рынка, жизненный цикл, структура рынка, конкуренция, динамика.

As part of an enterprise's efforts to organize procedures connected to strategic planning, modify existing business processes and the current range of tactical actions, a key step is conducting an industry market analysis (Philip Kotler has defined the market as the aggregate of existing and potential buyers of a product) [1]. This process entails describing historical development patterns within the sector, diagnosing its current life cycle (identifying its specific stage and the nature of its cyclicity), assessing the actual state of the industry (including its structure, key operational and economic indicators, geographical characteristics, export-import potential, investment dynamics, and existing opportunities and threats). It also involves evaluating the level of competition and its driving forces, as well as forecasting future development trends (by estimating the industry's growth dynamics and the factors influencing the observed patterns) [2, 3, 4].

Every industry goes through five stages. Each of them has its own characteristics:

1) the launch stage is marked by slow growth rates and high levels of prices, risks, and investment. At this phase, the primary objectives for enterprises in the industry are to increase awareness of the product or service among the representatives of the target audience and to establish and subsequently refine distribution channels;

2) the growth stage entails a decline in price levels (that is driven by economies of scale), low initial competition (though the likelihood of new entrants is high due to low barriers to entry), increased profitability (resulting from higher sales volumes), and rising demand (achieved by optimizing distribution channels and methods of engaging with stakeholders — specifically, consumers);

3) the 'shake-out' stage is characterized by slowing growth, declining profitability (caused by price reductions aimed at capturing a larger market share. Another mechanism used to achieve this goal involves fostering greater brand loyalty among the audience), and increasing intensity of competition;

4) the maturity stage is marked by the emergence of significant barriers to entry, induced by companies' optimization of cost structures and the establishment of strong consumer brand loyalty. Growth decelerates (or ceases entirely), and the industry undergoes consolidation (small and medium-sized players merge or are acquired by larger firms, leading to industry concentration and the formation of an oligopolistic market structure);

5) the decline stage exhibits negative growth rates (which may be triggered by technological, economic, political, or social shifts), intense competition, and excess capacity (a situation where supply exceeds demand. This often leads to price

wars and heightened competition, frequently prompting organizations to pursue diversification strategies [5].

The duration of each described stage varies by industry.

Market cyclicity refers to regularly recurring changes in the level, direction, pace, and specific characteristics of market development. It consists of a sequence of alternating phases: accumulation, mark-up, distribution, mark-down [6, 7, 8].

Intra-annual fluctuations in demand, supply, prices, or business activity that exhibit a systematic pattern are referred to as seasonality. Such fluctuations can be identified by calculating a seasonality index, defined as the ratio of the volume of products sold in a given month to the average monthly sales volume [6].

The current state of an industry and the dynamics of its development can be determined by analyzing a set of indicators that includes: market size, growth and increase rates, the number of competitors and their relative market shares, the number of consumers and their financial capacity, the pace of technological change and product innovation, the degree of differentiation among goods and services offered, industry capital intensity, and the average industry profit level [4].

To analyze the competitive environment of an industry, a model proposed by Professor M. Porter is frequently used. According to this concept, the sector under study is subject to pressure from five directions:

- existing competitors (in assessing intra-industry competition, the intensity of the struggle for market share among incumbent companies is determined);
- new (potential) entrants (this category of forces involves evaluating the height of entry barriers — that is, how difficult or easy it is for a new player to enter the market);
- substitute products (this examines the likelihood of the emergence of offerings that satisfy the same consumer need but utilize a different approach or technology);
- suppliers (this applies when providers of raw materials, technologies, or skilled labor exert a direct influence on production costs and possess the power to dictate terms);
- buyers (this is observed in markets for standardized products, where consumers have the leverage to dictate terms — such as demanding lower prices, modification of product functions or the accompanying service package, higher levels of customer service, and so on) [9].

It is worth noting that this model is static, often overly subjective, and doesn't take into account inter-industry linkages. These shortcomings can be mitigated, for instance, by conducting a PEST-analysis.

By calculating the concentration ratio (the market share controlled by a specific number of the largest companies), the Herfindahl — Hirschman index (HHI — the sum of the squares of the market shares of all firms; a value exceeding 2,500 indicates a highly concentrated market), the coefficient of variation of price (the degree of price dispersion for similar goods; a high value often suggests that the industry operates under a monopolistic market structure), the price elasticity of demand (an analysis of how sales volume responds to price changes), and by assessing barriers to entry (specifically economic, legal, and technological obstacles for potential com-

petitors), it becomes possible to classify a given sector into one of the existing market structures: perfect competition, monopolistic competition, oligopoly, or monopoly [10].

It's crucial to understand the specifics of the advertising market assessment process because it is a sector that serves as a link between sellers and buyers. Analyzing this field enables businesses to identify key trends in content promotion, discover new tools for engaging their target audience, and establish the major players within this segment of the economy.

In this way A. A. Romanov proposed a methodology for the statistical assessment of the advertising activity. It contains the following groups of indicators:

- parameters of the network of advertising organizations;
- indicators of human resource capacity;
- advertising costs;
- subjects and objects of advertising activity;
- consumers of advertising;
- advertising media;
- results of advertising activity;
- effectiveness of advertising activity.

Subsequently, E. F. Devochkina has developed two independent systems of statistical indicators: one is applied in nature and primarily oriented towards practical use (it can be used by a wide range of interested parties), while the second is designed for in-depth scientific research of the identified patterns.

The first category comprises three interrelated groups of parameters: volume-based (which involve calculating the number of advertising agencies and advertisers, the costs connected to the creation and dissemination of advertising, and other such metrics, along with an assessment of their dynamics), structural (which describe the structure of advertising agencies and advertisers, expenditures for creating and distributing advertising, and so on), and performance-based (which determine the number of advertising contracts, the volume of revenue generated from advertising services, profitability, and so on) indicators for the advertising market.

Another category provides a more comprehensive understanding of the situation in the advertising market and includes seven groups of parameters. They contribute to the general assessment of the analyzed sector (in terms of the number of advertising service providers, advertised goods and services, average number of employees, and so on), to the identification of the features of its structural and regional differentiation, and market conditions (in terms of the size of demand and supply, their ratio and elasticity), to the determination of the degree of competition, volatility, stability and cyclicity of its development, and to the formation an idea about the established levels of prices, business activity, commercial risk and performance [11].

Thus, industry market analysis is a set of assessment processes that make it possible to provide a comprehensive assessment of the area under study. This information enables businesses to predict potential opportunities and threats and to develop strategies that align with market trends. It is important to note that this procedure will have specific features when applied in practice as part of an assessment of a particular area.

References:

1. Principles of marketing / Kotler Philip. — Text: electronic — URL: https://htbiblio.yolasite.com/resources/12.11.15/Kotler_kratkiy_2007.pdf (accessed: 17.10.2026).
2. Industry analysis. — Text: electronic // StudFiles: [site]. — URL: <https://studfile.net/preview/10082154/page:4/> (accessed: 17.10.2026).
3. Industry analysis. — Text: electronic // Euroexpert: [site]. — URL: <https://euroexpert.ru/otraslevoj-analiz> (accessed: 17.10.2026).
4. Industry analysis and characteristics of the industry environment. — Text: electronic // StudFiles: [site]. — URL: <https://studfile.net/preview/3873325/page:34/> (accessed: 19.10.2026).
5. CFA — Strategic analysis: industry life cycle. — Text: electronic // Financial accounting: [site]. — URL: <https://fin-accounting.ru/cfa/11/equity-inv/cfa-strategic-analysis—industry-life-cycle> (accessed: 19.10.2026).
6. Assessments and analysis of market cyclicity and seasonality. — Text: electronic // StudFiles: [site]. — URL: <https://studfile.net/preview/8889544/page:5/> (accessed: 18.10.2026).
7. What are economic cycles and how to profit from them. — Text: electronic // Sber Sova: [site]. — URL: <https://sbersova.ru/sections/economy/ekonomicheskije-tsikly-i-kak-na-nikh-zarabatyvat?ysclid=mvf3pdme9932378851> (accessed: 19.10.2026).
8. What is a Market Cycle? 4 Phases, Importance, Indicators, and Investment Tips. — Text: electronic // BAJAJ FINANCE LIMITED: [site]. — URL: <https://www.bajajfinserv.in/what-is-market-cycle> (accessed: 19.10.2026).
9. Porter's 5 Forces Analysis: a guide for business. — Text: electronic // CleverData: [site]. — URL: <https://cleverdata.ru/blog/statii/model-5-sil-portera> (accessed: 18.10.2026).
10. Market structure: key types and elements — explained in simple terms. — Text: electronic // skypro wiki: [site]. — URL: <https://sky.pro/wiki/analytics/struktura-rynka-osnovnye-tipy-i-elementy—prostymi-slovami/> (accessed: 19.10.2026).
11. Devochkina, E. F. A System of indicators for the advertising market: a methodological approach / E. F. Devochkina. — Text: electronic // CYBERLENINKA: [site]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-pokazateley-rynka-reklamy-metodologicheskij-podhod> (accessed: 19.10.2026).

ГЕОГРАФИЯ

Ледник Туэйтса: причины таяния и потенциальные последствия для глобальной климатической системы

Киселев Денис Анатольевич, студент
Университет Улытау (г. Жезкаган, Казахстан)

В статье обобщены причины отступления ледника Туэйтса и пределы оценки его вклада в повышение уровня моря. Сопоставлены спутниковые наблюдения и модельные исследования, в том числе опубликованные в 2026 году. Подлёдное океаническое таяние, форма морского ложа и ослабление подпора шельфа действуют совместно; прошлые изменения также влияют на будущие потери. Разграничены наблюдаемые процессы, сценарные расчёты и условный вклад полного исчезновения ледника. Обоснована необходимость дальнейшего мониторинга линии налегания и океанических условий.

Ключевые слова: ледник Туэйтса, Западная Антарктида, подлёдное таяние, линия налегания, уровень моря, спутниковый мониторинг, климатические риски.

Thwaites Glacier: causes of melting and potential impacts on the global climate system

Kiselev Denis Anatolyevich, student
Ulytau University (Zhezkagan, Kazakhstan)

This review compares observations and recent models of Thwaites Glacier. Warm ocean water, bed geometry and reduced ice shelf buttressing jointly drive retreat. Simulations published in 2026 show that projections depend on model setup and past change. The 65 cm sea level equivalent describes complete glacier loss, not a dated forecast. Continued monitoring is needed to constrain the risks.

Keywords: Thwaites Glacier, West Antarctica, basal melting, grounding line, sea level rise, satellite observations.

Введение

Ледник Туэйтса расположен в бассейне моря Амундсена и отводит лёд Западно-Антарктического ледникового щита в океан. Его площадь сопоставима с Великобританией, а толщина в отдельных районах приближается к 4000 м. Условный эквивалент полного исчезновения льда в этом бассейне составляет около 65 см среднего глобального уровня моря [1]. Эта величина не является прогнозом на конкретный год.

Линия налегания отделяет лёд, опирающийся на дно, от плавающего шельфа. Само истончение шельфа почти не повышает уровень моря напрямую, но уменьшает его сопротивление движению материкового льда. Поэтому в оценках следует различать потерю шельфа, отступление линии налегания и изменение массы наземного льда [2, 3].

Цель статьи — обобщить механизмы деградации Туэйтса и возможные последствия для уровня моря.

Это обзор опубликованных спутниковых наблюдений и модельных работ, включая исследования 2026 года; собственных измерений и новых расчётов автор не проводил.

Физические причины и особенности отступления

Основной непосредственный механизм деградации — поступление относительно тёплой солёной воды под плавающий шельф. Она усиливает таяние его основания. Радарные наблюдения выявили также проникновение морской воды под часть зоны налегания; этот пространственно неоднородный процесс затрудняет моделирование взаимодействия льда и океана [1].

По анализу цифровых моделей поверхности за 2010–2022 годы наибольшее устойчивое отступление зоны налегания, до 0,7 км в год, отмечено в отдельных местах пересечения подлёдных каналов с этой зоной. Локальная

оценка базального таяния достигала около 250 м в год [2]. Эти значения нельзя распространять на весь ледник или смешивать со скоростью потери его массы.

Морское ложе ледника местами углубляется в направлении суши. Отступление линии налегания в такую область способно увеличить поток льда в океан — механизм неустойчивости морского ледникового щита. Его развитие зависит от локального рельефа, трения о дно, прочности шельфа и океанической циркуляции. Истончение шельфа ослабляет подпор наземного льда и способствует ускорению стока [2, 4].

Результаты исследований 2026 года

Goldberg, Morlighem и Gourmelen сопоставили две модели, калиброванные по скорости течения и изменению высоты поверхности в 2004–2017 годах. Способ калибровки существенно менял прогноз до 2067 года: модели, лучше воспроизводившие наблюдаемую потерю льда выше уровня плавучести, давали в одном из вариантов 180–200 Гт в год к 2067 году [3]. Это сценарный расчёт, а не наблюдаемый темп потерь в 2026 году.

Gao и соавторы в апреле 2026 года показали чувствительность модели к заданному таянию основания шельфа. В расчётном сечении Туэйтса различие между вариантами после инициализации составило примерно 30 км по положению линии налегания, около 40 м по истончению и почти двукратное различие скорости течения [4]. Эти числа сравнивают модельные состояния и не означают годовое отступление на 30 км.

Williams и соавторы в июле 2026 года провели модельный эксперимент с полным обнулением океанического таяния. В трёх моделях Туэйтс продолжал терять массу, хотя темп снижался, на горизонте 150 лет [5]. Результат указывает на длительный отклик ледника на прошлые изменения; он не отменяет роли нынешнего потока океанического тепла.

Otosaka и соавторы в сентябре 2026 года представили согласованную спутниковую оценку: за 1979–2023 годы Антарктический щит потерял 4780 ± 513 млрд т льда, что соответствует $13,3 \pm 1,4$ мм среднего глобального повышения уровня моря [6]. Потери Западной Антарктиды связаны прежде всего с ледяным стоком. Эти цифры относятся ко всему щиту, а не к одному леднику Туэйтса.

Литература:

1. International Thwaites Glacier Collaboration. Antarctica's Thwaites Glacier and sea-level rise: results from the International Thwaites Glacier Collaboration. September 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://thwaitesglacier.org/findings> (дата обращения: 26.09.2026).
2. Chartrand A. M., Howat I. M., Joughin I. R., Smith B. E. Thwaites Glacier thins and retreats fastest where ice-shelf channels intersect its grounding zone // *The Cryosphere*. 2024. Vol. 18. P. 4971–4992. DOI: <https://doi.org/10.5194/tc-18-4971-2024>.
3. Goldberg D. N., Morlighem M., Gourmelen N. Recent observations of Thwaites Glacier, West Antarctica are consistent with high rates of loss in next 50 years // *Geophysical Research Letters*. 2026. Vol. 53. e2025GL118823. DOI: <https://doi.org/10.1029/2025GL118823>.

Последствия для уровня моря и климатической системы

Ускоренный сток наземного льда повышает средний уровень моря и увеличивает риски для низменных побережий. Локальное изменение уровня дополнительно зависит от движения суши, циркуляции океана и гравитационного перераспределения воды. Поэтому условные 65 см при полном исчезновении Туэйтса нельзя напрямую считать прогнозом для конкретного города [1].

Отступление Туэйтса может изменить условия движения соседних ледников Западной Антарктиды. При этом оценка около 65 см для самого Туэйтса и потенциальный вклад более широкой части ледникового щита, превышающий несколько метров, относятся к разным географическим объектам [1]. Поступление пресной воды способно влиять на плотностную структуру Южного океана, но количественный вклад одного ледника в изменения крупномасштабной циркуляции остаётся неопределённым.

Мониторинг и ограничения прогноза

Для мониторинга нужны радарные измерения положения линии налегания и скорости течения, альтиметрия высоты поверхности, гравиметрия баланса массы и океанографические наблюдения под шельфом [2, 6]. Сравнение независимых методов помогает проверять модели. Главные ограничения прогноза — недостаток непрерывных подлёдных измерений, сложность рельефа и неопределённость трения льда о ложе; сценарные эксперименты нельзя трактовать как безусловные прогнозы [3–5].

Заключение

Деградацию ледника Туэйтса определяют океаническое таяние, форма морского ложа и ослабление подпора шельфа. Исследования 2026 года уточняют возможные темпы потери льда и показывают зависимость прогноза от исходного состояния и настройки моделей [3–6]. Условные 65 см характеризуют полный потенциальный вклад Туэйтса в средний глобальный уровень моря, а не ожидаемый результат ближайших десятилетий. Для оценки сроков и рисков необходимы длительные согласованные наблюдения и проверяемые сценарии [1, 5, 6].

4. Gao F., Shen Q., Wang H. [et al.]. Investigating the impact of sub-ice shelf melt on Antarctic ice sheet spin-up and projections // *The Cryosphere*. 2026. Vol. 20. P. 1947–1965. DOI: <https://doi.org/10.5194/tc-20-1947-2026>.
5. Williams C. R., Trevers M., Sun S. [et al.]. Mass loss from Thwaites Glacier continues even without ocean melting // *Geophysical Research Letters*. 2026. Vol. 53. e2026GL122843. DOI: <https://doi.org/10.1029/2026GL122843>.
6. Otosaka I. N., Shepherd A., Amory C. [et al.]. Mass balance of the Greenland and Antarctic ice sheets from the 1970s to 2023 // *Scientific Data*. 2026. Vol. 13. Article 1301. DOI: <https://doi.org/10.1038/s41597-026-08088-0>.

ЭКОЛОГИЯ

Обеспечение экологической безопасности с помощью строительства очистных сооружений

Денисова Екатерина Валерьевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

В статье автор рассматривает проблемы, возникающие в работе промышленных предприятий, и возможные пути их устранения.

Ключевые слова: экология, природа, загрязнение природы, очистные сооружения.

Экология — наука о взаимодействии человека и природы. Жизнь человека неразрывно связана с природой.

Деятельность человека в современных условиях создаёт множество негативных факторов: они наносят ущерб и природе, и здоровью людей. Именно это обуславливает экологические проблемы, характерные для строительной отрасли.

Промышленные предприятия — не просто производители товаров: это фундамент, на котором держатся и экономика, и социальная сфера, и технологическое развитие, и внешнеполитическая устойчивость государства. Предприятия являются крупными источниками выбросов и отходов, поэтому их работа должна сопровождаться экологическими мерами: строительством очистных сооружений, рециклингом, переходом на «зелёные» технологии [1].

Влияние заводов на экологию действительно серьёзное — и оно многогранно. Производство неизбежно оставляет след, но масштаб этого следа сильно зависит от технологий, которые использует предприятие.

Возникающие проблемы

Выброс вредных веществ в атмосферу. Состав выбросов зависит от отрасли. Например, металлургические предприятия выделяют пыль, оксиды серы и азота, тяжёлые металлы (свинец, медь, никель, кадмий). Химические заводы сбрасывают неорганические соединения, в частности сероводород [2], нефтеперерабатывающие — углеводороды, сернистые соединения, аммиак. Выбросы не только снижают качество воздуха в зоне расположения завода, но и распространяются на значительные расстояния с воздушными потоками. Они способствуют образованию кислотных дождей, усиливают парниковый эффект и в целом меняют климат.

Загрязнение водных ресурсов. Многие производства потребляют много воды, а возвращают уже загрязнённые стоки. В водоёмы попадают взвешенные частицы, масла, эмульсии, травильные растворы, соли, тяжёлые металлы, кислоты, щёлочи, нефтепродукты. Это нарушает кислородный режим, вредит водным экосистемам, делает воду непригодной для питья и хозяйства. Немаловажная проблема — термальное загрязнение: если завод сбрасывает стоки с повышенной температурой, это тоже нарушает жизнь водных организмов.

Загрязнение и деградация почв. В почву вредные вещества попадают разными путями: во-первых, через оседание пыли и аэрозолей из атмосферы, во-вторых, при складировании или утечках отходов, таких как шлаки, шламы, опилки, стружка, отработанные растворы. Тяжёлые металлы и другие токсичные соединения накапливаются, меняют химический состав почвы, приводят к её закислению или защелачиванию. В результате страдает растительность, а земли могут надолго выйти из сельскохозяйственного оборота.

Образование и накопление отходов. На всех стадиях производства возникают твёрдые отходы. Их скопление делает землю бесплодной, а разрушение приводит к заражению местности. Часть отходов содержит вещества I–V классов опасности, и их нужно особо тщательно учитывать, паспортизировать и передавать на переработку аккредитованным организациям.

Истощение ресурсов и нарушение ландшафтов. Добыча сырья для заводов (руда, нефть, уголь) сама по себе меняет ландшафт: появляются карьеры, терриконы. Это влияет на водный баланс, может вызывать оседание поверхности, обрушения.

Воздействие на биоразнообразие. Все перечисленные факторы в комплексе нарушают естественные экоси-

стемы: гибнут отдельные виды растений и животных, меляются пищевые цепи.

Решение проблем

Строительство очистных сооружений направлено на решение комплекса значимых задач.

Защитить водоёмы и почву от загрязнений. Без очистки сточные воды несут в себе массу вредных веществ: остатки бытовой химии, органические отходы, нефтепродукты, тяжёлые металлы. Очистные сооружения удаляют эти примеси, чтобы вода, попадающая в реки, озёра или грунт, не разрушала экосистемы [3].

Предотвратить распространение болезней. В неочищенных стоках могут быть патогенные бактерии, вирусы, паразиты. На очистных сооружениях проводят обеззараживание (например, с помощью ультрафиолета или хлорирования) — это снижает риски вспышек инфекций и делает среду безопаснее для людей.

Соблюдать экологические и санитарные нормы. В России действуют строгие требования к качеству сбрасываемых вод (в том числе по Водному кодексу и СанПиН). Очистные сооружения позволяют предприятиям и населённым пунктам соответствовать этим нормативам и избегать штрафов.

Снизить эвтрофикацию водоёмов. Избыток азота и фосфора в стоках вызывает бурный рост водорослей, из-за чего в воде падает уровень кислорода и гибнут

рыбы. Очистные технологии (в частности, биологическая очистка) целенаправленно удаляют эти элементы.

Обеспечить возможность повторного использования воды. На некоторых объектах очищенную воду применяют для технических нужд: полива, мойки территорий, подпитки производственных циклов. Это экономит ресурсы и снижает объём свежей воды, забираемой из природных источников.

Уровень негативного воздействия существенно различается в зависимости от обстоятельств.

Старые производства с изношенным оборудованием и устаревшими технологиями наносят гораздо больший вред, чем современные, где внедрены наилучшие доступные технологии: многоступенчатая очистка газов, замкнутые водные циклы, переработка и утилизация отходов. Есть и инновационные подходы: например, в металлургии экспериментируют с прямым восстановлением железа с использованием водорода вместо углерода, что заметно снижает углеродный след.

Современная хозяйственная деятельность создаёт множество факторов, негативно воздействующих на окружающую среду и здоровье людей, и именно они лежат в основе экологических проблем, связанных со строительством. В итоге получается, что заводы могут серьёзно ухудшать экологию, но при грамотном подходе и строительстве очистных сооружений этот след можно существенно сократить.

Литература:

1. Сазонов Э. В. Экология городской среды: учебное пособие для вузов / Э. В. Сазонов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М: Юрайт, 2023. — 299 с.
2. Садовникова Л. К., Орлов Д. С., Лозановская И. Н. Экология и охрана окружающей среды при химическом загрязнении: учебное пособие. — М.: Высшая школа, 2006. — 333 с.
3. Василенко Л. В., Никифоров А. Ф., Лобухина Т. В. Методы очистки промышленных сточных вод: учебное пособие. — Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. университет, 2009. — 174 с.

Современное состояние ихтиоценозов рек Азово-Кубанской равнины

Сасикова Наталья Сергеевна, преподаватель-исследователь;
Мартыненко Сергей Максимович, аспирант;
Самарцева Александра Сергеевна, аспирант
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

По результатам проведенных исследований в статье приводятся актуальные данные о составе ихтиофауны рек Азово-Кубанской равнины. Материалами во время исследования послужили ихтиологические данные, полученные в 2024–2025 гг. Анализ ихтиологического материала проводился по общепринятым методикам.

Представлены сведения по видовому составу ихтиофауны рек Азово-Кубанской равнины, которая в настоящее время включает 28 видов и подвидов рыб, относящихся к 7 семействам из 5 отрядов. Установлено абсолютное доминирование семейства карповых (Cyprinidae) — 18 видов (64,3 %).

Отмечается, что многолетнее зарегулирование стока и заиливание русел рек привели к выраженному процессу лимнизации экосистем и прекращению протяженных рыбохозяйственных миграций.

Ключевые слова: реки Азово-Кубанской равнины, ихтиофауна.

Введение

По территории Азово-Кубанской равнины, севернее долины р. Кубань, в направлении Азовского моря протекают малые реки, называемые степными. Бассейны приазовских степных рек представляют собой широкую, с отдельными холмами равнину средней высотой 150 м, плавно понижающуюся по направлению к Азовскому морю [1]. Всего по степной равнинной части Краснодарского края протекает более 10 тыс. малых рек [4].

Основная площадь бассейнов степных рек Краснодарского края расположена на территории Азово-Кубанской равнины, включающей Приазовскую низменность. Данная равнина занимает пространство между Азовским морем на западе, долинами рек Дон и Маныч на севере, Ставропольской возвышенностью на востоке и долиной р. Кубань на юге [5].

Практически все реки Азово-Кубанской равнины берут начало на отрогах Ставропольской возвышенности [2]. Небольшие реки «теряются» в лиманах и разливах или практически полностью «разбираются» на орошение [2].

Многие степные реки при впадении в Азовское море образуют лиманы, слабо связанные с морем, а иногда и совсем отделенные от него песчаными перемычками. Наиболее значительными реками Восточного Приазовья являются Ея (длина 311 км, площадь бассейна 8650 км²), Челбас (288 км и 3950 км²), Кирпили (202 км и 3431 км²), Бейсут (193 км и 6173 км²), Кагальник (162 км), Южный Бейсужек (161 км) и Сосыка (108 км) [1].

В целом реки Восточного Приазовья в большинстве своем невелики, мелководны и несудоходны. Многие реки вообще не имеют выраженной поймы, либо она незначительна в верховьях и средней части и развита лишь в низовьях. В естественном состоянии эти реки неглубоки (0,5–1,5 м), однако в настоящее время они практически на всём протяжении перегорожены многочисленными плотинами, образующими пруды шириной от 100 до 300 и более метров при глубинах от 1–1,5 до 2,5 м [1].

Питание рек осуществляется в основном за счет талых снеговых вод, тогда как доля дождевого и особенно грунтового питания незначительна [1]. Вследствие этого, режим рек характеризуется четко выраженным весенним половодьем, существенным понижением водности в летний период и слабой тенденцией к увеличению стока осенью (октябрь–ноябрь). Зимой, с наступлением ледостава, сток вновь уменьшается, поскольку питание водотоков в этих условиях поддерживается лишь незначительными запасами грунтовых вод [1].

Многолетняя хозяйственная деятельность привела к существенной трансформации гидрографической сети Азово-Кубанской равнины. Массовое строительство плотин для нужд орошения, водоснабжения и переездов превратило реки в каскады мелководных прудов и во-

дохранилищ. Зарегулирование стока и заиливание родников мощными слоями донных отложений вызвали резкое замедление водообмена, ухудшение качества воды и деградацию традиционных нерестилищ и мест нагула гидробионтов. При этом большинство созданных водоемов в настоящее время не используется в рыбохозяйственных целях или используется крайне малоэффективно [6].

Несмотря на масштабность антропогенных изменений, ихтиофауна степных рек Восточного Приазовья остается крайне слабо изученной. В опубликованной литературе встречаются лишь отдельные, фрагментарные публикации, посвященные ихтиофауне некоторых изолированных степных рек или их участков. Однако комплексных, обобщающих исследований, дающих целостное представление о состоянии и динамике ихтиоценозов всего бассейна Азово-Кубанской равнины как единой гидрографической системы, на протяжении последних десяти лет не проводилось.

Это и определило направление нашей работы. Цель исследования — дать комплексную оценку современному состоянию рыбных сообществ рек Азово-Кубанской равнины и выявить ключевые тренды трансформации структуры ихтиоценозов в условиях растущей антропогенной нагрузки и зарегулирования стока.

Материалы и методы

Материалом для работы послужили ихтиологические сборы, выполненные в 2024–2025 гг. Посезонный сбор проб проводили на участках верхнего, среднего и нижнего течения основных рек региона. Камеральную обработку и анализ материала осуществляли по общепринятым в ихтиологии методикам [7; 8].

Результаты и обсуждение

По нашим данным (табл.1), ихтиофауна рек Азово-Кубанской равнины в настоящее время представлена 28 видами и подвидами рыб, относящимися к 7 семействам: щуковые, карповые, вьюновые, колюшковые, окуневые, сомовые и бычковые.

Таксономический анализ показывает абсолютное доминирование представителей отряда карпообразных (Cypriniformes), на долю которых приходится 71,4 % от общего видового разнообразия (20 видов из 28). Наиболее разнообразно в видовом отношении представлено семейство карповые (Cyprinidae) — 18 видов (64,3 % всей ихтиофауны). Остальные 6 семейств представлены лишь 1–3 видами (табл. 1).

Самыми массовыми по численности являются красноперка, плотва, серебряный карась, уклейка, верховка. Из ценных промысловых видов встречаются: сазан, лещ, а в

Таблица 1

Семейство	Вид
отряд 1. Щукообразные — Esociformes	
1. Щуковые — Esocidae	1. Щука обыкновенная — <i>Esox lucius</i>
отряд 2. Карпообразные — Cypriniformes	
2. Карповые — Cyprinidae	2. Рыбец — <i>Vimba vimba vimba</i>
	3. Лещ — <i>Abramis brama</i>
	4. Тарань — <i>Rutilus rutilus heckeli</i>
	5. Плотва обыкновенная — <i>Rutilus rutilus</i>
	6. Уклейка — <i>Alburnus alburnus</i>
	7. Густера — <i>Blicca bjoerkna</i>
	8. Краснопёрка — <i>Scardinius erythrophthalmus</i>
	9. Линь — <i>Tinca tinca</i>
	10. Жерех — <i>Aspius aspius</i>
	11. Верховка — <i>Leucaspis delineatus</i>
	12. Серебряный карась — <i>Carassius auratus gibelio</i>
	13. Золотой карась — <i>Carassius carassius</i>
	14. Сазан, карп — <i>Cyprinus carpio</i>
	15. Белый толстолобик — <i>Hypophthalmichthys molitrix</i>
	16. Пёстрый толстолобик — <i>Aristichthys nobilis</i>
	17. Белый амур — <i>Ctenopharyngodon idella</i>
	18. Пескарь обыкновенный — <i>Gobio gobio</i>
	19. Горчак обыкновенный — <i>Rhodeus amarus</i>
3. Вьюновые — Cobitidae	20. Обыкновенная щиповка — <i>Cobitis taenia</i>
	21. Вьюн — <i>Misgurnus fossilis</i>
отряд 3. Сомообразные — Siluriformes	
4. Сомовые — Siluridae	22. Сом обыкновенный — <i>Silurus glanis</i>
отряд 4. Колюшкообразные — Gasterosteiformes	
5. Колюшковые — Gasterosteidae	23. Колюшка трехиглая — <i>Gasterosteus aculeatus</i>
отряд 5. Окунеобразные — Perciformes	
6. Окунёвые — Percidae	24. Окунь речной — <i>Perca fluviatilis</i>
	25. Судак — <i>Sander lucioperca</i>
	26. Ёрш — <i>Gymnocephalus cernuus</i>
7. Бычковые — Gobiidae	27. Бычок-песочник — <i>Neogobius fluviatilis</i>
	28. Речной бычок Родиона — <i>Neogobius rhodioni</i>

зарыбленных водоемах — карп, белый амур, белый и пестрый толстолобики.

Гидрологический режим зарегулированных рек Азово-Кубанской равнины полностью обуславливает характер поведения ихтиофауны:

— Из-за каскада плотин и отсутствия выраженного постоянного течения обитающие виды не совершают протяженных нерестовых, нагульных или зимовальных миграций. Их передвижения ограничены в пределах отдельных прудов и плесов для выбора участков размножения и нагула.

— В связи с замедленным течением и сильным заиливанием русел преимущественное развитие получают фитофильные виды. Нерест происходит на мелководьях, среди зарослей погруженной и полупогруженной водной растительности или на затопленных корнях высших растений. После размножения взрослые особи смещаются на более глубокие, слабозаиленные прудовые участки с благоприятным кислородным режимом.

— Выявленная структура ихтиофауны наглядно отражает процесс лимнизации (превращения речной экосистемы в озерную/прудовую).

Появление и устойчивое существование растительноядных видов (толстолобики, белый амур) свидетельствует об активном процессе эвтрофикации водоемов и искусственном формировании фитопланктонно-макрофитного типа кормовой базы.

Заключение

По данным исследований 2024–2025 гг., современная ихтиофауна рек Азово-Кубанской равнины насчитывает 28 видов и подвидов рыб из 7 семейств и 5 отрядов. Основу видового разнообразия формируют представители семейства карповых (64,3 %).

Под влиянием многолетнего антропогенного воздействия — массового гидростроительства и создания каскадов прудов — наблюдается глубокая трансформация гидрогра-

фической сети, вызвавшая выраженный процесс лимнизации речных экосистем. Зарегулирование стока и заиливание русел привели к формированию комплексов, состоящих из эврибионтных, фитофильных и лимнофильных видов. Доминирующее положение по численности занимают красноперка, плотва, серебряный карась, уклейка и верховка.

Прудовый характер водотоков полностью изменил пространственно-динамическую структуру рыбных сообществ: обитающие виды не совершают протяженных нерестовых и зимовальных миграций, ограничиваясь локальными передвижениями в пределах отдельных плесов

и прудов. Воспроизводство рыб приурочено исключительно к мелководным заросшим участкам.

Наличие и устойчивое функционирование популяций растительноядных рыб-интродуцентов (белый амур, белый и пестрый толстолобики) указывает на развитые процессы эвтрофикации водоемов.

Для восстановления и рационального использования рыбохозяйственного потенциала малых рек Восточного Приазовья необходима разработка программ по расчистке заиленных русел, оптимизации водного режима и научному обоснованию объемов зарыбления.

Литература:

1. Анисимов А. В., Битюков Н. А. Гидрологический режим и экологическое состояние степных рек Восточного Приазовья // Геология, география и глобальная энергия. — 2009. — № 4. — С. 112–118.
2. Битюков Н. А., Анисимов А. В., Ключников Д. А. Антропогенная трансформация гидрографической сети Азово-Кубанской равнины // Экологический вестник Северного Кавказа. — 2011. — Т. 7, № 2. — С. 45–52.
3. Болкунов О. А. Биоразнообразие ихтиофауны рек Азово-Кубанской равнины / О. А. Болкунов, Г. А. Москул, Н. Г. Пашинова // Естественные и технические науки. — 2015. — № 4 (82). — С. 48–51.
4. Борисов В. И. Реки Кубани. — Краснодар: Кубанское книжное издательство, 2005. — 120 с.
5. Лотышев И. П. География Краснодарского края: Энциклопедический словарь. — Краснодар: Кубанское книжное издательство, 2001. — 224 с.
6. Москул Г. А., Москул Н. Г., Абрамчук А. В. Современное состояние и рыбохозяйственное использование водоемов бассейна реки Кубань и степных рек Приазовья // Труды Кубанского государственного аграрного университета. — 2013. — № 42. — С. 87–93.
7. Правдин И. Ф. Руководство по изучению рыб (преимущественно пресноводных). — 4-е изд. — М.: Пищевая промышленность, 1966. — 376 с. (Базовая методика ихтиологических исследований).
8. Решетников Ю. С. Атлас пресноводных рыб России: в 2-х т. — М.: Наука, 2002. — Т. 1–2. — 727 с.

ИСТОРИЯ

Миграционные потоки и модели колонизации в Добром Городище в начале XVII века (по документам 1615 года)

Фролов Сергей Олегович, независимый исследователь (г. Белгород)

В статье исследуются миграционные потоки и модели колонизации Доброго Городища в начале XVII века на основе документов 1615 года и ряда других источников. Выделены и охарактеризованы основные группы переселенцев: монастырские крестьяне (на примере родов Окуловых и Фроловых), рязанские бортники, служилые люди из Рязжского уезда, западнорусские переселенцы. Новизна работы заключается в сопоставлении актов Чудова монастыря (Переславский уезд, 1562–1565 гг.) и документов по Доброму Городищу (1615 г.), а также в применении расчёта распашки как метода датировки начала хозяйственного освоения территории. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенного подхода к датировке освоения земель в других пограничных регионах, а также в расширении источниковой базы по истории южной колонизации Московского государства.

Ключевые слова: Доброе Городище, колонизация, миграция, монастырские вотчины, бортники, расчёт распашки, южное пограничье.

Введение

Колонизация южного пограничья Московского государства в конце XVI — начале XVII века остаётся одной из дискуссионных тем отечественной историографии. Долгое время основное внимание исследователей уделялось служилой миграции и военной составляющей освоения рубежей. В то же время такие категории населения, как монастырские крестьяне, бортники и западнорусские переселенцы, изучены слабее.

Доброе Городище (современное село Доброе, административный центр Добровского района Липецкой области) представляет собой уникальный случай для изучения колонизации южных рубежей государства. Населённый пункт был основан на правом берегу реки Воронеж в конце XVI века. В 1615 году село перешло во владение московского Новоспасского монастыря, а его земли были разделены между Чудовым, Новоспасским и Никольским (Добренским) монастырями [1, л. 35]. Документы 1615 года содержат поименные списки крестьян сёл Доброе Городище, Каликина Поляна и Ратчина Поляна.

Цель настоящего исследования — выявить основные миграционные потоки, оказавшие влияние на формирование населения Доброго Городища, и определить примерное время начала хозяйственного освоения региона.

Социальная структура населения

К 1615 году на данной территории существовало три церкви: Николы Чудотворца в Добром Городище (священник Терентей Ларионов), Рождества Христова в Каликиной Поляне (священник Иван Агеев) и Покрова Пресвятой Богородицы в Ратчиной Поляне (священник Андрей Внифантиев) [1, л. 38, 44, 49].

Документы 1615 года фиксируют в Добром Городище, Каликиной Поляне и Ратчиной Поляне, переданных монастырям, 230 крестьянских и бобыльских дворов. В них проживало 236 человек. Основную массу составляли крестьяне живущие — так называли население полноправных тяглых хозяйств, имевших свой двор и пашню. Бобыли — безземельные или малоземельные крестьяне — составляли около 10–15 % населения. Данные по Доброму Городищу представлены в таблице 1.

Земля находилась в общинном пользовании крестьян, вотчинниками земель выступали монастыри. Угодья (рыбные ловли, бортные ухажья, бобровые гоны, сенокосы) были переданы «всем трем монастырям вопче», то есть в общее пользование [1, л. 43, 48]. Паханой земли на 49 дворов Чудова монастыря приходилось всего около 18,7 чети (~10,3 га), то

Таблица 1. Крестьянские и бобыльские дворы Доброго Городища (1615 г.)

Монастырь	Крестьянских дворов	Бобыльских дворов	Всего дворов
Чудов монастырь	45	4	49
Новоспаский монастырь	43	7	50
Никольский монастырь	11	0	11

есть менее 0,4 га на двор [1, л. 41]. Основная масса крестьян жила за счёт перелога (66 чети) и «дикого поля» (95 чети). Типичная картина после Смуты: люди вернулись на запустевшие земли, но ещё не освоили старые угодья.

Результаты

Монастырская миграция: Окуловы и Фроловы

Наиболее полно документирована монастырская миграция из центральных уездов через вотчины Чудова монастыря. Акты Чудова монастыря 1562–1565 годов фиксируют крестьянские роды Окуловых и Фроловых в Переславском уезде (Конюцкий стан, деревни Шелково, Новоодерихино Кропино, Дубровка, Филипповское, Брянкино) [2, л. 1–3]. В 1615 году эти роды появляются в Добром Городище: Ондрей, Фрол и Петрушка Окуловы (Акуловы) упоминаются как крестьяне-вкладчики, сделавшие пожертвование в церкви Николая Чудотворца. Окуловы (Фрол, Ондрей) фигурируют в списке крестьян при размежевании земель между сёлами. Связь между двумя документами показана в таблице 2.

Таблица 2. Роды Окуловых и Фроловых: от Переславля к Доброму Городищу (1562–1615)

Год	Место	Имя/прозвище	Источник
1562	Переславский уезд, д. Шелково	Якуш Окулов	Сотная 1562 г.
1562	Переславский уезд, д. Новоодерихино	Фролко Окулов	Сотная 1562 г.
1562	Переславский уезд, д. Брянкино	Фрол Окулов, Сидко Фролов	Сотная 1562 г.
1615	Доброе Городище	Петруша Окулов, Ондрей, Фрол Окуловы	РГАДА, ф. 1209, оп. 2, ед. хр. 13917

Маршрут этого потока: Переславль-Залесский → Москва (Чудов монастырь) → Доброе Городище.

Западнорусский поток: книги «литовской печати»

О западнорусском влиянии свидетельствуют книги «литовской печати» в церкви села Каликина Поляна. Документ 1615 года фиксирует «минаея оршея ввест печать литовская» [1, л. 43 об-44]. «Оршея» означает «из Орши» — города в Речи Посполитой, крупного центра православного книгопечатания. Упоминание конкретного места издания свидетельствует о прямых культурных связях прихода с западнорусскими землями. В 1560–1580-х годах регион Орши и Смоленска был зоной боевых действий Ливонской войны, что способствовало исходу православного населения в Московское государство.

Выделены три книги «литовской печати»: Евангелие, Шестоднев и Минаея. Вероятно, они были изданы в одном из крупных центров книгопечатания Великого княжества Литовского в конце XVI — начале XVII веков: наиболее вероятны виленские издания типографии Мамоничей либо острожские издания 1580–1590-х годов. Позднее к ним могли добавляться книги из новых центров, таких как Кутейнская типография под Оршей.

В 1596 году Брестская уния усилила давление на православных. Никольская церковь в Добром Городище, в отличие от Каликиной Поляны, не имела книг «литовской печати»: её убранство было богаче, но книги были московской печати [1, л. 36 об-37]. Наличие книг «литовской печати» в Каликиной Поляне при их отсутствии в Никольской церкви Никольского монастыря Доброго Городища указывает на разную социальную и культурную природу приходов: Каликина Поляна была связана с западнорусскими переселенцами, тогда как Доброе Городище имело более «официальный» монастырский профиль.

Рязанские бортники и служилые люди рязской десяти

Сотная грамота 1567 г. упоминает владычных рязанских бортников Старорязанского и Каменского станов, которым были выделены ухояи [3, с. 426, 443, 450–457]. Среди бортников фигурируют Окуловы, Панины, Олексеевы, Татаринины — эти фамилии в 1615 г. встречаются среди жителей Доброго Городища и Каликина. Бортники были особой категорией государственных крестьян, знавших лесные и водные угодья. Они знали, где расположены бортные ухоя, умели ориентироваться в «диком поле», что ускоряло хозяйственное освоение территории. Их присутствие подтверждается и характером угодий, описанных в переписи 1615 г. (бортные ухоя, рыбные ловли, бобровые гоны).

Рязанские бортники Окуловы (1567) и переславские крестьяне Окуловы (1562) могут быть как родственниками, так и однофамильцами. В любом случае их появление в Добром относится к разным каналам переселения: бортники — к хозяйственному освоению, переславские Окуловы — к монастырской администрации после передачи земель в 1612/1613 гг.

Отдельный маркер служилой миграции — **новик рязжской десяти 1597 г. Пронка** (уменьш. от Прокофий?) **Михайлов**. Также его имя фиксируется в Добром Городище в 1615 г. Одновременно в Добром встречаются фамилии представителей той же десяти — **Панфилова** и **Панина** [4, с. 362–434]. Это свидетельствует о том, что в формировании населения Доброго Городища участвовали не только крестьяне и бортники, но и служилые люди, вышедшие из Рязжского уезда.

Рязжская десяти 1597 г. документирует их в качестве детей боярских, а отдельная книга 1615 г. показывает, что к этому времени они (или их потомки) уже осели в южном пограничье. Это дополняет картину миграции: рязанский поток включал как бортников, так и служилых людей, что делало его не только хозяйственным, но и военно-административным по своему характеру.

Датировка начала освоения земель (расчёт распахки)

Анализ соотношения пашни, перелога и «дикого поля» даёт приблизительную датировку активного освоения земель. При темпе распахки 1–1,2 чети в год на общину 18,7 чети пашни соответствуют примерно 15–19 годам освоения. Расчёт И. В. Рыльщикова ($105,75 : 12,25 \approx 9 : 1$; $(1 + 9) \times 3 = 30$ лет непрерывного хлебопашества до 1615 г.) даёт порядковую оценку времени устойчивого освоения села Каликиной Поляны [5, с. 26–29].

С учётом демографической динамики и колебаний урожайности оценка допускает отклонение в пределах ± 5 –6 лет. Таким образом, активное хозяйственное освоение земель можно датировать примерно 1597–1599 годами. Эта оценка согласуется с активизацией колонизационной политики в правление Бориса Годунова и позволяет рассматривать указанный период как ключевой для хозяйственного закрепления населения в Добром Городище.

Прочие миграционные потоки

Помимо названных потоков, в формировании населения Доброго Городища участвовали выходцы из городов Тульской засечной черты и южных городов-крепостей (Ельца) — их фамилии (Востриковы, Грецовы, Неклюдовы, Кобузовы, Саблины) отсутствуют в актах Чудова монастыря 1560-х годов, но встречаются в списках служилых людей по уездам 1585–1604-х гг. [4, с. 92–99, 101–127; 6, с. 401–513].

Отдельного упоминания заслуживает **лидско-жолудский поток**: перепись войска Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ) 1528 г. называет **Губаря Василия Ивановича** в Жолудском повете Троцкого воеводства, Жолудко Якоба, Яна Жука, Мартина Андреевича Плешка, Станислава Яновича Байко из Бельской земли Подляшского воеводства [7, с. 94, 119, 123–125, 132].

Населённые пункты из переписи 1528 г. — Бучин Шляхецкий, Бучино (из земель Подляшского воеводства), Токари (Дорогицкой земли Подляшского воеводства) и Жалудок (Троцкого повета) — соответствуют аналогичным фамилиям в Добром Городище [7, с. 126, 415].

К этому же кругу относится запись **о шляхтиче с фамилией (или прозвищем) Кири**н в Лидском повете в 1528 г. [8, л. 376] и крестьянине по фамилии **Карандыш** в 1636 г. [9, с. 268].

Эти совпадения подтверждают существование прямого миграционного канала из региона Жолудок — Лида на южное пограничье.

Сочетание потоков

Монастырская колонизация задавала административную рамку: Чудов и Новоспаский монастыри определяли структуру землевладения и приходскую организацию. Рязанские бортники и служилые люди рязжской десяти обеспечивали хозяйственную специализацию и военно-административную устойчивость, связанную с эксплуатацией лесных и водных угодий. Западнорусские переселенцы формировали культурную неоднородность приходов, что проявилось в наличии книг «литовской печати» и специфической антропонимике. Сочетание этих потоков и создало облик Доброго Городища как многослойного поселения южного пограничья.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на механизмы колонизации южных земель в конце XVI — начале XVII веков. Традиционно в историографии акцент делался на служилой миграции и военно-административном

освоении рубежей: именно через призму службы детей боярских и городских казаков чаще всего объясняют заселение южной окраины. Однако материалы по Доброму Городищу показывают, что ключевую роль играли и другие каналы переселения.

Монастырская колонизация выступала важнейшим организационным каркасом. На примере родов Окуловых и Фроловых прослеживается чёткая административная преемственность: от вотчин Чудова монастыря в Переславском уезде к новым землям на южном пограничье. Монастырь не просто перераспределял население, но и обеспечивал правовую фиксацию, размежевание и церковное устройство новых приходов. Такая модель переселения была особенно эффективна в условиях хозяйственного запустения после Смуты: монастыри могли мобилизовать ресурсы и гарантировать минимальный уровень устойчивости хозяйства.

Западнорусский культурный след фиксируется через книжные маркеры: в церкви села Каликина Поляна отмечены книги «литовской печати», в том числе «миней оршанская» [1, л. 43 об-44]. Термин «литовская печать» здесь следует понимать как обозначение изданий, выпущенных в Великом княжестве Литовском (преимущественно в Вильно, Остроге, Кутеино). Указание на «миней оршанскую» свидетельствует о связях прихода с Оршей и — шире — с центрами православно-книгопечатания ВКЛ. При этом Никольская церковь Доброго Городища имела иное книжное наполнение: её убранство и книги московской печати отражают более «официальный» монастырский профиль [1, л. 37–37 об.]. Даже внутри одного микрорегиона существовали разные культурные модели приходов, соответствующие разным миграционным каналам.

Расчётный метод на основе соотношения пашни, перелога и «дикого поля» позволяет предложить датировку начала устойчивого хозяйственного освоения земель — примерно 1597–1599 годы. Эта оценка согласуется с активизацией колонизационной политики в правление Бориса Годунова и с общими тенденциями правительственной поддержки заселения южных рубежей. Практическая ценность такого подхода состоит в том, что его можно применять и для других пограничных районов, где сохранились писцовые и раздельные материалы с детализацией угодий.

Военно-хозяйственный компонент колонизации представлен рязанскими бортниками и рязскими служилыми людьми. Их значимость была обусловлена не только военной службой, но и специализированными знаниями: бортники умели эксплуатировать лесные и водные угодья, ориентировались в «диком поле», знали расположение бортных ухожий и бобровых гонов. Именно поэтому их переселение имело выраженный хозяйственный эффект: оно ускоряло освоение территории и делало колонизацию более устойчивой.

Проведённое исследование позволяет рассмотреть историю Доброго Городища в контексте **промыслового освоения** южных окраин Русского государства. Результаты совпадают с выводами Ю. А. Мизиса, называвшего бортников одной из наиболее мобильных и хозяйственно активных групп населения, игравших важную роль в освоении пограничных территорий [10, с. 81–83].

Фамильные совпадения (Окуловы, Панины, Татариновы, Панфиловы и др.) между сотной грамотой 1567 года и документами 1615 года подтверждают участие этих групп в формировании населения Доброго Городища. Фамилии тех, кто осел в Добром Городище — Востриков, Окулов, Фролов, Неклюдов, Татаринов, — наиболее характерны для служилых людей южных уездов.

Антропонимические параллели с материалами переписи войска ВКЛ 1528 года следует трактовать как гипотетические: совпадение фамилий не доказывает прямой миграции, но может указывать на существование общих миграционных коридоров и распространённость определённых фамилий в пограничной среде. Для верификации таких связей необходимы дополнительные документы, фиксирующие перемещения и правовой статус переселенцев.

Колонизация Доброго Городища предстаёт как многослойный процесс, в котором монастырская администрация, служилые люди, бортники и западнорусские переселенцы выполняли взаимодополняющие функции. Административная рамка обеспечивалась монастырями, хозяйственная устойчивость — специалистами по эксплуатации угодий, военно-административная — служилыми людьми, а культурная — разными книжными традициями.

Заключение

Анализ источников по Доброму Городищу и окрестностям — документов 1615 года, актов Чудова монастыря, десятен, писцовых материалов и данных о книгопечатании — позволяет выделить несколько взаимосвязанных миграционных потоков, которые влияли на колонизацию южного пограничья в начале XVII века.

Монастырская миграция, прослеженная на примере родов Окуловых и Фроловых, показывает, что Чудов и Новоспасский монастыри координировали переселение через систему вотчин.

Хозяйственное освоение территории ускорялось за счёт присутствия специализированных групп населения — в первую очередь рязанских бортников. Их знания о лесных и водных угодьях, умение эксплуатировать бортные ухозя позволяли быстрее закрепляться на новых землях и рационально использовать природные ресурсы «дикого поля». Характер угодий, зафиксированный в документах 1615 года, прямо подтверждает значимость этой категории переселенцев для ранней колонизации региона.

Переселенцы из служилой среды выполняли не только оборонительные функции, но и способствовали закреплению государственной власти на пограничье, участвуя в организации местного управления и контроля над территориями. Совпадение фамилий (Панфилов, Панин и др.) в ряжской десятне и документах Доброго Городища свидетельствует о прямой связи между служилыми структурами Ряжского уезда и формированием местного населения.

Западнорусские культурные связи отражены в книгах «литовской печати», прежде всего в оршанской минее. Это свидетельствует о контактах прихода Каликиной Поляны с центрами православного книгопечатания Великого княжества Литовского, но само по себе не доказывает миграцию владельцев или читателей этих книг.

Расчёт, основанный на соотношении пашни, перелога и «дикого поля», позволяет приблизительно датировать начало устойчивого освоения земель. Результат зависит от урожайности, демографической динамики и местных условий, поэтому его нельзя считать точной датой, тем не менее расчёт согласуется с общими тенденциями государственной политики по освоению южных рубежей в конце XVI века.

Исследование имеет несколько ограничений. Совпадение фамилий не всегда свидетельствует о родстве или прямом переселении: оно может отражать широкое распространение одних и тех же фамилий. Книжные источники подтверждают культурные контакты, но не обязательно — присутствие носителей соответствующей книжной традиции. Проверить и уточнить выводы помогут дополнительные архивные материалы по соседним населённым пунктам и уездам.

Литература:

1. Отдельная книга Чудова и Новоспасского монастырей на вотчину в Добром Городище, Каликиной Поляне и Ратчиной Поляне Ряжского уезда. 1615 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 2. Ед. хр. 13917.
2. Сотная грамота с книг письма кн. И. Б. Ромодановского и И. И. Пушкина на вотчины Чудова монастыря в Переяславском уезде. 1562 г. // РГАДА. Ф. 281. Переяславль. № 202/8926.
3. Писцовые книги Рязанского края. XVI век / под ред. В. Н. Сторожева. — Рязань, 1900. — Т. 1, вып. 2. — С. 417–755.
4. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 1: Десятни и Тысячная книга XVI века / сост. В. Н. Сторожев. — М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891. — 459 с.
5. Рыльщикова, И. В. СВО XVII века. Историческое исследование. — М.: АСТ; КПАД, 2025. — 480 с.
6. Кадик, В. А. Елецкий уезд в начале XVII века: Елецкие десятни и платёжные книги / В. А. Кадик, М. Ю. Зенченко, Г. А. Иванова. — М.: Древлехранилище, 2011. — 514 с.
7. Перепись войска Великого княжества Литовского 1528 года. Метрика ВКЛ. Кн. 523 / Под ред. А. И. Груши, М. Ф. Спиридонова, М. А. Войтович. — Минск: Беларуская навука, 2003. — 444 с.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1767 (Лидский городской суд). Оп. 1. Д. 30.
9. Анищенко, Е. К. Шляхта Лидского повета: список XVIII ст. — Минск: Изд. В. Хурсик, 2013. — 312 с.
10. Мизис, Ю. А. Бортные ухажья как форма заселения и освоения южно-русского пограничья в XVI–XVII вв. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2013. — № 10 (126). — С. 80–85.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Скоростно-силовая подготовка лыжников — юношей 15–16 лет с использованием анаэробных упражнений средней мощности

Мартынов Яков Александрович, старший преподаватель;

Левенцов Дмитрий Иванович, старший преподаватель;

Базанов Игорь Николаевич, старший преподаватель;

Лепихов Андрей Александрович, преподаватель

Нахимовское военно-морское училище (г. Санкт-Петербург)

Увеличение соревновательных скоростей и рост плотности результатов в лыжных гонках обостряют проблему скоростно-силовой и анаэробной подготовленности спортсменов. Для юношей 15–16 лет, находящихся в периоде активного набора мышечной массы и завершения формирования кардиореспираторной системы, решение этой задачи имеет особое значение: переход в юниорские группы сопровождается резким повышением требований к аэробно-анаэробной работоспособности, при этом существующие тренировочные подходы не всегда обеспечивают достаточное развитие данного механизма. Использование анаэробных упражнений средней мощности с точным дозированием нагрузки позволяет целенаправленно стимулировать аэробно-анаэробный механизм энергообеспечения, не перегружая растущий организм и не вызывая глубокого закисления, характерного для максимальных анаэробных усилий.

Ключевые слова: лыжные гонки, скоростно-силовая подготовка, анаэробные упражнения средней мощности, статодинамический метод, порог анаэробного обмена.

Введение

Подготовка лыжников-гонщиков строится на развитии аэробных и анаэробных возможностей в их сочетании. Увеличение соревновательных скоростей и уплотнение результатов на финише требуют от спортсменов не только объёмной аэробной базы, но и выраженных скоростно-силовых качеств [3, 11]. Поляризованная модель планирования, при которой 88–91 % тренировочного времени приходится на низкую интенсивность [6], не снимает вопроса о том, как именно включать в работу анаэробный компонент, особенно в юниорском возрасте.

Возраст 15–16 лет занимает особое место в многолетней подготовке лыжника. В этот период завершается анатомо-физиологическое созревание, активно набирается мышечная масса, возрастают резервы сердечно-сосудистой и дыхательной систем [11]. Одновременно многие авторы фиксируют замедление темпов прироста результатов при переходе в юниорские группы, что связывают с недостаточным развитием аэробно-анаэробного механизма энергообеспечения и нерациональным чередованием нагрузок разной направленности [8, 9].

Подобная динамика во многом обусловлена недостаточным развитием аэробно-анаэробного механизма энергообеспечения мышечной деятельности, что связано с неоптимальным распределением разнонаправленных

тренировочных нагрузок и отсутствием научно обоснованных методик применения анаэробных упражнений средней мощности в учебно-тренировочном процессе юных лыжников [8, 9].

В связи с этим возникает необходимость в разработке и экспериментальной проверке средств и методов скоростно-силовой подготовки, адаптированных к возрастным и функциональным особенностям лыжников 15–16 лет, с акцентированным использованием анаэробных нагрузок средней мощности.

Материалы и методы исследования

Аналитический обзор источников. Чтобы понять, на что именно делать акцент в тренировке, мы опирались на данные опроса тренеров. Анализ результатов позволил выявить ранговую структуру факторов, определяющих необходимость применения анаэробных упражнений средней мощности в подготовке лыжников 15–16 лет. Ключевыми факторами, по мнению специалистов, являются:

- 1) необходимость развития аэробно-анаэробного механизма энергообеспечения мышечной деятельности (27,1 %);
- 2) высокая значимость общей и скоростной выносливости (22,9 %);
- 3) необходимость развития дыхательной системы и мышцы сердца (17,3 %).

4) К менее ранговым, но не менее значимым факторам относятся: рост спортивного мастерства (12,7 %), развитие основных мышечных групп (11,2 %) и формирование умения поддерживать высокую скорость на протяжении всей дистанции (8,8 %) [8, 9].

Цифры подтверждают научно-практические исследования: результат в беге на 3000 м тесно связан с силовой выносливостью (отжимания $r=0,59$; подтягивания $r=0,57$). Установленные корреляции свидетельствуют о том, что результативность на средних дистанциях в значительной степени определяется уровнем анаэробной силовой выносливости основных мышечных групп. При этом формальное включение соответствующих упражнений в тренировочный план не обеспечивает автоматического прироста результатов. Эффективность их применения напрямую обусловлена соблюдением специфических психолого-педагогических условий [10]. Анаэробный порог мышц нижних конечностей наступает при ЧСС около 144 уд/мин, что указывает на лимитирующую роль локального мышечного утомления [12]. Это обстоятельство требует включения в тренировочный процесс упражнений, избирательно воздействующих на наиболее загруженные мышечные массивы.

Организация исследования. В эксперименте участвовали 20 лыжников-юношей 15–16 лет. Мы разделили их

на ЭГ ($n=10$) и КГ ($n=10$). Эксперимент длился 2 месяца в подготовительном периоде. КГ тренировалась по традиционному плану, а в ЭГ мы внедрили:

— локально-избирательные упражнения на инерционных тренажерах (25–30 % от максимума) с акцентом на рабочие мышечные группы [3, 14];

— анаэробные упражнения в статодинамическом режиме и интервальные подъемы на лыжероллерах (40–60 сек) с неполным восстановлением [16];

— повторный метод скоростной выносливости на отрезках 80–100 м (5–7 повторений) [5];

— упражнения на стабилизацию мышц кора, выполняемые на протяжении всего периода [15].

Контроль эффективности осуществлялся с помощью тестов: прыжок в длину, десятикратный многоскок, отжимания за 20 сек, прохождение 100 м на лыжероллерах.

Результаты и обсуждение исследования

Два месяца эксперимента наглядно показали: точечное использование анаэробных упражнений средней мощности дает гораздо больший эффект, чем традиционная «общая» нагрузка. Данные до и после эксперимента представлены в таблице 1.

Таблица 1. Динамика показателей скоростно-силовой подготовленности лыжников — юношей 15–16 лет ($M \pm m$)

Показатель	ЭГ (до)	ЭГ (после)	КГ (до)	КГ (после)	Достоверность (ЭГ vs КГ после)
Прыжок в длину с места, см	238 $\pm$ 4,2	249 $\pm$ 3,8*	239 $\pm$ 4,5	241 $\pm$ 4,1	$p < 0,05$
Десятикратный многоскок, м	26,1 $\pm$ 0,4	27,2 $\pm$ 0,3*	26,2 $\pm$ 0,5	26,3 $\pm$ 0,4	$p < 0,05$
Отжимания за 20 сек, кол-во	31,2 $\pm$ 0,6	32,5 $\pm$ 0,5*	31,0 $\pm$ 0,5	30,8 $\pm$ 0,6	$p < 0,05$
100 м лыжероллеры, с	15,8 $\pm$ 0,2	15,2 $\pm$ 0,1*	15,9 $\pm$ 0,2	15,8 $\pm$ 0,2	$p < 0,05$
100 м лыжероллеры — шаг, м	3,98 $\pm$ 0,06	4,05 $\pm$ 0,06*	3,97 $\pm$ 0,05	3,96 $\pm$ 0,05	$p < 0,05$

Примечание: * — статистически значимые различия по сравнению с исходными данными и КГ ($p < 0,05$).

Достоверный прирост показателей в экспериментальной группе обусловлен спецификой подобранных тренировочных средств. Увеличение количества отжиманий на 4,1 % стало следствием применения статодинамического метода: выполнение силовых упражнений в медленном темпе на фоне неполного восстановления создает в работающих мышцах условия локальной гипоксии. Это стимулирует адаптацию мышечных волокон к дефициту кислорода и повышает силовую выносливость без глубокого метаболического закисления [16].

Сокращение времени прохождения 100-метровой дистанции на лыжероллерах на 3,5 % достигнуто преимущественно за счет увеличения длины шага (на 1,7 %), что

указывает на рост силы отталкивания при сохранении прежнего темпа движений. Выявленная тенденция подтверждает эффективность использованного повторного метода на отрезках 80–100 м: как отмечает А. И. Ковалев [5], выполнение 5–7 повторений в данном режиме позволяет развивать скоростную выносливость без снижения скорости и нарушения структуры двигательного акта.

Отдельно стоит отметить методический аспект. Максимальные анаэробные усилия часто ведут к перенапряжению юных спортсменов [4]. Упражнения средней мощности позволили нам плавно сместить порог анаэробного обмена (ПАНО). При этом, как верно замечают Е. А. Реуцкая и В. И. Михалев [13], у квалифицированных лыж-

ников рост мастерства выражается не в зашкаливании пульса на уровне ПАНО, а в способности выдавать большую мощность (или скорость) при тех же пульсовых значениях.

В контрольной группе, где тренировочный процесс строился по инерции, без акцента на параметризованную анаэробную работу, сдвиги оказались статистически незначимыми. Это еще раз доказывает: чтобы сдвинуть ПАНО и подготовить организм к юниорским нагрузкам, нужно целенаправленно работать в зоне средней анаэробной мощности, а не просто «накачивать» объем [2, 15].

Заключение и выводы

1. Возраст 15–16 лет требует пересмотра подхода к скоростно-силовой подготовке. Организм готов к ан-

аэробным нагрузкам, но они должны быть строго дозированы, чтобы не сорвать адаптацию.

2. Анаэробные упражнения средней мощности (статодинамика, интервалы 40–60 сек, повторный метод на 80–100 м) — это безопасный и эффективный инструмент. Они повышают мощность на уровне ПАНО и учат организм работать в условиях нарастающей гипоксии.

3. Педагогический эксперимент подтвердил: комплекс с локально-избирательными упражнениями и со статодинамикой дает достоверный прирост в прыжковых тестах, спринте на лыжероллерах и силовой выносливости по сравнению с традиционными методами.

4. Тренерам рекомендуется выделять на аэробно-силовую работу не менее 1/4 объема силовой подготовки и обязательно контролировать субъективное восприятие нагрузки (S-RPE), чтобы избежать скрытой перетренированности.

Литература:

1. Веденеев, Д. Е. Использование статических и динамических упражнений для развития силовой выносливости у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, занимающихся лыжной подготовкой / Д. Е. Веденеев // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: Сборник научных статей Всероссийского круглого стола, Орел, 20 июня 2024 года. — Орел: Орловский юридический институт МВД РФ им. В. В. Лукьянова, 2024. — С. 45–49. — EDN FKLPNL.
2. Воронова, Е. Подготовка лыжников-гонщиков 14–15 лет в предсоревновательный период в Республике Карелия / Е. Воронова // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. — 2025. — № 2(38). — С. 173–181. — DOI 10.14258/zosh(2025)2.16. — EDN UQWZXC.
3. Гурский, А. В. Использование в тренировочном процессе лыжников-гонщиков специализированного комплекса скоростно-силовой направленности / А. В. Гурский, В. Н. Чернова, О. М. Бубненко // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2023. — № 5(219). — С. 137–142. — DOI 10.34835/issn.2308–1961.2023.05.p137–143. — EDN RGPWGV.
4. Джолиев, И. М. Методика развития выносливости у юных лыжников-гонщиков на этапе начальной спортивной специализации с учетом педагогических принципов доступности и последовательности / И. М. Джолиев, Б. М. Сапаров, Э. Ю. Башмаков [и др.] // Управление образованием: теория и практика. — 2025. — № 9–2. — С. 23–33. — DOI 10.25726/93648–6444–7842-i. — EDN RXOGPW.
5. Ковалев, А. И. Особенности развития скоростной выносливости у лыжников-гонщиков 16–17 лет / А. И. Ковалев, Н. В. Левченкова // Сборник научных трудов молодых ученых университета: Сборник статей. — Смоленск: Смоленский государственный университет спорта, 2025. — С. 52–56. — EDN YDPPEJ.
6. Куимов, В. Ю. Сочетание тренировочной нагрузки аэробно-силовой направленности в лыжных гонках / В. Ю. Куимов, А. И. Чикуров // Современные вопросы биомедицины. — 2024. — Т. 8, № 3(29). — DOI 10.24412/2588–0500–2024_08_03_32. — EDN DRJBXS.
7. Кукшинова, М. В. Особенности функциональной подготовленности спортсменов высокой квалификации, специализирующихся в лыжных гонках / М. В. Кукшинова // Наука и спорт: современные тенденции и перспективы развития ММА в Российской Федерации: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Ханты-Мансийск, 11 ноября 2022 года. — Ханты-Мансийск: Сектор редакционно-издательской работы Научной библиотеки федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Югорский государственный университет», 2023. — С. 78–82. — EDN RSGQNC.
8. Лепихов, А. А. Структура факторов, определяющих необходимость применения анаэробных упражнений средней мощности в процессе подготовки лыжников 15–16 лет / А. А. Лепихов, А. Э. Болотин, А. Э. Непанов // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. — 2024. — Т. 19, № 2. — С. 107–111. — EDN FTJDDS.
9. Лепихов, А. А. Факторы, определяющие необходимость применения анаэробных упражнений средней мощности в процессе подготовки лыжников 15–16 лет / А. А. Лепихов, А. Э. Болотин, А. Э. Непанов // Культура физическая и здоровье. — 2024. — № 2(90). — С. 244–248. — DOI 10.47438/1999–3455_2024_2_244. — EDN EOZFGR.
10. Непанев, А. Э. Характеристика психолого-педагогических условий, необходимых для подготовки лыжников с применением анаэробных упражнений средней мощности / А. Э. Непанев, А. А. Лепихов, С. С. Клименко //

Студенческий спорт в современном мире: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2024 года. Том 2. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024. — С. 364–367. — EDN UPVCWL.

11. Петенева, К. Д. Особенности физической подготовки лыжниц-гонщиц 15–16 лет в подготовительном периоде / К. Д. Петенева // Физическая культура, здравоохранение и образование: Материалы XVII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти В. С. Пирусского, Томск, 14 ноября 2023 года. — Томск: Общество с ограниченной ответственностью «СТТ», 2023. — С. 301–303. — EDN HCZZIK.
12. Петров, Р. Е. Исследование амплитуды сокращения четырехглавой мышцы бедра лыжников-гонщиков в подготовительном периоде подготовки / Р. Е. Петров, И. Ш. Мутаева, Г. З. Халиков // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. — 2024. — № 6. — С. 88–95. — DOI 10.24412/2305-8404-2024-6-88-95. — EDN JGD XVW.
13. Реуцкая, Е. А. Функциональные возможности лыжников-гонщиков при переходе на этап высшего спортивного мастерства / Е. А. Реуцкая, В. И. Михалев // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2023. — № 10(224). — С. 368–372. — DOI 10.34835/issn.2308-1961.2023.10.p368-372. — EDN WGVBNH.
14. Рось, А. Ю. Развитие специальной выносливости лыжников-гонщиков 15–17 лет / А. Ю. Рось // Здоровье участников образовательного процесса: современные вызовы и решения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Киселевск, 24 апреля 2025 года. — Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2025. — С. 308–317. — EDN RBHDQR.
15. Щапов, Е. В. Мониторинг тренировочной нагрузки в рамках мероприятий текущего контроля лыжников-гонщиков / Е. В. Щапов, Е. А. Реуцкая, В. И. Михалев, П. Д. Родионовская // Наука и спорт: современные тенденции. — 2024. — Т. 12, № 4(48). — С. 183–190. — DOI 10.36028/2308-8826-2024-12-4-183-190. — EDN ECXAAJ.
16. Юровских, В. С. Развитие силовой выносливости у лыжников — гонщиков 14–15 лет / В. С. Юровских, В. И. Назмутдинова // Стратегия формирования здорового образа жизни населения: экосистемный подход и цифровая трансформация: Материалы XXII Международной научно-практической конференции, посвященной памяти д. п.н., профессора В. Н. Зуева, Тюмень, 21–22 ноября 2024 года. — Тюмень: ООО «Вектор БУК», 2024. — С. 417–419. — EDN DHSUJU.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

«О духовном в искусстве» В. В. Кандинского и «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской: метафоры теософских текстов в теории абстракционизма

Коробова Анастасия Валентиновна, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Настоящая статья посвящена междисциплинарному текстологическому и сравнительно-семиотическому анализу фундаментальных произведений — «Тайной доктрины» Е. П. Блаватской и манифеста «О духовном в искусстве» В. В. Кандинского. В центре внимания автора находится категория окказиональной (индивидуально-авторской) метафоры как базового конструкта, связывающего абстрактные философско-эзотерические категории с пластическим языком раннего авангарда. На основе анализа широкого массива историографических источников, генезиса редакций и романтико-символистского литературного контекста эпохи доказано, что геометрические фигуры, понятия «внутренней необходимости», «эманации» и «контрапункта» у В. В. Кандинского функционально и структурально восходят к теософской модели семиозиса мироздания, предложенной Е. П. Блаватской.

Ключевые слова: В. В. Кандинский, Е. П. Блаватская, теософия, абстракционизм, «Тайная доктрина», «О духовном в искусстве», текстология, метафора, семиотика геометрии, неоромантизм, русский символизм.

“On the Spiritual in Art” by V. V. Kandinsky and “The Secret Doctrine” by H. P. Blavatsky: metaphors of theosophical texts in the theory of abstractionism

Korobova Anastasiya Valentinovna, student
St. Petersburg State University

This article is devoted to an interdisciplinary textual and comparative-semiotic analysis of fundamental works — «The Secret Doctrine» by H. P. Blavatsky and the manifest «On the Spiritual in Art» by V. V. Kandinsky. The author focuses on the category of occasional (authorial) metaphor as a basic construct connecting abstract philosophical and esoteric concepts with the plastic language of the early avant-garde. Based on an analysis of a wide range of historiographical sources, the genesis of editions, and the romantic-symbolist literary context of the era, it is proven that geometric shapes, concepts of «inner necessity», «emanation», and «counterpoint» in Kandinsky's theory functionally and structurally trace back to the theosophical model of the semiosis of the universe proposed by Blavatsky.

Keywords: V. V. Kandinsky, H. P. Blavatsky, theosophy, abstract art, «The Secret Doctrine», «On the Spiritual in Art», textual analysis, metaphor, semiotics of geometry, neoromanticism, Russian symbolism.

Введение и актуальность исследования

Рубеж XIX–XX веков характеризуется катастрофической ломкой позитивистской картины мира, сопровождающееся интенсивным поиском новых духовных ориентиров. На фоне кризиса традиционных религиозных институтов и размывания рационалистических парадигм фундаментальную роль в становлении новой эстетической реальности сыграла теософия — синкретическое учение, сформулированное Еленой Петровной Блаватской (1831–1891).

Возникший в начале 1910-х годов абстрактный экспрессионизм и теория беспредметного искусства Василия Васильевича Кандинского (1866–1944) традиционно рассматриваются в искусствоведении в контексте радикального формотворчества. Однако глубинное измерение этого переворота связано с теоретическим обоснованием отказа от фигуративности, изложенным Кандинским в трактате «О духовном в искусстве» (1911–1912). В отечественной и зарубежной литературе неоднократно отмечалось влияние теософских идей на художника, однако подавляющее большинство работ носит либо общеполитический, либо фак-

тологический характер. При этом тексты Е. П. Блаватской и В. В. Кандинского крайне редко становились объектом прямого текстологического и филолого-искусствоведческого анализа, в котором первоисточники рассматривались бы как самостоятельные литературные произведения, созданные по законам окказиональной метафоризации и мифопоэтики своего времени.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью преодоления одностороннего формально-стилистического взгляда на истоки абстракционизма и смещения научного фокуса на анализ индивидуально-авторской метафоры (в терминологии Ю. М. Лотмана [1, с. 42]) как связующего звена между оккультно-теософским дискурсом и языком живописи XX века.

1. Историография проблемы: от критического скептицизма к текстологическому анализу

Изучение связи теории Кандинского с оккультно-теософской традицией проходило в историографии через длительный этап преодоления формалистских и идеологических табу.

Первопроходцем в системном исследовании данной проблемы выступил финский исследователь Сикстен Рингбом, опубликовавший в 1966 году программную статью, а в 1970 году — фундаментальную монографию «Звучащий космос» (*The Sounding Cosmos*) [2; 3]. Рингбом впервые документально доказал прямую зависимость ранней абстрактной теории Кандинского от оккультной литературы, в частности от работ Рудольфа Штайнера, а также иллюстрированного трактата Энни Безант и Чарльза Ледбитера «Мыслеформы» (*Thought-Forms*, 1901). Сопоставив «беспредметные» цветные иллюстрации теософов, изображавшие ауры и ментальные вибрации, с акварелями и живописными полотнами Кандинского 1910–1912 годов, Рингбом справедливо подчеркнул: «Помимо того, что эти цветные иллюстрации представляют собой интересные документы для истории выражения, их можно рассматривать как первые беспредметные изображения, выполненные примерно за десять лет до знаменитой акварели Кандинского 1910 года... Но они соответствуют основному требованию Кандинского о том, что художник должен пренебречь физической видимостью материи в пользу психической реальности духовного» [2, р. 389].

Кроме того, Рингбом выявил эсхатологическую формулу «Отец — Сын — Дух» в «Композиции VI» и проследил, как теософская модель вибраций трансформировалась у Кандинского в концепт «внутренней необходимости».

Несмотря на открытия Рингбома, в западном искусствоведении долгое время сохранялась скептическая линия (И. Эйхнер, В. Хафтман, Ж. Касс), стремление «защитить» мастера от упреков в мистицизме, трактовавшая оккультные увлечения Кандинского как случайный и поверхностный эпизод, не затронувший глубинной сути его чисто живописных исканий.

В 1980-е годы возник новый этап осмысления проблемы.

Роуз-Кэрол Уоштон Лонг связывала интерес Кандинского к теософии с радикализмом и «христианским анархизмом», рассматривая мистический эсхатологизм как форму протеста против академического материализма и поиск духовно-социальной утопии [4]. Рейнхольд Хэллер, напротив, выдвинул концепцию «теории лозунгов» (*theory of slogans*), согласно которой Кандинский использовал эзотерические концепты не как строгую религиозную систему, а как свободный арсенал метафор:

«Теория Кандинского имеет тенденцию быть «теорией лозунгов», то есть художник подбирает фразы и концепции... и использует их вне их первоначального контекста... Эта практика либерального заимствования и даже прямого воровства слов, подстановки смутных идей на полностью развитые концепции и привела мысль Кандинского к таким разнообразным интерпретациям...» [5, р. 23].

Выдающийся исследователь Вернер Хофман в работе «Основы современного искусства» указал на прагматическую сторону метафоры Кандинского, назвав её «прикрытием с тыла»:

«Чтобы защититься от этих упреков [в уничтожении предметного мира], художнику требуется союз с авторитетом, который делает художника своим орудием воплощения. Чтобы, следовательно, оправдать свою деятельность, он подчиняет диктату законов природы... Зная, что его аргументы в пользу свободы художественного творчества не будут никем услышаны, Кандинский обеспечил себе прикрытие с тыла, обратившись к космическим силам» [6, с. 109].

В отечественном искусствоведении советского периода тема теософских истоков абстракционизма находилась под фактическим запретом. Лишь с конца 1990-х годов появились исследования Б. Фаликова, Ю. Шабановой, В. Костромицкого, А. Курбановского. Особый вклад внес Б. М. Соколов, проанализировавший связь Кандинского с философией «всеединства» В. Соловьева, историософией Д. Мережковского и русским фольклором [7]. Н. Курчанова исследовала влияние трехтомного труда А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» на механизм образования визуальных и поэтических метафор мастера [8]. Наконец, монументальное двухтомное критическое издание Н. П. Подземской (2019) заложило строгую текстологическую основу для изучения эволюции рукописей трактата «О духовном в искусстве» [9].

Тем не менее, приходится констатировать: при обилии обобщающих работ, исследований, которые бы рассматривали Е. П. Блаватскую и В. В. Кандинского именно как писателей и проводили бы сквозной текстологический анализ их окказиональных метафор, до сих пор крайне мало.

2. Е. П. Блаватская и «Тайная доктрина»: генезис, романтическая поэтика и структура текста

Чтобы понять природу метафорического языка «Тайной доктрины» (1888), необходимо обратиться к истокам формирования Е. П. Блаватской как писательницы.

Генеалогия её творческого метода восходит к традиции русского и европейского романтизма. Фундаментальное влияние на Блаватскую оказала ее мать — Елена Андреевна Ган (публиковавшаяся под псевдонимом «Зинаида Р-ва»), называемая Белинским «русской Жорж Санд». В повестях Ган романтический пафос протеста против прозаической «пошлости» сочетался с автобиографизмом и религиозным поиском [10, с. 10].

Для обеих писательниц творчество было способом самоопределения в контексте вечных, вневременных истин, однако если у Ган эти истины воплощались в живых человеческих судьбах, то у Блаватской они трансформировались в абстрактно-космогонические категории.

Второй важнейший импульс был получен от английского романтизма, в особенности от оккультных романов Эдварда Булвер-Литтона («Занони», «Последние дни Помпеи», «Грядущая раса»). Именно Булвер-Литтон сформировал у Блаватской тягу к розенкрейцерской атрибутике, эстетизации тайны, образу «невидимых учителей» (махатм) и использованию сказочно-мифологической фабулы как отражения высшей реальности.

От романтизма Блаватская унаследовала и специфическую «научную дистанцию» — отстраненный, квазинаучный взгляд на мистический опыт (подобно тому как Джон Констебл фиксировал на обороте этюдов температуру воздуха и направление ветра, подходя к живописи как естествоиспытатель). Неслучайно С. Ю. Витте, приходившийся Блаватской троюродным братом, мемуарно отмечал поразительную феноменальность и одновременно стихийную импровизационность её литературного таланта: «...она могла писать целые листы стихами, которые лились, как музыка, и которые не содержали ничего серьезного; она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала» [11, с. 24].

Текстологический анализ процесса создания «Тайной доктрины» в 1884–1888 годах (в Вюрцбурге, Остенде и Лондоне) раскрывает сложную коллективную редактуру. Задуманная изначально как расширенный комментарий к ее первой книге «Разоблаченная Изида» (1877), «Тайная доктрина» постепенно переросла в самостоятельный космогонический эпос. Как пересказывал замысел книги М. Гендель: «Я беру из „Изиды“ только факты, отбрасывая всё, что было в форме трактатов, нападки на христианство и науку — короче говоря, весь бесполезный материал... Только мифы, символы и догматы, объяснённые с эзотерической точки зрения» [12, с. 15].

Структурным каркасом труда стали так называемые «Священные Станцы Дзиан» — архаический текст, якобы переведенный Блаватской с сензарского языка. Использование жанра станцы (восходящего к провансальской поэзии, поэмам Данте и Байрона) само по себе являлось романтической репрезентацией фрагментарности и эпоса. Текст дорабатывался при участии Г. Олкотта, графини К. Вехтмейстер, М. Генделя, а также братьев Артура и Бертрама Кейтли, которые упорядочивали хаотичные руко-

писные блоки и формировали двухтомную структуру: Том I — «Космогенезис», Том II — «Антропогенезис» [13, с. 39].

Как указывала в письмах переводчица «Тайной доктрины» на русский язык Е. И. Рерих, коллективная редакция привела к возникновению множества текстовых смысловых лакун и противоречий: «Но приходится принимать во внимание количество рук, корректировавших англ [ийское] издание “Тайной доктрины”...» [14]. Тем не менее, именно эта сложная интертекстуальная ткань обеспечила произведению невероятную суггестивную силу. Немецкий перевод «Тайной доктрины» (1907–1909), выполненный доктором Робертом Фребе, был хорошо известен в интеллектуальных кругах Мюнхена и послужил одним из прямых источников для В. В. Кандинского.

3. В. В. Кандинский и «О духовном в искусстве»: эволюция теории, текстология и связь с символизмом

Формирование В. В. Кандинского как мыслителя и писателя происходило на пересечении трех культурных векторов: строгого университетского рационализма, эстетики русского символизма и германского неоромантизма.

Обучение Кандинского на юридическом факультете Московского университета (1885–1893) по кафедре политической экономии и статистики под руководством проф. А. И. Чупрова сформировало у него фундаментальное стремление к систематизации, формулированию «законов» и поиску логических оснований социальных и эстетических процессов. Переход от юриспруденции к живописи в 1896 году не уничтожил в нем ученого: Кандинский перенес исследовательский пафос на изучение законов формы и цвета.

Второй важнейшей вехой стало его погружение в атмосферу русского «серебряного века». Идея «всеединства» и «свободной теософии» Владимира Соловьева, исторософский мессианизм Дмитрия Мережковского, концепция драматурга-символиста Мориса Метерлинка о «душевных вибрациях» (Сокровище смиренных) и фундаментальный трехтомник А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» заложили основу художественного мировоззрения Кандинского. Однако, в отличие от созерцательного пассивизма ранних символистов, Кандинский придал этим концепциям действенный, авангардный характер: «шепот богов» у него превратился в «хаотический рев» эпохи, а эстетическое переживание — в «величайшее сражение с материей».

Текстологический анализ трактата «О духовном в искусстве», проведенный на основе материалов Н. П. Подземской, демонстрирует длительный и неравномерный генезис текста [9].

Первый этап (1896–1904) был связан с исключительно технологическими записями Кандинского, посвященными физическим свойствам красок, пигментов и связующих веществ. К 1904–1908 годам эти заметки оформились в рукопись под названием «Язык красок» (Die Sprache der Farben).

Решающий «духовный поворот» произошел летом 1909 года в Мурнау. Под влиянием пережитого импрессионистического и теософского озарения Кандинский кардинально переработал рукопись, добавив в нее теоретико-философские главы о «пирамиде духовной жизни», «принципе внутренней необходимости» и повороте к эзотерике.

Первое немецкое издание трактата вышло в конце декабря 1911 года (на титуле указан 1912 год) в мюнхенском издательстве Пипера (R. Piper & Co.). Второе издание (апрель 1912) содержало существенные авторские дополнения, касающиеся аналогии с роялем и расширения таблицы цветовых воздействий. Русский вариант текста был зачитан Н. Кульбиным в виде доклада на Всероссийском съезде художников в Санкт-Петербурге в декабре 1911 года и опубликован в трудах съезда в 1914 году.

Интересно отметить рецепцию стиля Кандинского современниками. Немецкие рецензенты и издатели отмечали, что язык художника «еще весьма сильно выдает иностранца», экспрессивная синтаксическая структура текста отражает тяжеловесный перевод с русского мыслительного пласта на немецкий [9, с. 39]. Сергей Маковский признавался, что не смог пробиться сквозь терминологический туман доклада Кандинского. Однако именно этот тяжеловесный, пророческий, насыщенный метафорами стиль обеспечил трактату статус главного манифеста европейского абстракционизма.

4. Сравнительный анализ окказиональных метафор: семиотика геометрии, «хуманизация» абстракций и космология

Главным инструментом смыслообразования у Е. П. Блаватской и В. В. Кандинского выступает окказиональная (индивидуально-авторская) метафора — троп, переносящий свойства одного предмета или явления на другое на основе субъектно-интуитивного сходства и создающий новый, не существовавший ранее в языке смысл [1, с. 42].

4.1. Семиотика геометрии как структура мироздания

В обоих текстах абстрактные геометрические фигуры перестают быть просто математическими категориями и превращаются в первичные символы космогенеза и эволюции духа.

Е. П. Блаватская открыто опирается на неоплатонический тезис Платона: «Божество, слагая Вселенную, применяет законы Геометрии» [15, с. 43]. В «Тайной доктрине» геометрия становится универсальной семиотической системой:

— Круг — символ Абсолюта, недифференцированного Единства, из которого всё исходит и куда всё возвращается: «Единый круг есть божественное единство... его окружность — вынужденно относительный смысл... а его площадь — Вселенская Душу...» [15, с. 43].

— Треугольник (Триада) — метафора божественного проявления, Духа, троичного принципа космоса.

— Квадрат (Четверица) — метафора проявленного плотного материального мира: «В силу мистической трансмутации они стали Четверицею — Треугольник стал Квадратом» [15, с. 46].

В трактате В. В. Кандинского геометрические формы совершают аналогичную семантическую эволюцию. Художник прямо переносит теософскую интерпретацию фигур на эстетическую плоскость:

— Круг у Кандинского трактуется как абсолютная, замкнутая на себе форма, напрямую связанная с символом вечности: «...круг, как змея, кусающая свой хвост, — символ бесконечности и вечности» [16, с. 52].

— Треугольник превращается в фундаментальную метафору духовно-исторического движения человечества — «остроконечный движущийся треугольник», на вершине которого стоят одинокие художники-пророки, тянущие за собой всю массу [16, с. 53].

4.2. «Хуманизация» (очеловечивание) и пантеизация абстрактных категорий

Одной из самых ярких образных параллелей между текстами является прием антропоморфизации и одушевления отвлеченных понятий.

Блаватская постоянно наделяет физико-химические и астрономические категории человеческими или органическими свойствами: она пишет о «Зародышах» в атомах, «Лоне Майи», «Корень-Природе», превращая космогонию в драматическое взаимодействие одушевленных сущностей.

Кандинский совершает совершенно аналогичный ход в теории живописи. Геометрические фигуры и краски у него наделяются статусом живых существ, обладающих характером, волей и социальной ролью. Он прямо называет их «равноправными гражданами в царстве абстрактного», а треугольник описывает как «существо с сущим лишь ему одному духовным ароматом» [16, с. 52].

Более того, Кандинский вводит социально-бытовые метафоры для характеристики цветов, что удивительным образом перекликается с романтической критикой мещанства:

— Зеленый цвет в его трактовке — это метафора духовно неразвитого мещанства: «Абсолютный зеленый цвет подобен роли буржуазии в человеческом мире — это неподвижный, самодовольный, ограниченный во всех направлениях элемент» [16, с. 53].

— Белый и черный цвета приобретают статус космических метафор Бытия и Небытия: белый — как великое молчание, полное возможностей (рождение); черный — как ничто без возможностей, мертвый труп (смерть).

4.3. «Внутренняя необходимость», «ОГ-НА-НОУ» и вибрационная динамика

Центральный философский тезис Кандинского — «принцип внутренней необходимости» — выступает как движущая сила творчества и единственный критерий ис-

тинности искусства. В тексте Блаватской присутствует прямо функциональный эквивалент этой категории — санскритский концепт ОI-НА-НОU, обозначающий «вечное Космическое движение», бессознательную первопричину Бытия, заставляющую эманировать миры [15, с. 55].

Оба автора описывают этот процесс через вибрационную и музыкальную метафорику. У Блаватской Вселенная находится в состоянии непрерывного ритмического колебания (через смену «дней и ночей Брамь» и состояние «Лайа»). Кандинский разрабатывает знаменитую механико-музыкальную метафору духовной вибрации: «Цвет — это клавиш; глаз — молоточек; душа — многострунный рояль. Художник есть рука, которая посредством того или иного клавиша целесообразно приводит в вибрацию человеческую душу» [16, с. 54].

Идея живописного контрапункта (сочетания противоположных сил) у Кандинского — «Великой Абстракции» и «Великой Реалистики» — прямо вытекает из теософской доктрины Блаватской о борьбе полярностей (Духа и Материи, Хаоса и Эфира) как единственном источнике гармонии.

4.4. Социальная дистанция и мизантропический элитаризм

Наконец, невозможно обойти вниманием еще одну важнейшую текстовую параллель — отношение обоих мыслителей к широкому человеческим массам.

В «Тайной доктрине» обывательское человечество, не приобщенное к тайному знанию, постоянно характеризуется в сниженных выражениях — как «ограниченная масса», «слепцы», утопающие в иллюзии (майе) материализма.

В «О духовном в искусстве» Кандинский демонстрирует аналогичный элитарный взгляд. Непросвещенная публика обозначается им как «плебс» и «человеческая масса», пассивно находящаяся в основании духовного треугольника. Задача художника-пророка — вопреки сопротивлению среды, пробивать путь наверх, к духовным вершинам. Это указывает на романтическую природу обоих авторов, сочетавших стремление сформулиро-

вать универсальные законы спасения человечества с глубоким аристократическим недоверием к профанному разуму толпы.

Заключение

Проведенный сравнительно-текстологический и семиотический анализ текстов «Тайной доктрины» Е. П. Блаватской и «О духовном в искусстве» В. В. Кандинского позволяет сделать следующие фундаментальные выводы:

1. Метафора как инструмент неомифологизма: и у Блаватской, и у Кандинского окказиональная метафора выступает не просто как внешнее поэтическое украшение, а как основной эпистемологический инструмент. Метафоризация абстракций позволяет обоим авторам преодолеть ограничения позитивистского языка и восстановить романтическую традицию создания индивидуального мифа.

2. Изоморфизм семиотических систем: Геометрические фигуры (круг, треугольник, квадрат) в теории абстракционизма Кандинского прямо наследуют ту функцию, которую они выполняли в космогонии Блаватской — функцию первичных знаков эманации духа, структуры мироздания и этапов эволюции сознания.

3. Антропоморфизация и вибрационная модель: прием «хуманизации» (очеловечивания) беспредметных категорий (цвета, линий, форм) у Кандинского является прямым продолжением пантеистического метода Блаватской. Концепт «внутренней необходимости» и метафора «звучащего рояля» восходят к теософской модели космических вибраций и первопричинного движения (ОI-НА-НОU).

4. Парадокс универсального закона: обоих мыслителей объединяет внутреннее противоречие: стремление сформулировать строгие, почти научные «законы» (космоса — у Блаватской, формы и цвета — у Кандинского) разбивается об интуитивно-субъективную, метафорическую природу их языкового стиля. Создавая иллюзию строгой системы, оба автора неизбежно погружают читателя в атмосферу мифического флера и недосказанности, что и стало главным стимулом для развития эстетики абстрактного экспрессионизма XX века.

Литература:

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
2. Ringbom S. Art in «The Epoch of the Great Spiritual»: Occult Elements in the Early Theory of Abstract Painting // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1966. Vol. 29. P. 386–418.
3. Ringbom S. The Sounding Cosmos: A Study in the Spiritualism of Kandinsky and the Genesis of Abstract Painting. Åbo: Åbo Akademi, 1970. 226 p.
4. Washton Long R.-C. Occultism, Anarchism, and Abstraction: Kandinsky's Art of the Future // Art Journal. 1987. Vol. 46. No. 1. P. 38–45.
5. Heller R. Kandinsky and Traditions Apocalyptic // Art Journal. 1983. Vol. 43. No. 1. P. 19–26.
6. Хофман В. Основы современного искусства: Введение в его символические формы / Пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2004. 560 с.
7. Соколов Б. М. Василий Кандинский. Эпоха великой духовности. Живопись. Поэзия. Театр. Личность. М.: БуксМАрт, 2016. 384 с.

8. Kurchanova N. Against the Grain: Kandinsky's Ut Pictura Poesis // Art History. 2003. Vol. 26. No. 1. P. 95–112.
9. Василий Кандинский. О духовном в искусстве. Полное критическое издание с дополнениями и другими текстами о науке об искусстве: В 2 т. / Сост., статьи и комм. Н. П. Подземской. М.: БуксМАрт, 2019. Т. 1–448 с., Т. 2–512 с.
10. Сенкевич А. Н. Елена Блаватская. Жизнь и творчество. М.: Сфера, 1999. 480 с.
11. Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 1. 535 с.
12. Гендель М. Блаватская и «Тайная доктрина». М.: Книга, 1991. 128 с.
13. Вехтмейстер К. Воспоминания о Е. П. Блаватской и «Тайной доктрине». Одесса: Астропринт, 2011. 180 с.
14. Рерих Е. И. Письма. Том VI (1938–1939). М.: Международный Центр Рерихов, 2006. 436 с.
15. Блаватская Е. П. Тайная доктрина. Синтез науки, религии и философии: В 2 т. М.: Эксмо, 2021. Т. 1: Космогенезис. 880 с.
16. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Нью-Йорк: Международное литературное содружество, 1967. 152 с.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Три модуса сюжета о золотом веке в европейской традиции и предпосылки его рецепции на русской почве

Астапова Анна Сергеевна, студент магистратуры
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

История сюжета о золотом веке обнаруживает устойчивость представления о первоначальной гармонии при существенной изменчивости способов её осмысления. Состояние, противопоставленное насилию, нужде и нравственному повреждению настоящего, может помещаться в безвозвратно утраченное прошлое, связываться с действующим правителем, обретаться в частной жизни либо ожидаться как итог спасения. Поэтому перечисление повторяющихся образов — плодородной земли, вечной весны, мирного сосуществования — само по себе не объясняет исторических преобразований сюжета. Определяющим становится вопрос о том, кому и при каких условиях доступно утраченное совершенство.

Исследования Ю. Г. Чернышова показывают, что уже в римской культуре миф о золотом веке приобретает различные социально-утопические и политические функции [11]. Продолжая эту постановку вопроса на материале последующей европейской традиции, предлагаем различать три модуса его реализации. Под модусом понимается смысловая доминанта, определяемая локализацией гармонии, субъектом её восстановления и характером предполагаемого преобразования. В политико-сотериологическом модусе преодоление исторического неблагополучия связывается с устройством общественной жизни; в натурфилософско-сентиментальном — с восстановлением согласия человека, природы и нравственного чувства; в мистико-эсхатологическом — с духовным возрождением и преодолением последствий падения.

Античные основания политического и частного идеала

В «Трудах и днях» Гесиода первоначальное благоденствие относится к особому золотому роду, жившему при Кроносе. Его отличают отсутствие изнурительного труда и тягостной старости, самопроизвольное плодородие земли и близость к божественному порядку. Последовательность родов, однако, не представляет собой совершенно однородную схему деградации: род героев оцени-

вается выше предшествующего медного рода. Не следует также превращать отсутствие программы возвращения золотого рода в тезис о полной безнадежности гесиодовской этики. Мифологическое объяснение бедствий железного рода сосуществует в поэме с противопоставлением справедливого и несправедливого городов, с утверждением ценности труда и правды [4]. Изначальное совершенство недоступно для простого воспроизведения, но сохраняет значение меры, позволяющей судить о настоящем.

В IV эклоге Вергилия, относящейся к 40 году до н. э., изменяется временная направленность сюжета. Формула «redeunt Saturnia regna» — «возвращается Сатурново царство» — переводит первоначальное благоденствие в горизонт ожидания [2]. Рождение младенца, возвращение Девы и прекращение железного рода соотношены с консульством Поллиона, то есть с исторически определённым настоящим. Однако смысл поэмы не сводится к непосредственному прославлению Октавиана: личность младенца остаётся предметом интерпретаций, а позднейшее христианское прочтение нельзя выдавать за установленный авторский замысел. Существенна сама возможность представить обновление мира как событие, наступающее внутри истории.

Иную степень политической определённости имеет пророчество Анхиса в VI книге «Энеиды»: возвращение золотых веков в Лаций прямо связывается с Августом [3]. Первоначальное согласие мира становится моделью истолкования нового государственного порядка. Прекращение гражданских войн получает значение, превышающее военную победу: оно представлено как восстановление нормативного состояния человеческого сообщества. Здесь формируется основание политико-сотериологического модуса.

Политизация сюжета сопровождается внутренним противоречием. У Овидия золотое поколение соблюдает верность и справедливость «sine lege», без закона; в первой книге «Георгик» первоначальное состояние не знает межевания земли. Вместе с тем в VIII книге «Энеиды» Сатурн выступает законодателем, объединившим разрозненных людей [9]. Следовательно, античный канон содержит раз-

личные ответы на вопрос о происхождении гармонии: она может предшествовать общественным установлениям либо обеспечиваться благим устройством. Это расхождение делает миф пригодным и для легитимации власти, и для критики порядка, основанного на принуждении и присвоении. Последующая европейская культура наследует уже эту неоднозначность.

Параллельно возникает возможность пространственного удаления от повреждённой истории. В XVI эподе Горация острова блаженных противопоставлены Риму, разрушаемому гражданскими войнами. Во II эподе начальная формула «*Beatus ille qui procul negotiis*» связывает счастье с сельской жизнью вдали от дел. Но заключение раскрывает говорящего как ростовщика Альфия, который возвращается к денежным операциям [5]. Поэтому горацианский текст нельзя читать как безусловный авторский манифест уединения. Для истории рецепции значимо напряжение между нормативным образом простой жизни и обнаруживаемой неспособностью человека отказать от выгоды. Частный идеал формируется в отношении к общественному миру и сохраняет возможность его нравственной оценки.

Христианская перспектива и ренессансное совмещение традиций

Христианское осмысление совершенства изменяет условия, при которых античный сюжет может быть воспринят. Библейская история творения, грехопадения и спасения не является продолжением гесиодовской последовательности родов. Эдем и Небесный Иерусалим также не обозначают две пространственные версии одного состояния: первоначальное творение и окончательное обновление мира занимают различные места в истории спасения (Быт. 2–3; Откр. 21–22). Вместе с тем общность мотивов невинности, мира и преодоления смерти создавала возможность сопоставления библейского и античного наследия. В результате образ утраченного начала мог включаться в перспективу грядущего исполнения.

У Августина различение земного мира и вечного блаженства препятствует отождествлению политического благополучия с окончательным спасением. В XIX книге «О граде Божием» признаётся относительная ценность земного мира, которым пользуются и странствующие на земле граждане небесного града. В XX книге тысячелетнее царство истолковывается в связи с настоящим временем Церкви, а не как обещание будущего телесного изобилия [1]. Поэтому христианская перспектива не исключает нравственного действия в истории, но ограничивает притязание любого земного устройства на полноту совершенства. Возникает различие внешнего умиротворения и изменения самого человеческого состояния, необходимое для понимания взаимодействия политического и мистико-эсхатологического модусов.

Прямое поэтическое сближение традиций представлено у Данте. В XXVIII песне «Чистилища» Матильда объ-

ясняет, что древние поэты, воспевавшие золотой век, возможно, грезили именно о земном рае; в XXII песне Стаций связывает своё обращение с пророческими стихами Вергилия [6]. Античное произведение получает значение в истории христианского понимания, превосходящее намерение его автора. Такая рецепция сохраняет память о различии традиций и одновременно включает языческую поэзию в новую систему смыслов. Поэтому европейский Золотой век после Средневековья уже не может рассматриваться как неизменный античный сюжет, изолированный от христианского опыта.

Ренессансная культура развивает возможность совмещения мифологических и христианских представлений. Исследование Ф. Йейтс об имперской теме XVI столетия показывает политическую востребованность образа Астреи, в частности его использование в репрезентации Елизаветы I [21]. Возвращение справедливости может соотноситься с современным монархом, тогда как совершенство правления получает одновременно античные и христианские характеристики. При этом политическая символика не исчерпывает культурного значения мифа. Пастораль сохраняет пространство для обсуждения любви, мирной жизни и положения поэта по отношению к власти. Как показывает работа А. Паттерсон, история восприятия вергилиевской пасторали связана с изменяющимся общественным положением её читателей и интерпретаторов [15]. Удаление в пастушеский мир допускает как критику двора, так и его аллегорическое изображение; частная гармония и политический порядок продолжают осмысляться во взаимной связи.

Внутренний рай и поэтическое познание природы

В английской литературе XVII–XVIII веков античный идеал уединения взаимодействует с христианским представлением о внутреннем преобразовании человека. Показательна заключительная книга «Потерянного рая» Мильтона. Архангел Михаил связывает возможность обрести «*A Paradise within thee, happier farr*» — «рай внутри себя, гораздо более счастливый» — с верой, добродетелью, терпением, умеренностью и любовью [14]. Формула не отменяет грехопадения и не превращает спасение в результат одной лишь психологической установки. Внутренняя гармония возникает в контексте рассказа об искуплении и предполагает соответствие поступков обрётённому знанию. Вместе с тем райское состояние получает измерение, доступное личности, продолжающей жить в несовершенном мире.

Значение этого преобразования состоит в изменении отношения между пространством и нравственным состоянием. Удаление от общественной суеты не гарантирует совершенства: оно должно сопровождаться изменением желаний, способов восприятия и поведения. Природное окружение становится условием сосредоточения и самопознания, а не самостоятельной причиной невинности. Здесь обнаруживается область соприкосно-

вения натурфилософско-сентиментального и мистико-эсхатологического модусов. Их объединяет обращение к внутреннему человеку; различие определяется тем, связывается ли восстановление гармонии прежде всего с естественным чувством и созерцанием или с духовным возрождением в перспективе спасения. У Мильтона эти основания нельзя искусственно разъединить.

В «Гимне временам года» Томсона смена природных состояний осмысливается как многообразное проявление божественного присутствия. В начальных строках годовой круг соотнесён с красотой, нежностью и любовью Творца, а далее природа и всякая живая душа призываются к совместному прославлению.¹² Эстетическое восприятие получает религиозное и нравственное содержание. Для истории сюжета о Золотом веке существенно, что согласие с мирозданием оказывается возможным в условиях смены времён года: гармония обнаруживается в порядке изменений, а не обязательно в прекращении времени или восстановлении вечной весны. Поэтическое созерцание позволяет распознавать целостность мира, не устранив его изменчивости.

Так складываются предпосылки натурфилософско-сентиментального модуса, в котором первоначальное согласие получает форму личного опыта. При этом английскую традицию нельзя свести к единой деистической доктрине или противопоставить политической культуре континента. Мильтоновское спасение, томсоновское прославление природы и горацянская этика достаточности имеют различные основания. Их сближение происходит в поэтической рецепции, где простота жизни, способность чувствовать и религиозное созерцание могут поддерживать друг друга. Название модуса фиксирует это историческое взаимодействие; оно не означает, что Милтон принадлежал к сентиментализму или что всякая природная лирика воспроизводила миф о Золотом веке.

Просветительская критика и духовное восстановление

Руссо переносит вопрос о первоначальном состоянии в область философской реконструкции происхождения общественного неравенства. Его естественный человек не обладает полнотой развитой гражданской добродетели: моральные отношения предполагают уже определённую степень общественного развития. Кроме того, наиболее счастливым и устойчивым периодом во второй части «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» оказывается промежуточное состояние между первоначальной обособленностью и зависимостью, усилившейся с разделением труда [16]. Поэтому руссоистскую критику цивилизации неточно описывать как прямой призыв вернуться к первобытности. На необходимость пересмотра такого прочтения указывал А. О. Лавджой в исследовании предполагаемого примитивизма Руссо [13].

В «Об общественном договоре» задача состоит в основании законного гражданского объединения. Пе-

реход к гражданскому состоянию предполагает приобретение иной формы свободы и нравственного отношения к собственному действию [10]. В сопоставлении с сюжетом о Золотом веке здесь обнаруживается преобразование политико-социологической модели: избавление от неправомерной зависимости связывается с принципами общественного устройства, а не с исключительными качествами монарха. Это структурное соответствие не даёт основания объявлять «Общественный договор» изложением античного мифа. Оно позволяет объяснить, почему язык утраченной свободы и восстановленной справедливости мог включаться в политическое мышление, критическое по отношению к монархической версии Золотого века.

Не менее существенно, что такое переосмысление не означает полного устранения религиозной проблематики. «Исповедание веры савойского викария» в IV книге «Эмиля» сохраняет представления о Боге, совести и нравственном порядке [17]. Следовательно, переход от созерцания природы к критике общества нельзя представить как однократную замену религии политикой. Нравственная автономия, чувствительность и общественная свобода образуют у Руссо сложное соотношение, внутри которого возможно дальнейшее развитие разных вариантов рецепции. Именно здесь частный идеал естественности получает общественные последствия, а политический проект обнаруживает зависимость от определённого понимания человека.

Сходная постановка вопроса о человеческом несовершенстве получает иное решение в мистико-эсхатологическом модусе. В христианско-теософской среде, соприкасавшейся с масонством XVIII века, восстановление связывается с возвращением человека к утраченному духовному основанию. Показателен трактат Л.-К. де Сен-Мартена «О заблуждениях и истине» (1775), уже в расширенном заглавии которого соединены вопросы происхождения добра и зла, природы человека, оснований политических правлений, власти государей и правосудия [18]. Духовная антропология здесь обращена к устройству человеческого мира. Мистическое восстановление не следует поэтому описывать как заведомое устранение из общественной жизни: оно меняет критерий, по которому оцениваются власть, знание и человеческое действие.

Вместе с тем масонство не представляло собой единой теософской школы и не обладало общей революционной программой. «Конституции» Джеймса Андерсона 1723 года соединяют требование нравственного закона с обязанностью мирного отношения к гражданской власти; в правилах поведения исключаются распри о религии и государственной политике [12]. Этот источник не описывает всех позднейших направлений масонства, но препятствует его безоговорочному отождествлению с политическим радикализмом. Нравственное братство могло сосуществовать с признанием государственной иерархии. Социальное значение духовного совершенствования следует искать в изменении отношений между людьми и оснований их

взаимной оценки, различая эти следствия и непосредственно сформулированные политические программы.

Связь трёх модусов обнаруживается, таким образом, в споре о достаточном условии восстановления. Политическая модель придаёт решающее значение устройству совместной жизни; натурфилософско-сентиментальная — преобразованию потребностей и чувств; мистико-эсхатологическая — изменению духовного состояния. Однако благой закон предполагает нравственно способного гражданина, частная независимость ограничивается общественными условиями, а духовное братство реализуется в отношениях между людьми. Модусы взаимосвязаны именно потому, что по-разному отвечают на общий вопрос о преодолении несовершенства, а не потому, что имеют тождественное содержание.

Многослойность русской рецепции

К XVIII столетию европейская традиция предоставляла русской литературе не единственный образец Золотого века, а ряд исторически сложившихся способов его интерпретации. Их освоение происходило в пределах одного культурного периода, но не обязательно одновременно в строгом хронологическом смысле. Развитие торжественной оды, распространение новых форм частной лирики и интерес к мистической антропологии имели собственную динамику. Поэтому точнее говорить об исторически сближенном освоении и дальнейшем сосуществовании разновременных моделей. При этом христианская история падения и спасения не была для русской культуры новым западноевропейским заимствованием: она участвовала в осмыслении поступавших литературных форм как уже существующее основание.

Политический вариант хорошо обнаруживается в оде Ломоносова на день восшествия Елизаветы Петровны 1747 года. Обращение к «возлюбленной тишине» соединяет благо государства с плодородием земли, торговлей и развитием наук. Возвращение мира приписано императрице, чьё вступление на престол получает провиденциальное истолкование [8]. Эта структура сопоставима с античной политизацией первоначального благоденствия. Однако русская ода наполняет её собственной исторической задачей: совершенное правление должно обеспечивать просвещение и раскрытие возможностей страны. Природное изобилие выступает частью общественного идеала, что уже показывает проницаемость границы между политическим и натурфилософским содержанием.

Более непосредственное свидетельство соединения традиций даёт «Поэзия» Карамзина, датированная ав-

тором 1787 годом. В одном произведении названы Вергилий, Овидий, Мильтон и Томсон; овидиевское повествование о веках включено в историю поэзии, а обращение к Томсону завершается признанием: «Ты выучил меня Природой наслаждаться / И в мрачности лесов хвалить творца ее!» [7]. Здесь английское посредничество засвидетельствовано самим русским поэтом. Наслаждение природой соединено с религиозным чувством; античная мифология включена в тот же литературный горизонт, что и христианский эпос.

Композиция «Поэзии» позволяет увидеть, что такое соединение имеет смысловую функцию. Начальное единство человека и Творца нарушается падением, но поэтическое слово сохраняет способность духовного наставления. История литературы завершается ожиданием будущего расцвета русской поэзии и исповеданием посмертного созерцания Бога. Национальная перспектива просвещения, природная чувствительность и религиозное восстановление оказываются совместимыми.

Историческое развитие сюжета о Золотом веке позволяет выделить три модуса по преобладающему способу преодоления несовершенного настоящего. Политикосотериологический модус связывает гармонию с общественным устройством и допускает как монархическое, так и критическое по отношению к существующей власти истолкование. Натурфилософско-сентиментальный переносит внимание на согласие человека с природой и на нравственные условия личного счастья. Мистико-эсхатологический рассматривает восстановление как духовное преобразование, смысл которого определяется отношением человека к первоначальному состоянию и окончательной цели его существования. Во всех случаях речь идёт о доминантах интерпретации, а не о последовательных стадиях, отменяющих друг друга.

Особенность русской рецепции состоит в возможности соединять этот накопленный опыт в пределах сравнительно сближенного исторического времени. Античная политическая образность взаимодействует с христианскими представлениями о власти и спасении, английская поэзия природы — с религиозным пониманием чувства, ожидание духовного обновления — с задачами просвещения и общественного совершенствования. Поэтому предметом дальнейшего исследования должна становиться не только принадлежность произведения к определённому модусу, но и то, как оно устанавливает связи между внешним порядком, внутренней жизнью и конечным назначением человека. Именно эти связи позволяют рассматривать русскую поэтическую рецепцию как самостоятельную переработку исторически многослойного сюжета.

Литература:

1. Августин Аврелий. О граде Божием. XIX. 17; XX. 7–9. Электронное издание английского перевода: книга XIX, книга XX (дата обращения: 18.10.2026).
2. Вергилий. Буколики. Эклога IV. Ст. 4–17, 31–45. Латинский текст (дата обращения: 18.10.2026). Краткие переводы иноязычных фрагментов в статье даны в прозаической форме.

3. Вергилий. Энеида. VI. Ст. 791–795. Латинский текст (дата обращения: 18.10.2026).
4. Гесиод. Труды и дни. Ст. 109–201, 225–247, 286–319. Античные произведения приводятся по общепринятому делению на книги и стихи, позволяющему сопоставлять издания и переводы.
5. Гораций. Эподы. II. Ст. 1–8, 67–70; XVI. Ст. 41–66. *Beatus ille* — начальные слова II эпода; в последующей традиции они используются как обозначение идеала сельского уединения.
6. Данте Алигьери. Божественная комедия. Чистилище. XXII. Ст. 64–73; XXVIII. Ст. 139–144. Итальянский текст и комментарии: Dante Lab (дата обращения: 18.10.2026).
7. Карамзин Н. М. Поэзия // Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1966. С. 60–62. Электронная публикация (дата обращения: 18.10.2026).
8. Ломоносов М. В. Ода на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года // Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1986. С. 115–121. Электронная публикация (дата обращения: 18.10.2026).
9. Овидий. Метаморфозы. I. Ст. 89–112; Вергилий. Георгики. I. Ст. 125–128; Он же. Энеида. VIII. Ст. 319–327.
10. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. I. 6–8; II. 1–7. См. также английский перевод в издании, указанном в примечании 13.
11. Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1994. Ч. 1. Гл. II; Ч. 2. Гл. I. Электронное издание (дата обращения: 18.10.2026).
12. Anderson J. The Constitutions of the Free-Masons. London, 1723. “The Charges of a Free-Mason”. I–II; VI. 2. Электронный текст (дата обращения: 18.10.2026).
13. Lovejoy A. O. The Supposed Primitivism of Rousseau’s “Discourse on Inequality” // *Modern Philology*. 1923. Vol. 21, no. 2. P. 165–186. DOI: 10.1086/387491.
14. Milton J. *Paradise Lost*. Book XII. Lines 575–587; cp. lines 451–465. The John Milton Reading Room / ed. by T. H. Luxon. Dartmouth College. Электронный текст (дата обращения: 18.10.2026).
15. Patterson A. *Pastoral and Ideology: Virgil to Valéry*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1987.
16. Rousseau J.-J. A Discourse on the Origin and Foundation of the Inequality of Mankind. Parts I–II // *The Social Contract & Discourses* / transl. by G. D. H. Cole. London; Toronto: J. M. Dent & Sons; New York: E. P. Dutton, 1920. Электронное издание (дата обращения: 18.10.2026).
17. Rousseau J.-J. *Émile, ou De l’éducation*. Livre IV. “Profession de foi du vicaire savoyard” // Rousseau Online (дата обращения: 18.10.2026).
18. Saint-Martin L.-C. de. *Des erreurs et de la vérité, ou Les hommes rappelés au principe universel de la science*. Édimbourg [фиктивное место издания], 1775. Расширенное заглавие. Цифровая копия (дата обращения: 18.10.2026).
19. Thomson J. A Hymn on the Seasons. Lines 1–4, 24–47 // *Eighteenth-Century Poetry Archive*. Электронный текст (дата обращения: 18.10.2026).
20. Yates F. A. *Astraea: The Imperial Theme in the Sixteenth Century*. London: Routledge & Kegan Paul, 1975. Part II, “Queen Elizabeth I as Astraea”.

Исторические основы написания о — е (ё) после шипящих в корне слова

Владыкина Елизавета Андреевна, студент

Набережночелнинский государственный педагогический университет (Республика Татарстан)

В настоящей статье предпринята попытка исследования исторических причин и условий написания о — е (ё) после шипящих в корне слова. Описан процесс появления шипящих в древнерусском языке и фонетические процессы, связанные с их существованием в истории русского языка. Эти процессы обусловили появление вариативности в написании о — е (ё) после шипящих в корне слова. В русском языке выбор гласной определяется опорой на традиционный и морфологический принципы орфографии.

Ключевые слова: история русского языка, о — е (ё) после шипящих в корне слова, лабиализация, традиционный принцип орфографии, историческое комментирование.

В современном русском языке вызывают затруднения написания, основанные на традиционном (историческом) принципе орфографии. Среди них можно выделить написания о — е (ё) после шипящих в корне слова.

Трудность заключается в том, что произношение букв о и е (ё) в этой позиции совпадает и нет никаких фонетических условий для выбора гласной буквы. Это объясняется тем, что шипящие в русском языке непарные по мягкости/

твёрдости, поэтому написание букв *о* и *е* (*ё*) не определено мягкостью/твёрдостью предшествующего согласного. Этот материал требует исторического освещения для понимания данной орфографической особенности, а также правильного и осознанного выбора написания *о* — *е* (*ё*) после шипящих в корне слова.

В настоящей работе нами поставлена следующая цель — исследование исторических причин и условий написания *о* — *е* (*ё*) после шипящих в корне слова. В качестве материала для изучения были привлечены языковые примеры из Национального корпуса русского языка [4].

Для прояснения исторических причин и условий написания *о* — *е* (*ё*) после шипящих в корне слова необходимо обратиться к древнерусской фонологической системе. Она знала твёрдые согласные фонемы [п], [б], [в], [м], [т], [д], [ц], [з], [н], [р], [л], [к], [г], [х] и мягкие согласные фонемы [ш'], [ж'], [ч'], [ц'], [с'], [з'], [н'], [р'], [л'], а также [ш'ч'], [ж'д']. Все перечисленные мягкие согласные называются исконно мягкими, так как были такими с момента их возникновения в праславянском языке [1, с. 91]. Исконно мягкие согласные в праславянскую эпоху возникли двумя способами: в результате смягчения заднеязычных согласных *k, *g, *ch в соседстве с гласными переднего ряда и в результате йотации — смягчения всех согласных под воздействием звука [j'] [1, с. 125].

При первом способе образования исконно мягких согласных в позициях перед гласными переднего ряда *k, *g, *ch получали переходное смягчение. Это процесс получил название палатализация. В результате I палатализации согласные *k, *g, *ch перед гласными переднего ряда монофтонгического происхождения [е], [ь], [и], [ѣ], [ѧ] изменились в мягкие шипящие [ж'], [ч'], [ш']: *дрогъ* — *друже*, *скакати* — *сkochити*, *соухъ* — *соуше*.

При втором способе образования мягких шипящих сочетания согласных *k, *g, *ch, *s, *z с [j'] ассимилировались в следующие шипящие: *gj > [ж'], *kj > [ч'], *chj > [ш'], *sj > [ш'], *zj > [ж']: *лгати* — *лѣжа*, *платати* — *плача*, *доухъ* — *доуша*, *носити* — *ноша*, *коза* — *кожа* [1, с. 130].

Общеславянские сочетания *tj, *dj изменялись при распаде общеславянского языка и поэтому в трёх группах славянских языков дали разные результаты: в южнославянской группе *tj > [ш'т'], *dj > [ж'д'], в западнославянской группе *tj > [ц'], *dj > [д'з'], в восточнославянской группе *tj > [ч'], *dj > [ж'], например, *svetja > *свѣшта* (ст.-слав.) — *swięca* (польск.) — *свѣча* (др.-рус.) [5, с. 32–35]; *medja > *между* (ст.-слав.) — *tiedza* (польск.) — *межа* (др.-рус.) [1, с. 130]. Похожая ситуация обстоит с сочетаниями *kt, *gt, которые перед гласными переднего ряда изменились по-разному: в южнославянской группе [ш'т'], в западнославянской группе [ц'], в восточнославянской группе [ч'], например, *mogtei > *мошти* (ст.-слав.), *тос* (польск.), *мочь* (др.-рус.) [5]; *prektei > *пешти* (ст.-слав.), *piec* (польск.), *печи* (др.-рус.) [1]. Сочетания *zgj, *zdj изменялись в сочетание [ж'д'], например, *duszgъ > *дѣждь* (ст.-слав. и др.-рус.), *jezdjon > *ѣзда* (ст.-слав.), *ѣзжу* (др.-рус.), *jezdzić* (польск.) [1, с. 132]. Общеславянские сочетания *skj,

*stj давали в языках южнославянской группы [ш'т'], в восточнославянской и западнославянской [ш'ч'] [5, с. 32–35], например, *roustja > *похшта* (ст.-слав.), *поушча* (др.-рус.), *puszcza* (польск.) [1, с. 132].

Резюмируя вышесказанное, отметим, что в древнерусском языке было 5 шипящих [ш'], [ж'], [ч'] и слитные [ш'ч'], [ж'д']. Все указанные шипящие были исконно мягкими непарными согласными, и их появление является результатом различных фонетических явлений.

Об этом свидетельствовали написания слов в текстах древнерусской письменности, которые отражали некоторые фонетические особенности праславянского языка. В нём действовал закон слогового сингармонизма, то есть гласный и предыдущий согласный должны быть гармоничными по артикуляции, соответственно гласные переднего ряда сочетались с мягкими согласными, а гласные непереднего ряда — с твёрдыми согласными. Звук [е] сочетался с исконно мягкими согласными [ш'], [ж'], [ц'], [ч'], что нашло отражение в написаниях: *желты*, *шелк*, *шепот*, *щетка* и т. д.

История написания *о* — *е* (*ё*) после шипящих в корне слова также тесно связана с таким фонетическим процессом, как лабиализация. Лабиализация (от лат. labia — «губы»), или огубление — это переход неогубленного звука [е] в огубленный [о]. Этот процесс происходил в двух позициях:

1) под ударением после мягкого согласного и перед твёрдым согласным, например, др.-рус. *медъ* — рус. *мёд*, др.-рус. *щекы* — рус. *щёки*;

2) под ударением в абсолютном конце слова, например, др.-рус. *лице* — рус. *лицо*. Лабиализация в древнерусском языке происходила с XII до начала XV века [3, с. 88–89]. Шипящие были исконно мягкими вплоть до XIV века, и после них переход тоже осуществился. Поэтому случаи перехода [е] в [о] произошли в таких словах, как *почѣт*, *жѣлудъ*, *жѣлтый*, *шѣпот* и др.

В современном русском языке шипящие [ш] и [ж] твёрдые непарные. Отверждение этих шипящих не было резким и быстрым процессом. Оно происходило на протяжении нескольких веков: с начала XIV века до конца XVII века. Реализация указанных фонетических процессов привела к тому, что произношение [о] в позициях после шипящих нашло отражение в памятниках письменности: «знамена же имут *жолты* и болишие *стяги* и *скипетры*» (Московская повесть о походе Ивана III на Новгород, 1472) [4], «В том же градѣ видѣхом черви *шолковыя*, да и то видѣхом, как *шолкъ* той емлютъ с *нихъ*» (Хождение на Флорентийский собор, 1437–1440) [4], «а с *ямы* прямо *межею* на углу *яма* *ж*, а в ней *щока*» (Межевая («отдельная выпись»), 1612.07.13) [4].

Встречается также вариативность написаний *о* — *е* (*ё*) после шипящих в одном и том же слове в пределах одного текста: «и *псковичи*, *чорнии* люди, тому *вьры* не *няша* <...> и *чернии* люди ни *тъмь* *вьры* не *яша*» (Псковская 2-я летопись, 1400–1486) [4], «*поверху пруда Чорнаго* на *пожню* <...> к *меже* к *Прожиринской* в *верховье* к *пруду* к *Черному* к *Прожириному*» (Данная с отводом Ивана

Юрьевича Синицы, 1511–1512) [4]. В данных примерах прилагательное *чёрный* в одном и том же тексте пишется и через гласный *о*, и через *е*. Отличные от современных написания находим в текстах XVII века: «*львья жъ задняя нога по щотку бѣла*» (Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имущества по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева, 1608) [4].

Таким образом, процессы лабиализации и отвердения шипящих обусловили появление вариативности в написании слов, которая наблюдалась на протяжении довольно долгого времени.

В XVIII веке в книжную речь активно внедряются языковые элементы разговорной. Переход [е] в [о] становится яркой приметой разрушения границ делового и церковно-книжного языка и появлением нового типа литературного языка. Как отмечает В. В. Каверина, «влияние московского просторечия отражено в орфографии комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», где после шипящих в ударных слогах находим в основном *о*: *безчотнова, учоных, пощочинѣ, о чомѣ, безчотная, расчотѣ, смешонѣ*, и лишь в редких случаях *е*: *еще, жены, развращенного, отошелѣ, въ чемѣ, ни о чемѣ*» [2].

Согласно морфологическому принципу русской орфографии все морфемы в однокоренных словах должны писаться одинаково. Соответственно по орфографическому правилу «Буква *ѣ* пишется, если можно подобрать однокоренное слово с безударным гласным *е*». Однако не стоит забывать о том, что исторически на месте *ѣ* в слове был *е* после мягкого шипящего. Как следствие лабиализации *е* перешёл в *о*, то есть исторически в этих словах не было гласного *о*. Здесь необходимо упомянуть другой принцип русской орфографии, который необходимо учитывать при написании слов с гласными *о* — *е* (*ѣ*) после шипящих в корне слова. Это традиционный (исторический) принцип, согласно которому слова отражают исторически сложившиеся написания, поэтому гласный *о* не может писаться в корнях после шипящих, где был исконный *е*.

Таким образом, написания *о* — *е* (*ѣ*) после шипящих в корне слова определяется рядом исторических причин, связанных с развитием фонетической системы русского языка. Условием для данного языка является опора на исторический и морфологический принципы русской орфографии.

Литература:

1. Иванов, В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов. — 2-е изд., испр. доп. / В. В. Иванов — М.: Просвещение, 1983. — 399 с.
2. Каверина, В. В. Гласные *о/е* после шипящих в русском письме XVIII в. / В. В. Каверина // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки. Филология. — 2008. — № 7(63). — С. 92–94.
3. Калинин, К. А. Историческое комментирование русского языка: учебное пособие / К. А. Калинин. — Казань: РИЦ «Школа», 2025. — 303 с.
4. Национальный корпус русского языка. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.01.2026)
5. Журавлёва, Г. С. Историческая фонетика русского языка / Г. С. Журавлёва. — Елец, 2004. — 128 с.

Нарративный потенциал медиаисторий в мессенджере «Макс»

Жулькова Виктория Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванова Людмила Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

The narrative potential of media stories on the social network Max

The article examines the narrative potential of media stories in the social network Max as a result of the interaction between narrative structure, platform affordances and the author's communicative position. It discusses multimodality, serialization and person-alization in digital storytelling. Documentary, educational and personal media stories are characterized, and the grounds for distinguishing them are clarified. Particular attention is paid to audience participation and the difference between emotional response and contribution to the unfolding story. The article argues for evaluating media stories through the relationship between narrative organization, platform adaptation and audience response.

Keywords: media story, narrative, storytelling, Max, messenger, multimodality, serialization, narrator.

Развитие публичных каналов в социальной сети «Макс» расширяет возможности использования сторителлинга в массовой коммуникации. Повествовательная

форма позволяет представлять событие через действия и переживания его участников, связывать отдельные факты и включать их в доступный аудитории смысловой

контекст. Для платформы, объединяющей личное общение и распространение публичного контента, особое значение приобретает соотношение самостоятельной публикации и продолжающейся истории. Нарративный потенциал медиаисторий проявляется в способности сохранять целостность повествования при последовательном обращении к теме и фрагментарном восприятии сообщений.

«Макс» развивается как мессенджер, однако наличие публичных каналов позволяет рассматривать его и как среду социальной медиакommunikации. В этом пространстве автор взаимодействует с аудиторией посредством отдельных сообщений, которые могут объединяться общим героем, событием или проблемой. Медиаистория представляет собой повествовательно организованный медиатекст либо совокупность связанных публикаций, раскрывающих изменение определённой ситуации. Такое понимание не ограничивает медиаисторию конкретным интерфейсным форматом и предполагает рассмотрение смысловых отношений между её вербальными, визуальными и аудиовизуальными компонентами.

Теоретическое осмысление нарративного потенциала связано с разграничением событийного содержания и способов его повествовательной организации. В структурном анализе Р. Барта отдельные элементы рассказа рассматриваются через их функции и взаимосвязи в составе целого [1]. Применительно к медиаистории это позволяет определить, каким образом поступок героя, авторское пояснение или документальная деталь участвуют в развитии повествования. Наличие нескольких последовательно изложенных фактов ещё не создаёт нарратива: существенна связь между исходной ситуацией, действиями участников и происходящими изменениями.

Сторителлинг выступает способом организации и предъявления истории, тогда как нарратив определяет отношения между событиями, действующими лицами и позицией рассказчика. Их взаимодействие обеспечивает переход от сообщения о факте к осмыслению человеческого опыта. Когнитивный подход Дж. Брунера позволяет рассматривать повествование как форму представления опыта, в которой происходящее соотносится с намерениями и возможностями действующих лиц [5]. Поэтому содержательная ёмкость медиаистории определяется не только объёмом информации, но и способностью раскрыть через конкретную ситуацию более широкую социальную, культурную или профессиональную проблематику.

Нарративный потенциал медиаисторий в «Максе» складывается из структурных, платформенных и коммуникативных характеристик. Структурные характеристики связаны с развитием событий, позицией рассказчика и мотивированностью действий персонажей. Платформенные характеристики определяют способы размещения и сочетания материалов, а коммуникативные — формы обращения к аудитории и возможности её участия. Эти

характеристики взаимосвязаны, однако их реализация не предполагает заранее установленного результата. Выразительная история может привлекать внимание, но степень понимания, запоминания и доверия требует самостоятельного изучения.

Платформенная обусловленность сторителлинга проявляется прежде всего в организации материала внутри сообщения и в отношениях между отдельными публикациями. Документация «Макса» предусматривает отправку фото- и видеоматериалов в чаты и каналы [8]. Сочетание текста с медиавложениями позволяет распределять повествовательные функции между разными средствами выражения. Текст устанавливает последовательность событий и поясняет обстоятельства, фотография конкретизирует ситуацию, видео передаёт динамику действия и особенности речи героя. При таком распределении каждый компонент участвует в раскрытии истории и дополняет содержание других компонентов.

Мультимодальность приобретает нарративное значение в тех случаях, когда изменение способа предъявления информации сопровождается смысловым развитием. Изображение, лишь повторяющее содержание подписи, выполняет преимущественно иллюстративную функцию. Если же визуальная деталь объясняет условия действия, характеризует состояние героя или обнаруживает противоречие между его словами и обстоятельствами, она включается в структуру повествования. Соответственно, оценка мультимодальной медиаистории предполагает обращение к отношениям между компонентами, а не только к наличию нескольких форматов в одной публикации.

Существенным ресурсом нарративного развёртывания является сериализация. История, распределённая между несколькими сообщениями, позволяет последовательно раскрывать проблему, возвращаться к её участникам и дополнять первоначальное описание новыми обстоятельствами. Единство такого повествования обеспечивается устойчивостью темы, повторяющимися персонажами и обозначенными переходами между эпизодами. Отдельная публикация при этом сохраняет относительную смысловую завершенность, чтобы оставаться понятной читателю, который впервые обратился к истории на промежуточном этапе её развития.

Серийный формат требует учитывать различие между порядком публикации и порядком восприятия. Читатель может увидеть продолжение после пересылки, пропустить предшествующий эпизод или вернуться к материалу спустя некоторое время. Краткое восстановление контекста и обозначение связи с предыдущими сообщениями поддерживают причинную последовательность событий. Повествовательная целостность в данном случае достигается редакционной организацией материала. Само по себе размещение нескольких сообщений на одну тему не свидетельствует о наличии единой медиаистории.

Жанрово-форматные особенности медиаисторий соотносятся с коммуникативной направленностью каналов. Для новостного повествования значимы документальность, событийная динамика и соотнесение индивидуального опыта с общественно важными обстоятельствами. Репортажная история раскрывает событие через действия участников, свидетельства очевидцев и конкретные детали. Прямая речь позволяет обозначить перспективу героя, однако требует сохранения различия между его восприятием и установленными фактами. Позиция рассказчика проявляется в отборе свидетельств и способе их включения в общую последовательность.

Особенностью новостной медиаистории может стать вынесение результата события в начало публикации. Подобная композиция не исключает повествовательного развития, поскольку внимание аудитории переносится с вопроса о развязке на обстоятельства и причины произошедшего. Конфликт раскрывается через несоответствие намерений участников и условий их реализации. При этом драматургическая выразительность должна соотноситься с достоверностью: восстановление последовательности не предполагает приписывания героям мотивов, которые не подтверждаются доступными свидетельствами.

В образовательной коммуникации сторителлинг выполняет объяснительную функцию. Повествование позволяет представить знание через проблемную ситуацию, поиск решения и осмысление результата. История научного открытия или разработки технического устройства становится содержательной, когда раскрывает основания выбора, промежуточные ошибки и ограничения полученного решения. Персонализация материала помогает связать абстрактное содержание с деятельностью конкретного человека. Вместе с тем познавательная ценность сохраняется лишь при условии, что биографические подробности участвуют в объяснении темы и не подменяют его эмоциональным описанием.

Для блогерских медиаисторий особое значение приобретает личный нарратив. Автор-рассказчик соединяет описание события с оценкой собственного опыта, формируя определённую дистанцию между собой и аудиторией. Исповедальная интонация, самоирония и обращение к повседневным обстоятельствам создают условия для сопереживания. Однако эмоциональная близость не устраняет необходимости в содержательной аргументации. Личная история приобретает более широкое значение, когда индивидуальная ситуация позволяет увидеть опыт, узнаваемый другими людьми, сохраняя при этом конкретность переживания.

Эмпатический ресурс повествования связан с возможностью восприятия ситуации с позиции другого человека. П. Дж. Мэнни рассматривает сторителлинг как средство развития эмпатии в условиях технологически опосредованного взаимодействия [6]. Для медиаисторий «Макса» этот подход позволяет акцентировать значение индивидуализированного героя, мотивы и переживания кото-

рого доступны читательской интерпретации. Эмоциональное воздействие усиливается содержанием выбора и его последствиями, а не одним лишь использованием оценочной лексики. Сведение героя к носителю заранее заданной позиции ограничивает возможность понимания его опыта.

Репортаж, зарисовка, жизненная история и повествовательно оформленная рекомендация могут рассматриваться как формы организации медиаисторий. Репортаж раскрывает событие через документально представленные действия; зарисовка концентрируется на выразительном эпизоде; жизненная история связывает изменение ситуации с опытом конкретного человека; рекомендация объясняет способ действия через историю преодоления затруднения. Эти формы допускают сочетание и не образуют закрытой классификации. Сериализация характеризует протяжённость повествования, а мультимодальность — способ его выражения, поэтому они не должны смешиваться с жанровыми основаниями типологии.

Расширение истории за пределы одной площадки связано с трансмедийной организацией повествования. Обращение М. М. Шатило к специфике трансмедийного сторителлинга на цифровых медиаплощадках позволяет обозначить самостоятельность этой проблематики [4]. Для анализа медиаисторий необходимо различать тиражирование одного материала и содержательное дополнение повествования. Повторная публикация увеличивает доступность истории, тогда как трансмедийное развёртывание предполагает появление нового фрагмента или перспективы. Канал «Макса» может включаться в такую систему, если его материалы расширяют представление о событии, а не дублируют уже изложенное.

Интерактивный потенциал медиаистории определяется характером участия аудитории. Эмоциональный отклик, выбор предусмотренного продолжения и дополнение истории собственным свидетельством представляют разные способы взаимодействия. Реакция выражает отношение к публикации, но сама по себе не изменяет её содержание. О содержательном соучастии можно говорить в случае, когда переданный читателем материал включается в дальнейшее повествование и влияет на представление события. Авторская ответственность при этом сохраняется, поскольку отбор и проверка пользовательских свидетельств определяют достоверность общей истории.

Коммуникативное воздействие сторителлинга связано с эмоциональностью и доступностью повествовательной формы. Н. Н. Равочкин и Э. Анкири характеризуют потенциал онлайн-историй через компактность, удобство восприятия и выраженность транслируемых ценностных установок [3]. Эти свойства создают предпосылки для вовлечения, однако не устанавливают прямой зависимости между отдельным приёмом и поведением читателя. П. Дж. Зак рассматривает связь эмоционально значимых историй с последующими действиями аудитории в опреде-

лѐнных экспериментальных условиях [7]. Применительно к «Максу» подобные положения объясняют возможные механизмы восприятия, но не заменяют данных о конкретной аудитории.

Социальная значимость медиаисторий предполагает внимание к воздействию характеру авторского отбора. В работе Т. А. Кулаковой и А. В. Волковой сторителлинг рассматривается как технология управления массовым сознанием [2]. Повествовательная организация способна направлять оценку события посредством выбора центрального персонажа, расстановки акцентов и характера развязки. Поэтому эмоциональная убедительность нуждается в соотношении с полнотой представленных обстоятельств. Частный пример не должен подменять объяснение общественной проблемы, а композиционная завершѐнность — создавать впечатление разрешѐнности ситуации, последствия которой ещё неизвестны.

Медиакоммуникационная оценка медиаисторий предполагает соотношение структурной организации, платформенной адаптации и аудиторного отклика. Структурная организация раскрывается через связность событий и определѐнность повествовательной перспективы. Платформенная адаптация характеризуется распре-

делением содержания между форматами и поддержанием связей внутри серии. Аудиторный отклик требует интерпретации с учётом условий публикации: просмотр не равнозначен дочитыванию, а реакция не свидетельствует автоматически о доверии. Сопоставление этих уровней позволяет обсуждать нарративный потенциал без подмены содержательного анализа показателями активности.

Таким образом, нарративный потенциал медиаисторий в социальной сети «Макс» определяется взаимодействием повествовательной структуры, мультимодального выражения и коммуникативной позиции автора. Документальная история раскрывает общественно значимое событие через опыт его участников, образовательная — организует понимание проблемы, личная — создаѐт условия для соотношения индивидуального переживания с опытом аудитории. Сохранение причинных и смысловых связей между эпизодами позволяет преодолевать фрагментарность восприятия. Реализация этого потенциала зависит от последовательности редакционных решений и ответственного обращения с материалом; технические возможности платформы обеспечивают условия для повествования, но не предопределяют его качество и воздействие.

Литература:

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Тракаты, статьи, эссе. Москва: Издательство Московского университета. 1987. С. 196–238.
2. Кулакова Т. А., Волкова А. В. О методологических основаниях сторителлинга как технологии управления массовым сознанием // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, вып. 2. С. 294–308.
3. Равочкин Н. Н., Анкири Э. Сторителлинг: влияние онлайн-историй на общественное сознание // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2023. Т. 2, № 3 (7). С. 183–190.
4. Шатило М. М. Специфика трансмедийного сторителлинга на цифровых медиаплощадках // Colloquium-journal. 2020. № 18–3 (70). С. 12–14.
5. Bruner J. Actual Minds, Possible Worlds. Harvard University Press. 1986. P. 106–121.
6. Manney P. J. Empathy in the Time of Technology: How Storytelling is the Key to Empathy // Journal of Evolution and Technology. 2008. Vol. 19, № 1. P. 51–61.
7. MAX для разработчиков. Отправка сообщений с медиафайлами. — URL: <https://dev.max.ru/docs-api/use-cases/sending-messages/media> (дата обращения: 17.10.2026).
8. Zak P. J. Why Inspiring Stories Make Us React: The Neuroscience of Narrative // Cerebrum. 2015. Vol. 2015, № 2. P. 1–12.

Формирование лингвокультурологической компетенции китайских студентов на материале русской классической прозы (на примере романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»)

Ма Цзин, студент

Научный руководитель: Белова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье рассматривается проблема формирования лингвокультурологической компетенции у китайских студентов на занятиях по русскому языку как иностранному. В качестве учебного материала предлагается русская классическая проза — роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Анализируются методы работы с текстом, направленные на преодоление культурного барьера и понимание национально-специфических концептов русской культуры.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, РКИ, китайские студенты, русская классическая проза, И. С. Тургенев, «Отцы и дети».

Введение

В современной методике преподавания РКИ особое внимание уделяется развитию лингвокультурологической компетенции. Для китайских студентов, изучающих русский язык вне языковой среды, постижение русской культуры является сложной задачей. Язык неотделим от культуры, и классическая литература остается лучшим проводником в мир русской души. Целесообразно использовать роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» на продвинутом этапе обучения (B1-B2), так как он аккумулирует ключевые философские и социальные вопросы XIX века. Цель статьи — предложить методические пути работы с данным текстом.

1. Понятие лингвокультурологической компетенции в контексте РКИ

Под лингвокультурологической компетенцией понимается способность распознавать в языке культурные смыслы и адекватно использовать их в межкультурной коммуникации. Как отмечает В. В. Воробьев [1], данная компетенция предполагает усвоение не только системы языка, но и национально-культурного фона. Для китайских студентов русская литература часто воспринимается через призму собственной традиции, что может приводить к неверному пониманию поступков героев. Задача преподавателя — помочь декодировать культурные коды.

2. Лингвокультурный потенциал романа «Отцы и дети»

Роман предоставляет богатейший материал для анализа. Рассмотрим ключевые аспекты:

— **Концепт «нигилизм»:** Базаров отрицает искусство и авторитеты. Для студентов, воспитанных в традициях конфуцианства, это может показаться непонятным. Преподавателю необходимо объяснить исторический контекст, чтобы студенты поняли суть эпохи 60-х годов XIX века. Это отличный повод для дискуссии о разнице поколений в Китае и России.

— **Русская природа:** Тургенев — мастер пейзажа. Описания природы несут глубокую символическую нагрузку. Работа с пейзажными зарисовками помогает китайским студентам понять эстетику русской литературы, основанную на тонком психологизме.

Литература:

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография. — М.: РУДН, 2008. — 336 с.
2. Тургенев И. С. Отцы и дети. — М.: Художественная литература, 1980. — 256 с.
3. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий. — М.: ИКАР, 2009. — 448 с.
4. Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М.: Русский язык, 1990. — 246 с.

— **Быт и реалии:** В тексте часто встречаются слова-реалии (например, *усадьба*, *дуэль*, *самовар*). Работа с этой лексикой формирует не только словарный запас, но и страноведческие знания.

3. Методические приемы работы с текстом

Для эффективного формирования компетенции используются интерактивные методы:

1. Предтекстовый этап: Просмотр фрагментов экранизаций романа или изучение исторической справки о реформах Александра II.

2. Текстовый этап: Метод «кейс-стади» при чтении споров Базарова и Павла Петровича. Вопрос: «Чья позиция вам ближе как представителю китайской молодежи?» заставляет студентов пропускать текст через свой культурный опыт.

3. Послетекстовый этап: Создание «ментальных карт» персонажей или написание эссе на тему «Что значит быть нигилистом в современном мире?».

4. Преодоление культурного барьера: концепт «судьба»

Понимание концепта «судьба» (рок, жизненный путь) важно для адекватного восприятия текста. В китайской культуре также существует понятие судьбы (命运), однако в русской классике фатализм часто проявляется иначе. На примере гибели Базарова от случайной инфекции можно показать, как литература исследует тему рока. Преподаватель может предложить студентам найти параллели с китайской литературой и выявить общее и различное в трактовке судьбы.

Заключение

Роман «Отцы и дети» обладает колоссальным лингвокультурологическим потенциалом. Работа с ним позволяет расширить словарный запас студентов и сформировать умение интерпретировать русские культурные смыслы. Использование интерактивных методик способствует преодолению культурного барьера, развивает критическое мышление и формирует лингвокультурологическую компетенцию.

5. Салимов Х. С. Лингвокультурологический аспект в обучении РКИ // Молодой ученый. — 2015. — № 10. — С. 1298–1301.

Субъективность переводчика как участника процесса межъязыковой коммуникации

Механи Абануб Адель, студент магистратуры

Научный руководитель: Эль-Гебали Мухамед Наср Эд-Дийн, кандидат филологических наук, профессор;

Научный руководитель: Абдалла Мухамед Сайед, кандидат филологических наук, доцент;

Научный руководитель: Сиддик Адель Мухаммед, кандидат филологических наук, преподаватель
Айн-Шамский университет (г. Каир, Египет)

В статье рассматривается субъективность переводчика как участника процесса межъязыковой коммуникации. Цель данной статьи заключается в выявлении и исследовании субъективности переводчика в контексте его участия в межъязыковой коммуникации.

Ключевые слова: субъективность переводчика, межъязыковая коммуникация, перевод, коммуникативный акт, герменевтическое движение.

В 80–90-е годы XX века, после продолжительного изучения лингвистических аспектов перевода, в развитии переводоведения начался новый этап. Перевод стали рассматривать не только как процесс преобразования текста с одного языка на другой, но и как средство осуществления межъязыковой и межкультурной коммуникации между представителями разных языковых сообществ, для решения определённой коммуникативной задачи. В связи с этим исследователи перевода стали уделять больше внимания особенностям участников коммуникации, принадлежащих к различным культурам и говорящих на разных языках. Постепенно в переводоведении сформировался новый подход к изучению перевода, который, согласно В. В. Сдобникову, получил название коммуникативно-функционального подхода [1, с. 6].

Переводчик занимает важное место в процессе межъязыковой коммуникации. На первом этапе он выступает в качестве рецептора, воспринимающего сообщение на исходном языке, а затем становится источником информации, формирующим новый текст средствами языка перевода. Созданный текст предназначен для рецептора, который владеет языком перевода, обладает собственным языковым и культурным опытом и воспринимает сообщение в иной коммуникативной ситуации. Следовательно, задача переводчика состоит не только в создании текста на другом языке, но и в формировании такого текста, который мог бы служить полноценной заменой оригинала и выполнять функцию его эквивалента в процессе коммуникации [2, с. 90].

В условиях двуязычной коммуникации переводчик выступает посредником, обеспечивающим взаимодействие между представителями различных культур. Для эффективного осуществления этой деятельности недостаточно владеть двумя языками: переводчику необходимо также

обладать соответствующими знаниями о культурах, к которым принадлежат участники коммуникации, то есть быть «бикультурным» [3, с. 2].

В этой связи особое значение приобретает субъективный фактор переводческой деятельности. Индивидуальные взгляды переводчика, его жизненный и профессиональный опыт, культурный фон, социальная роль и личная идентичность непосредственно влияют на выбор переводческих решений, преобразование исходного материала и способы языкового выражения содержания [4, с. 230].

Переводчик не изолирован от внешнего мира и одновременно обладает собственным внутренним опытом. Поэтому его деятельность не может быть полностью нейтральной: на восприятие исходного текста и принятие переводческих решений оказывают влияние как окружающая действительность, так и индивидуальный опыт переводчика.

Субъективность переводчика проявляется в его способности влиять на языковое оформление перевода и эстетическую интерпретацию оригинала, создавая собственную версию произведения на другом языке. При этом переводчик должен не только сохранять эстетический замысел автора, но и адаптировать иноязычный текст в необходимой степени, обеспечивая его доступность для читателя и возможность эстетического восприятия. Данный процесс отличается сложностью и требует значительных временных затрат [5, с. 241–242]. Принимая языковые и стилистические решения, переводчик использует свои профессиональные навыки для того, чтобы сделать перевод доступным и понятным читателю.

Как отмечают исследователи, субъективность переводчика выражается в его осознанной и целенаправленной деятельности, ориентированной на достижение постав-

ленной переводческой цели при сохранении уважительного отношения к оригиналу как объекту перевода. В процессе работы переводчик отбирает и реконструирует исходный материал, пропуская его через призму собственной культурной системы и индивидуальных особенностей когнитивного восприятия. Вместе с тем такая «творческая переработка» не представляет собой произвольную интерпретацию, оторванную от оригинала. Напротив, она предполагает вторичное смыслообразование, основанное на глубоком понимании исходного текста, академической подготовке переводчика, его культурной позиции и конкретном историко-временном контексте [4, с. 230].

При исследовании субъективности переводчика необходимо также учитывать психологические аспекты переводческого процесса, которые включают следующие этапы:

Первый этап связан с восприятием и осмыслением переводчиком исходного текста. При этом было бы неправомерно рассматривать оригинал исключительно как совокупность языковых единиц. Прежде всего, исходный текст представляет собой знаковое выражение авторской мысли, которое в процессе своего существования приобретает относительную самостоятельность. Однако при восприятии переводчиком этот текст подвергается переосмыслению и преобразуется в новую, материально выраженную мысль, которая уже не совпадает полностью с первоначальным авторским замыслом и формируется в сознании переводчика. Таким образом, на этапе восприятия исходный текст может рассматриваться одновременно как выражение авторской мысли и как объект формирования мысли переводчика. Эти две формы осмысления текста изначально не могут полностью совпадать. Т. А. Казакова обозначает возникающие между ними расхождения термином «разночтение». Их появление обусловлено различиями между культурами, а также неодинаковым жизненным и профессиональным опытом автора оригинала и переводчика. По этой причине один и тот же исходный текст может восприниматься разными переводчиками по-разному: их языковой, культурный и профессиональный опыт неодинаков, а условия, место и время восприятия оригинала могут различаться. Вместе с тем между «авторской мыслью» и «мыслью читателя-переводчика» сохраняется определённая область совпадения, обусловленная общими языковыми и культурными факторами [6, с. 121–122].

Следующий аспект связан с этапом переводческого семиозиса, в ходе которого знаки исходного текста вступают в сложное взаимодействие не только с тезаурусом переводчика, но и с культурными условиями принимающей среды, а также с возможностями языка перевода. В процессе вторичного семиозиса возникающие информационные лакуны могут компенсироваться переводчиком либо оставаться невосполненными по различным причинам. Во втором случае в тексте перевода может возникать семиотическое напряжение. Оно, в частности,

может быть связано с переводческой ошибкой и приводить к снижению степени знакового соответствия исходному тексту. Л. В. Крупник отмечает, что в исследовании Л. С. Бархударова подробно рассматриваются способы передачи трёх основных типов значений слова: референциального, прагматического и внутрилингвистического. При этом подчёркивается, что характер передачи каждого из указанных типов значений определяется особенностями переводимого текста и его жанровой принадлежностью, в том числе с тем, относится ли текст к научно-техническому, художественному или поэтическому жанру [6, с. 122].

Рассматривая проявления субъективности переводчика, анализируем, например, перевод повести «Шинель», выполненный саудовским писателем и переводчиком Абдель-Вахедом Эль-Ехьи на основе четырёхэтапной модели герменевтического движения (*four-beat model of the hermeneutic motion*), предложенной Дж. Стайнером. Эта модель включает следующие этапы:

1. Инициативное доверие.

Первый этап герменевтического движения характеризуется исходным доверием переводчика к оригиналу и стремлением понять текст таким, каким он представлен автором. На этом этапе переводчик пытается определить, что именно хочет сообщить автор, какую мысль он стремится выразить, какое эмоциональное воздействие текст оказывает на читателя и каким образом в нём отражается культурный колорит [7, с. 252]. На данном этапе переводчик воспринимает оригинал не совсем объективно. Переводчик осмысляет содержание текста через призму собственного языкового и культурного опыта, который влияет на понимание авторского замысла.

2. Сомнение (агрессия).

На втором этапе герменевтического движения переводчик подвергает исходный текст аналитическому осмыслению и стремится уточнить значение отдельных слов и выражений. Он задаётся вопросами о том, какой смысл автор вкладывает в определённую языковую единицу, какие значения она приобретает в конкретном контексте и существуют ли у неё переносные или дополнительные смысловые оттенки. Одновременно переводчик ищет наиболее точный способ передачи выявленного значения средствами другого языка. Это позволяет ему глубже понять оригинал и выбрать определённый вариант интерпретации [7, с. 253]. На данном этапе переводчик анализирует текст, чтобы понимать значение отдельных слов и выражений. Например, при анализе выражения «гибнут государственные постановления» [9, с. 3], переводчик понимает, что слово «гибнут» используется в переносном значении, а также «государственное» здесь относится к Российской империи. При анализе фразы «которые не могут кусаться» [9, с. 3], понимает, что слово «кусаться» используется в переносном значении. Также при анализе выражения «хлебал наскоро свои щи» [9, с. 6], он понимает, что слово «щи» — известное русское блюдо, которое не существует в арабской культуре.

3. Интериоризация (инкорпорация).

Третий этап герменевтического движения представляет собой внутреннее осмысление исходного текста. После анализа оригинала и выбора его интерпретации в сознании переводчика формируется целостное представление о содержании произведения. На этом этапе переводчик стремится постичь смысловой мир автора, понять описываемые ситуации, особенности персонажей, культурный контекст, а также эмоциональные и стилистические характеристики оригинала. Все эти процессы происходят в сознании переводчика [7, с. 253–254]. На данной стадии переводчик индивидуально осмысляет произведение. Интерпретация формируется с учётом его собственного опыта, знаний и мировоззрения. Вместе с тем она должна опираться на исходный текст, поскольку переводческое понимание не предполагает произвольного обращения с оригиналом. Следовательно, индивидуальное восприятие переводчика ограничивается содержанием и особенностями переводимого произведения.

4. Реституция (компенсация).

Четвёртый, заключительный этап герменевтического движения связан с передачей интерпретированного содержания средствами языка перевода. На этой стадии переводчик преобразует сформированное в его сознании понимание оригинала в текст перевода. При этом он сталкивается с ограничениями, обусловленными различиями между языками, и осознаёт невозможность полного воспроизведения всех особенностей исходного текста средствами другого языка. Поэтому переводчику приходится принимать решения относительно того, какие элементы оригинала могут быть переданы непосредственно, а какие требуют преобразования или адаптации [7, с. 254–255 и 8, с. 365]. На данном этапе переводчик выражает уже сформированный в своем сознании смысл средствами языка перевода. Если рассматриваем указанные выше примеры, можно найти, что для передачи первого примера переводчик использует «10] «كل المؤسسات الإمبراطورية تتعرض للخطر» (с. 2).

Здесь переводчик не буквально передает слово «гибнут», а использует «تتعرض للخطر» «подвергается опасности», а также использует «المؤسسات الإمبراطورية» «императорские постановления», что соответствует реальной действительности того времени. В переводе второго примера переводчик использует «الذين لا يستطيعون الدفاع عن أنفسهم ومبادلتهم العض» [10], с. 2] «которые не могут защищать себя и кусать их в ответ». Здесь переводчик передает смысл с сохранением выражения автора. в переводе третьего примера переводчик использует «10] «حساء الملفوف» (с. 4) в переводе «щи». Здесь переводчик передает это слово как «капустный суп», чтобы было понятно арабскому читателю, а также использует слово «الملفوف», что соответствует культуре его страны (Саудовской Аравии).

В заключение можно сказать, что переводчик выступает посредником между автором исходного сообщения и получателем перевода в процессе межъязыковой коммуникации. При этом переводчик как субъект переводческой деятельности оказывает влияние на процесс перевода под воздействием таких факторов, как собственный опыт и профессиональная подготовка. Воспринимая исходное сообщение, переводчик интерпретирует его и затем передаёт его содержание средствами языка перевода. Данный процесс может быть рассмотрен с учётом психологических аспектов переводческой деятельности и четырёхэтапной модели герменевтического движения. Переводчик выступает центральным участником герменевтического движения, поскольку именно в его деятельности последовательно реализуются все четыре этапа. Сначала он проявляет доверие к исходному тексту и стремится понять его содержание, затем анализирует оригинал, задаёт вопросы и выбирает определённую интерпретацию. После этого в его сознании формируется целостное понимание произведения, которое на заключительном этапе преобразуется в текст перевода. На каждом из этих этапов субъективность переводчика проявляется по-разному, однако во всех случаях его интерпретация должна сохранять связь с исходным текстом.

Литература:

1. Сдобников В. В. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход) — М.: Флинта; Наука, 2015. — 117 с.
2. Велединская С. Б. Курс общей теории перевода. — Томск: Томский политехнический ун-т, 2010. — 230 с.
3. Ярошук М. В. Перевод как вид коммуникации// Язык, культура, профессиональная коммуникация. — Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2018.
4. Люй Пэйин. О влиянии личности переводчика-учёного на перевод китайских классических текстов на русский язык — на примере перевода Книги перемен российским синологом Ю. К. Щуцким. // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2025. — № 2. — С. 226–243.
5. Тиллоева С. М. Роль личности переводчика при переводе художественного текста / С. М. Тиллоева, Е. Н. Трёкина. // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов. — Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2023. — С. 237–245.
6. Крупник Л. В. Личность переводчика как субъективный фактор художественного перевода (на материале книги Л. Уоллиса «Бен-Гур») / Л. В. Крупник// Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: Сборник научных статей. — 2013. — № 3. — С. 121–129.

7. Munday J. *Introducing Translation Studies* / J. Munday. — 4th ed. — Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2016. — 376 p.
8. Agnetta M. George Steiner's *After Babel* in contemporary Translation Studies / M. Agnetta, L. Cercel. // *Church, Communication and Culture*. — 2019. — Vol. 4, № 3. — P. 363–369.
9. Гоголь Н. В. Шинель / Н. В. Гоголь. — [Б. м.]: [б. и.], 1842. — 30 с.
10. 2007 — المعطف، نيقولاى جوجول، ترجمة عبد الواحد اليحيائي.

Языковые инновации в романе Чимаманды Нгози Адичи «Американха»

Мирошникова Инна Игоревна, старший преподаватель
Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко (г. Тирасполь)

В данной статье автор исследует языковые инновации в творчестве англоязычных авторов — мигрантов на примере романа «Американха». Автор затрагивает вопросы идентичности и специфики литературы, возникшей на стыке двух культур.

Ключевые слова: гибридность, языковые инновации, *code-switching*, калька, неологизм, Чимаманда Нгози Адичи.

Творчество англоязычных авторов — мигрантов и их потомков представляет собой яркий пример сочетания разных языков, культурных традиций и систем самоопределения, где одной из ключевых характеристик становится билингвизм, как самого писателя, так и его персонажа. Это отражается в самом художественном произведении через такие языковые приемы как переключение кодов, использование заимствованной лексики, наличие авторских неологизмов и отступление от привычных грамматических норм. Все эти элементы перестают быть обычными выразительными средствами и превращаются в способ передачи образа жизни людей, находящихся на стыке двух миров.

Высокий уровень эмиграции и глобализации в XX–XXI вв. изменили социокультурную и языковую мировую среду. Благодаря этим процессам в мировой литературе укоренилось такое понятие как литература мигрантов. Согласно Зубаревой Е. О., стремительное развитие этого феномена произошло после распада империй и тесно связано с концептом освобождения угнетенных групп, а также рассматривает в первую очередь их страхи, озабоченность собственным будущим и попытки преодолеть политическое и культурное господство [2].

Ключевой концепцией для данного вида литературы является теория гибридности выдающегося индийско-американского философа и литературоведа Хоми Бхабха, который подробно рассмотрел ее в своем труде «Место культуры». Бхабха говорит о «третьем пространстве» (*third space*), как о зоне, которая возникает на стыке двух культур и порождает новую гибридную идентичность [5, с. 37–62]. Именно смешение культур, языков и идентичностей позволяет авторам создать лингвистические и повествовательные особенности, которые мы и рассмотрим в рамках данной статьи.

Одной из разновидностей литературы мигрантов является англоязычная литература диаспор. Под данным понятием мы подразумеваем совокупность художественных

текстов, созданных авторами, которые проживают вне своей исторической родины или являются потомками мигрантов первого, второго и даже третьего поколения в англоговорящих странах (прежде всего в Великобритании, США, Канаде, Австралии, а также в странах, где английский выполняет функцию второго государственного языка). Эти авторы пишут на английском языке, но их творчество глубоко укоренено в культурных и языковых традициях стран исхода — Индии, Нигерии, Пакистана, Бангладеш, стран Карибского бассейна и других. Именно это множественное культурное и языковое наследие определяет специфику диаспорной литературы, отличающую её как от литературы страны происхождения (которая развивается в иной социальной и языковой среде), так и от основного потока литературы принимающей страны.

Социолингвистический анализ диаспорной литературы невозможен без учёта концепции «Новых вариантов английского языка» (*New Englishes*), разработанной Брайаном Качру. Согласно этой концепции, английский язык давно перестал быть монополией его исконных носителей (Великобритания, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия). В результате колониального прошлого и последующих миграционных процессов возникли многочисленные «периферийные» варианты английского — индийский английский, нигерийский английский, сингапурский английский и другие. Эти варианты обладают собственной фонетической, лексической, грамматической и прагматической спецификой, которая отражает локальные культурные нормы и коммуникативные стратегии [7, с. 12–28].

Диаспорная литература, создаваемая носителями этих «периферийных» вариантов, дает основание воспринимать их как полноценные литературные языки. Авторы не просто используют нигерийский или индийский английский в диалогах — они вводят его в повествование, делая языком рассказчика, а не только персонажей. Тем самым они бросают вызов монолитной норме «стандартного ан-

глийского» и утверждают право на существование множественных, гибридных, локализованных форм английского языка. Этот процесс, который Эшкрофт, Гриффитс и Тиффин назвали «захватом и субверсией» языка (*seizing and subverting the language*) [3, с. 38–42], является одновременно лингвистическим, литературным и политическим жестом. Важно подчеркнуть, что этот процесс не является разрушительным по отношению к английскому языку; напротив, он обогащает его, расширяет его выразительные возможности, делает его более гибким инструментом для описания глобального мира. При этом язык перестаёт быть лишь пассивным фоном для разворачивания сюжета, а превращается в пространство смысловой конкуренции и поиска авторского голоса, где за счёт эксперимента с формой рождаются новые художественные решения и заявляется культурная самобытность.

Под языковыми же инновациями понимаются любые осознанные или спонтанные изменения в структуре, лексике, грамматике или функционировании языка, которые возникают в речи его носителей и закрепляются как новые элементы [1]. Их использование помогает автору передавать специфический культурный опыт, выходя за рамки нормативного английского языка. Кроме того, языковые инновации помогают продемонстрировать вариативность языка, тем самым разрушая его монолитность и культурное единство. Языковые инновации придают целостность диаспорной прозе, которая является одним из самых живых и подвижных пластов сегодняшнего литературного процесса.

Роман Чимаманды Нгози Адичи «Американха» (2013) занимает одно из центральных мест в современной англоязычной диаспорной литературе. Писательница, родившаяся в Нигерии и переехавшая в США в возрасте девятнадцати лет, принадлежит к первому поколению мигрантов, что определяет специфику её языковой и культурной позиции. «Американха» — это роман о нигерийской девушке Ифемелу, которая приезжает в Америку на учёбу, сталкивается с расовыми предрассудками, вынуждена скрывать свой акцент и постепенно теряет связь с родиной, чтобы затем, вернувшись в Нигерию, заново осмыслить свою идентичность. Параллельно развивается линия Обинзе, её первой любви, который оказывается в Лондоне, а затем также возвращается в Нигерию.

Адичи создаёт текст, в котором английский язык постоянно «нарушается» под влиянием игбо и нигерийского варианта английского. Эти нарушения не случайны — они являются сознательной художественной стратегией, направленной на аутентификацию нигерийского опыта и сопротивление культурной ассимиляции.

Одним из наиболее частотных приёмов в романе является смешение кодов (*code — switching*), например, использование частицы *o*, которая в нигерийском английском (под влиянием игбо и йоруба) выполняет функцию эмоционального маркера — она может придавать высказыванию оттенок удивления, восклицательности, смягчения категоричности или, напротив, усиления. В романе

эта частица встречается постоянно, и её функция варьируется от контекста. Например, в реплике *Meanwhile o, he has serious money now* частица «o» после наречия «meanwhile» придаёт высказыванию оттенок насмешливого удивления: говорящий как бы подчёркивает ироническое несоответствие между прошлым и настоящим положением дел. В следующем же примере, *You have come o! Welcome!* частица выражает радушие, эмоциональное тепло. Адичи сознательно не комментирует использование данной частицы, побуждая читателя адаптироваться к тексту самостоятельно.

Ещё одним найденным примером переключения кодов является использование обращений на игбо, прежде всего *Nne* (буквально «мать», но используется как уважительное обращение к женщине любого возраста, особенно к старшей) [8]. Когда тётя Уджу говорит Ифемелу *Nne, you are damaging my name*, обращение на игбо маркирует близость, семейную интимность, одновременно подчёркивая культурную дистанцию по отношению к англоязычному читателю. Слово «Nne» не переводится и не объясняется; его значение читатель может вывести из контекста (очевидно, что это обращение), но культурный подтекст — уважение к старшим, особое отношение к материнству в игбо-культуре — остаётся «тёмным» пятном.

Помимо частиц и обращений, Адичи вводит в текст множество лексических заимствований, обозначающих нигерийские реалии, без перевода и без глоссария. Это могут быть названия транспортных средств: *okada* (мототакси), *danfo* (микроавтобус-маршрутка); одежды: *agbada* (традиционная широкая одежда); еды: *jollof rice* (рисовое блюдо с томатным соусом, национальное блюдо Нигерии и Ганы), *garri* (кассава, основа питания); бытовых и социальных реалий: *compound* (огороженная территория дома, где живут несколько семей). Отказ от перевода этих слов не является пренебрежением к читателю, Адичи лишь утверждает, что нигерийская реальность не нуждается в переводе на язык западной культуры, что эти реалии самодостаточны и должны восприниматься как данность, а не как экзотика, требующая пояснений.

Ещё более тонким и эффективным приёмом языковой гибридации становятся кальки — дословные переводы идиом и синтаксических конструкций из родного языка. Адичи использует кальки, которые делают английский текст непривычным для носителя стандартного английского, но совершенно естественным для носителя игбо или нигерийского английского. Примером может послужить редупликация *small small* в предложении *I will be there small small*. В стандартном английском редупликация прилагательных используется редко и обычно в детской речи или в поэтических контекстах. В нигерийском английском, под влиянием игбо *nke nta nke nta*, редупликация передаёт постепенность, размеренность, неспешность действия. Адичи использует эту кальку не только в диалогах, но и в речи рассказчика, тем самым вплетая нигерийский вариант английского в язык повествования, а не только в речь персонажей.

Наряду с кальками Адичи вводит несколько авторских неологизмов, которые становятся концептуальными ядрами романа. Центральным из них — *Americanah*. Это слово образовано от «American» с добавлением суффикса «-ah», который в игбо указывает на принадлежность или обладание качеством. *Americanah* обозначает нигерийца, который вернулся из Америки (или из любого другого западного общества) с изменённым сознанием, манерами, акцентом, отношением к жизни. Это слово не имеет точного эквивалента в английском. Оно становится ключевым концептом романа, вокруг которого строится сюжет (Ифемелу, вернувшись в Нигерию, обнаруживает, что её воспринимают как *Americanah*, и она должна заново решать, что это значит).

Другой неологизм — *Raceteenth*, название блога Ифемелу. Это гибридное слово, образованное от «race» (раса) и «Juneteenth» (праздник 19 июня, отмечающий отмену рабства в США). *Raceteenth* объединяет расовую проблематику и историческую память, создавая понятие, которое не поддаётся переводу. Ещё одним найденным авторским неологизмом выступает словосочетание *Zipped-Up Negroes* (дословно «застёгнутые на молнию негры»), которое метафорически описывает чернокожих, игнорирующих последствия расовой дискриминации в обществе в попытках угодить и быть принятыми в обществе белых людей.

Говоря голосами персонажей-иммигрантов Адичи использует грамматические нарушения, которые не являются ошибками в обычном смысле, а передают особенности нигерийского варианта английского языка. Примерами таких нарушений являются следующие конструкции: *You stay in America fifteen years* (опущение вспомогательного глагола «have»), *I want marry* (опущение «to» перед инфинитивом), *How you comb it?* (опущение вспомогательного глагола «do»), *She don't take any nonsense* (отсутствие согласования в 3-м лице). В данном случае автор не высмеивает персонажей, а показывает, что даже при неполном владении грамматикой традиционного английского языка, они успешно общаются, ведут бизнес и занимаются воспитанием детей. В рамках идеологии автора это лишь подчеркивает, что грамматическая правильность не является залогом человеческого достоинства и успешности в коммуникации.

Подводя итог, следует сказать, что данный роман наглядно демонстрирует, как языковые инновации служат главным инструментом диаспоральной прозы. Они изменяют традиционную англоязычную норму через кодовые переключения, неологизмы и элементы нигерийского варианта английского. Адичи формирует самобытную языковую эстетику, которая помогает избавиться от расовых стереотипов и передает всё многообразие гибридного опыта.

Литература:

1. Жирова И. Г. Языковые инновации как способы обновления словарного состава современного английского языка // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика» 2014 / No 4 URL: <https://www.linguamgou.ru/jour/article/view/744>
2. Зубарева Е. О. Миграционная и мигрантская литература: гибридность и амбивалентность // Евразийский гуманитарный журнал. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-i-migrantskaya-literatura-gibridnost-i-ambivalentnost>
3. Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. *The Empire Writes Back: Theory and Practice in Post-Colonial Literatures* [Text]. — London: Routledge, 2002. — 304 p.
4. Bhusal, D. The Poetics and Politics of Code-Switching in Chimamanda Ngozi Adichie's *Americanah* // Butwal Campus Journal. — 2025. — Vol. 8, № 1. URL: <https://www.nepjol.info/index.php/bcj/article/view/85527>
5. Bhabha, H. K. *The Location of Culture* [Text] / H. K. Bhabha. — London: Routledge, 1994. — 295p.
6. Chanda, R., & Lubungu, J. Language, symbols, and narrative techniques in *Americanah*: Afropolitan identity in context // Journal of Postcolonial Writing. — 2026. — Vol. 62, № 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/403297591_Language_symbols_and_narrative_techniques_in_Americanah_Afropolitan_identity_in_context
7. Kachru, B. B. *The Alchemy of English: The Spread, Functions, and Models of Non-Native Englishes* [Text]. — Urbana: University of Illinois Press, 1986. — 200 p.
8. Williamson K. *Dictionary of Ò nì chà Igbo*: 2nd ed. of the Igbo dictionary / prepared and ed. by R. Blench. — Cambridge: Kay Williamson Educational Foundation, 2013. — URL: <http://www.rogerblench.info/RBOP.htm>

Сравнительный анализ мотива судьбы в творчестве А. С. Пушкина и Э. По

Сяо Юйчжэ, студент

Государственный университет просвещения (г. Москва)

В данной статье представлен сравнительный анализ мотива судьбы в творчестве классика русской литературы А. С. Пушкина и американского романтика Эдгара Аллана По. На материале ключевых произведений (повесть

Пушкина «Пиковая дама» и новеллы По «Падение дома Ашеров» и «Бочонок амонтильядо») рассматриваются механизмы художественного воплощения фатума, рока и сверхъестественных сил. Выявляются как типологические сходства, так и национально-культурные различия в восприятии предопределения.

Ключевые слова: мотив судьбы, фатум, рок, А. С. Пушкин, Э. А. По, сравнительное литературоведение, романтизм, готическая проза.

Введение

Мотив судьбы является одним из сквозных в мировой литературе. Человек перед лицом неотвратимых обстоятельств — вечная тема, волновавшая писателей разных эпох и культур. В русской литературе XIX века эта тема наиболее ярко и трагично раскрывается в творчестве А. С. Пушкина, а в американской — в новеллистике Эдгара Аллана По. Несмотря на отсутствие прямых культурных заимствований, оба автора создали уникальные художественные системы, где судьба выступает не просто как абстрактное понятие, а как активная, зачастую разрушительная сила.

Целью данной работы является выявление специфики мотива судьбы у Пушкина и По через призму сравнительного анализа.

1. Судьба как неотвратимый рок в «Пиковой даме» А. С. Пушкина

В повести «Пиковая дама» мотив судьбы тесно переплетен с темой безумной страсти и сверхъестественного. Главный герой, Германн, одержим идеей разбогатеть. Его встреча с «тайной трех карт» становится поворотным моментом. Пушкин мастерски использует образ старой графини как символа судьбы — неподвижной, величественной и жестокой.

Германн пытается обмануть судьбу, просчитать её как математическую задачу, но фатум оказывается сильнее. Призрак графини («Я пришла к тебе против своей воли...») и роковая ошибка с тузом вместо дамы демонстрируют классическую трагедию рока. Судьба у Пушкина — это ироничная и мстительная сила, которая наказывает за гордыню. Более того, исследователи [1] неоднократно отмечали, что Пушкин вводит мотив *двойничества* и безумия, подчеркивая, что судьба неизбежно приводит человека к саморазрушению, если он нарушает нравственные законы.

2. Мотив предопределения в новеллистике Э. А. По

В отличие от Пушкина, у Эдгара По мотив судьбы носит более ярко выраженный готический и мистический характер. В новелле «Падение дома Ашеров» рок — это проклятие рода, некая наследственная предопределенность. Смерть леди Мэдилен и гибель самого дома — это не просто случайность, а неизбежное исполнение древнего пророчества.

В новелле «Бочонок амонтильядо» судьба (или возмездие) воплощается в психологической одержимости

Монтрезора. Здесь нет мистики в чистом виде, но есть абсолютная предопределенность: человек, задумавший зло, неизбежно становится заложником своих действий. Судьба у По часто проявляется через безумие героев и их попытку бросить вызов неведомым силам. Как отмечает в своей работе Э. Ф. Осипова [2], у По судьба — это категория эстетическая, она создает то самое чувство ужаса и «сверхъестественного напряжения», которое является визитной карточкой его прозы.

3. Сравнительный анализ: типология и различия

Оба автора используют схожие художественные приемы для изображения судьбы:

— Роковая случайность: У Пушкина — это случайно услышанная история о трех картах; у По — случайное (на первый взгляд) совпадение в сроках смерти леди Мэдилен.

— Символизм: Пушкин использует символику карт (тройка, семерка, туз) и цифр (3, 7, 21). По использует символику мрачных пейзажей, замкнутых пространств и природных явлений (гроза, буря).

— Роль безумия: У обоих писателей судьба часто доводит героя до помешательства (Германн в Обуховской больнице; рассказчик в «Падении дома Ашеров»).

Однако есть и фундаментальные различия. Пушкинский фатум имеет ярко выраженный социально-нравственный подтекст. Судьба Германна — это наказание за отступление от морали, за попытку нарушить сословные границы. По же, напротив, акцентирует внимание на психологическом ужасе перед иррациональным. Его герои становятся жертвами не столько морального выбора, сколько родовых проклятий или собственных темных манифестаций.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что мотив судьбы в творчестве А. С. Пушкина и Э. А. По, несмотря на культурные и эстетические различия, выполняет схожую функцию — выступает движущей силой сюжета и разрушительным фактором для героя. Если у Пушкина судьба является логичным следствием нравственного выбора (или его отсутствия), что отражает глубокий реализм русской литературы, то у По судьба — это иррациональная, готическая данность, подчеркивающая трагическую обреченность человека перед лицом неведомого. Изучение этих параллелей позволяет глубже понять специфику национальных литературных традиций.

Литература:

1. Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки. — СПб.: Искусство-СПБ, 1995. — 847 с.
2. Осипова Э. Ф. Загадки Эдгара По: исследования и комментарии. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 169, [1] с. — ISBN 5-8465-0207-5.
3. Пушкин А. С. Пиковая дама // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. — Л.: Наука, 1978. — С. 210–245.
4. По Э. А. Падение дома Ашероу. Бочонок амонтильядо // Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. — М.: Терра, 1993.
5. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. — Л.: Художественная литература, 1973. — 560 с

Наименования одежды и предметов домашнего обихода в глоссах исторических романов М. И. Шевердина: семантический и лингвокультурологический аспекты

Хакимова Халима Ринатовна, старший преподаватель
НОУ «Университет Маъмуна» (г. Хива, Узбекистан)

В статье рассматриваются наименования одежды и предметов домашнего обихода, которые М. И. Шевердин использует в исторических романах и сопровождает пояснениями. На материале глосс «кепенек», «куйнак», «пилос», «курпача», «ястук», «дастишуй» и «каламдон» анализируется содержание поясняющих компонентов и их роль в раскрытии значения незнакомых слов. Особое внимание уделяется указаниям на вид предмета, его форму, материал изготовления и культурную принадлежность. Анализ показывает, что пояснения различаются по объёму и информативности, а их смысл во многом раскрывается в контексте художественного произведения.

Ключевые слова: глосса, М. И. Шевердин, исторический роман, бытовая лексика, наименования одежды, предметы домашнего обихода, семантика, лингвокультурология.

В историческом романе детали повседневной жизни помогают представить эпоху не менее выразительно, чем описание событий и поступков героев. Одежда, посуда, постельные принадлежности и письменные принадлежности создают предметный мир произведения. Однако некоторые названия могут быть незнакомы читателю, особенно если они связаны с культурой другого народа. В таких случаях автор вводит пояснение непосредственно в текст, сохраняя исходное слово и одновременно раскрывая его значение.

Подобный приём характерен для исторических романов М. И. Шевердина. В его произведениях встречаются наименования, обозначающие предметы повседневного обихода и элементы традиционной одежды. Автор сопровождает их пояснениями разного типа: от краткого определения до описания, в котором перечисляются признаки и составные части предмета.

В настоящей статье рассматриваются названия одежды и предметов домашнего обихода, представленные в романах «Тени пустыни», «Взвихрен красный песок», «Вверяю сердце бурям», «Семь смертных грехов» и «Дервиш света». Основное внимание уделяется не простому перечислению бытовых глосс, а тому, какую информацию читатель получает благодаря авторским пояснениям и как эта информация соотносится с контекстом.

В романах М. И. Шевердина названия одежды часто сопровождаются пояснениями, позволяющими читателю представить обозначаемую вещь. При этом пояснение может

сообщать только общее значение слова или дополнять его сведениями о культурной принадлежности предмета.

В романе «Тени пустыни» читаем: «Он сменил свой *черный европейский костюм на курдский камзол — кепенек — и свободные шаровары*» [1, с. 98].

Слово «кепенек» поясняется сочетанием «курдский камзол». Оно помогает понять, о каком предмете одежды идёт речь, а определение «курдский» указывает на его культурную принадлежность. Важен и контекст: европейский костюм противопоставлен другой одежде. Благодаря этому описанию незнакомое название становится понятным и одновременно включается в систему деталей, формирующих образ персонажа.

Иначе построено пояснение в следующем примере: «Долго уткнувшись в поношенную *“куйнак” — рубаху, почитительно просил о божьей милости*» [2, с. 259]. Здесь слово «рубаха» передаёт основное предметное значение «куйнак». Дополнительных сведений о материале или устройстве одежды пояснение не содержит. Другие характеристики читатель получает из контекста: определение «поношенную» описывает состояние вещи, а всё высказывание помещает её в конкретную жизненную ситуацию. Таким образом, краткое пояснение помогает понять незнакомое слово, тогда как контекст добавляет детали, отсутствующие в самом определении.

Особый случай представляет глосса «пилос». В романе «Семь смертных грехов» читаем: «Держался он в своем *“пилосе” — одеянии дервиша — удивительно прямо...*» [4,

с. 14]. Пояснение «одеяние дервиша» не ограничивается названием вида одежды. Оно связывает предмет с определённой социальной и религиозной средой. Поэтому читатель получает не только предметную характеристику, но и сведения, помогающие представить образ персонажа. В этом случае значение глоссы раскрывается через сочетание пояснения и контекста.

Сопоставление примеров показывает, что пояснения названий одежды неодинаковы по содержанию. Слово «рубаха» обозначает предмет в общих чертах, сочетание «курдский камзол» дополнительно указывает на культурную принадлежность, а выражение «одеяние дервиша» связывает одежду с социальной и религиозной характеристикой. Эти различия позволяют точнее определить, какую информацию автор передаёт читателю при введении незнакомой лексики.

В бытовых глоссах, обозначающих предметы домашнего обихода, пояснение нередко включает не только родовое наименование, но и дополнительный признак. В одних случаях это материал изготовления, в других — форма предмета или его функция в конкретной ситуации.

В романе «Тени пустыни» встречается следующий пример: «Зуфар сидел на шелковых одеялах — курпачах, руки его ласкали бархат подушек» [1, с. 443].

Глосса «курпача» поясняется сочетанием «шёлковое одеяло». Родовое слово «одеяло» позволяет определить предмет, а прилагательное «шёлковое» уточняет материал. В соседнем словосочетании «бархат подушек» также назван материал. Благодаря этому описанию читатель получает представление не об отдельной вещи, а об обстановке в целом. Значение слова «курпача» становится понятным через пояснение, а описание интерьера дополняет его конкретными деталями.

В романе «Вверяю сердце бурям» читаем: «А тут, чего еще лучше, гостеприимный чайханщик под бок подтянул ястук — круглую подушку» [3, с. 184]. В данном случае пояснение «круглая подушка» указывает на вид и форму предмета. В отличие от примера с курпачей, здесь акцент сделан не на материале, а на внешнем признаке. Контекст также важен: чайханщик пододвигает подушку гостю, поэтому предмет включён в ситуацию гостеприимства. Автор не объясняет его назначение отдельно, поскольку оно становится понятным из описанного действия.

Другой пример связан с названием сосуда: «Личный секретарь Ибрагимбека, бережно держал дастшуй — медный кувшин» [3, с. 322].

Пояснение «медный кувшин» состоит из родового наименования и указания на материал. Слово «кувшин» помогает определить тип предмета, а прилагательное «медный» сообщает, из чего он изготовлен. Наречие «бережно» характеризует действие персонажа, но само по себе не позволяет сделать вывод о стоимости сосуда или его особом статусе. Здесь важно отделять сведения, содержащиеся в пояснении, от впечатления, которое создаёт весь контекст.

Примеры с «курпачей», «ястук» и «дастшуй» показывают, что автор выбирает разные признаки для

раскрытия значения предмета. Это может быть материал изготовления, форма или общее наименование вещи. В каждом случае пояснение даёт читателю ту информацию, которая помогает понять конкретное слово в данном эпизоде.

Не все бытовые глоссы раскрываются одинаково. Иногда достаточно одного слова, чтобы читатель понял, о каком предмете идёт речь. В других случаях автор использует более развёрнутое описание.

Краткое пояснение «куйнак» — «рубаха» устанавливает соответствие между незнакомым названием и общеупотребительным словом. Для понимания основного предметного значения этого достаточно. В сочетаниях «курпача» — «шёлковое одеяло» и «дастшуй» — «медный кувшин» к родовому наименованию добавляется характеристика материала. В пояснении «ястук» — «круглая подушка» уточняется форма предмета.

Более развёрнутое описание встречается при употреблении слова «каламдон» в романе «Дервиш света»: «...ученых самаркандских предков каламдон — пенал с изящной серебряной чернильницей, с мешочком песку для присыпки написанного» [5, с. 31].

В этом случае автор не ограничивается кратким определением «пенал». Читатель узнаёт о наличии чернильницы и мешочка с песком, предназначенным для присыпки написанного. Пояснение раскрывает устройство предмета и показывает, как он использовался. Благодаря этому слово становится понятным не только на уровне общего значения: читатель может представить сам предмет и его практическое назначение.

Различия между рассмотренными примерами позволяют выделить три способа раскрытия значения бытовых глосс. Первый — краткое родовое пояснение, как в сочетании «куйнак — рубаха». Второй — определение с дополнительным признаком, например «курпача — шёлковое одеяло» или «ястук — круглая подушка». Третий — развёрнутое описание, в котором сообщаются сведения об устройстве и использовании предмета, как в случае с «каламдоном». Это разграничение основано на рассмотренных примерах и не является исчерпывающей классификацией всех бытовых глосс в романах М. И. Шехвердина. Оно помогает увидеть, как меняется объём информации в зависимости от способа пояснения.

В исторических романах М. И. Шехвердина названия одежды и предметов домашнего обихода вводятся в повествование с помощью пояснений, которые различаются по содержанию и объёму. Одни из них сообщают только общее значение слова, другие уточняют материал или форму предмета, третьи раскрывают его устройство и назначение.

Сопоставление глосс «куйнак», «кепенек» и «пилос» показывает, что пояснение названия одежды может ограничиваться предметной характеристикой или включать сведения о культурной и социальной принадлежности. Примеры с «курпачей», «ястук» и «дастшуй» демонстрируют, как значение бытового предмета уточняется

через указание на материал или форму. Описание «калам-дона» отличается большей подробностью: оно позволяет представить не только сам предмет, но и особенности его устройства и использования.

При этом пояснение нельзя рассматривать отдельно от художественного контекста. Слова, обозначающие состояние вещи, действия персонажей и окружающую обстановку, добавляют информацию, которой нет в кратком определении. Именно их взаимодействие помогает читателю представить предметный мир произведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что бытовые глоссы в исторической прозе М. И. Швердина служат не только для объяснения незнакомых слов. Они позволяют сохранить национально-культурно маркированные названия и сделать их понятными русскоязычному читателю, не исключая их из художественного повествования. Рассмотренные примеры показывают, что анализ поясняющих компонентов помогает точнее определить, какие сведения об обозначаемой реалии автор считает необходимым сообщить читателю.

Литература:

1. Швердин М. И. Тени пустыни: роман. — Ташкент, 1973. — 648 с.
2. Швердин М. И. Взвихрен красный песок: роман. — Ташкент, 1984. — 400 с.
3. Швердин М. И. Вверяю сердце бурям: роман. — Ташкент, 1988. — 448 с.
4. Швердин М. И. Семь смертных грехов. Книга вторая: роман. — Ташкент, 1967. — 320 с.
5. Швердин М. И. Дервиш света: роман. — Ташкент, 1985. — 272 с.

ПРОЧЕЕ

Дифференциация профилактических мероприятий по приоритету профессиональных рисков при строительстве газопроводов

Половникова Любовь Николаевна, студент
Научный руководитель: Вадулина Надежда Вячеславовна, кандидат технических наук, доцент
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Оценка риска только по качественному уровню не учитывает разную повторяемость нарушений в рисках одной категории. По карте оценки рисков и реестрам контроля организации, строящей магистральный газопровод, за 2024–2025 гг. предложена матрица приоритизации. Первоочередными стали пожарная безопасность, подъемные сооружения и электробезопасность; разработаны мероприятия по приоритетам и порядок работы с повторными нарушениями.
Ключевые слова: профессиональный риск, охрана труда, приоритизация рисков, повторяемость нарушений, газопровод.

Введение

Очередность мероприятий зависит от приоритетности рисков, которая должна учитывать величину риска, частоту его возникновения и влияние на безопасность труда. Для этого предлагают показатели безопасности [1], упреждающие показатели контроля [2] и учет частоты нарушений вместе с тяжестью последствий [3]. Цель статьи — разработать мероприятия, дифференцированные по приоритету рисков с учетом данных контроля.

Материалы и методы

Использованы карта оценки профессиональных рисков и реестры контроля организации, строящей магистральный газопровод (ООО «ГСП-2»), за 2024–2025 гг. Основа — ГОСТ Р ИСО 31000–2019, ГОСТ Р 58771–2019 и Рекомендации Минтруда России № 926. Уровень риска — из карты, дополнительный признак — повторяемость нарушений (низкая, средняя, высокая по эмпирическому распределению). Вместе — матрица (табл. 1).

Результаты и обсуждение

Повторяемость нарушений показывает результативность мер [4]. Риск оценивают по вероятности и тяжести последствий с учетом эффективности принятых мер; оценка должна быть прослеживаемой [5], числовой и учитывать постоянные и потенциальные факторы уже при организации работ [6]. Структура рисков меняется по этапам проекта [7].

Таблица 1. Матрица приоритизации рисков

Уровень риска по карте	Низкая повторяемость	Средняя повторяемость	Высокая повторяемость
Высокий	высокий	первоочередной	первоочередной
Средний	умеренный	высокий	первоочередной
Низкий	низкий	умеренный	высокий

Матрица разделила риски среднего уровня по приоритету (табл. 2): первоочередными стали пожарная безопасность, подъемные сооружения и электробезопасность.

Таблица 2. Приоритизация рисков за 2024–2025 гг

Группа нарушений	Fi, случаев	Повторяемость	Риск по карте	Приоритет
Пожарная безопасность	684	высокая	C10, средний	первоочередной
Подъемные сооружения	490	высокая	C8, средний	первоочередной
Электробезопасность	346	высокая	C10, средний	первоочередной
Газовые баллоны и огневые работы	307	средняя	C10, средний	высокий
Ограждения и опасные зоны	187	средняя	C6, средний	высокий
Транспорт и спецтехника	173	средняя	C10, средний	высокий
Работы на высоте	125	низкая	C10, средний	умеренный

Аварии вызваны сочетанием технических и человеческих причин, а нарушения чаще объясняются недооценкой риска, чем незнанием правил [8]. Контроль (табл. 3) соответствует правилам по охране труда (приказы Минтруда России № 883н, 884н, 753н, 903н) и усиливается с ростом приоритета.

Таблица 3. Мероприятия по приоритетным рискам

Направление	Мероприятие
Пожарная безопасность	Контроль средств пожаротушения и мест огневых работ (АПК, чек-листы)
Подъемные сооружения	Предварительный контроль приспособлений и схем строповки (АПК)
Электробезопасность	Контроль электрооборудования, инструмента и кабелей (целевые проверки)
Газовые баллоны и огневые работы	Проверка готовности рабочего места до начала работ
Ограждения и опасные зоны	Ежедневный визуальный контроль ограждений траншей и знаков
Транспорт и спецтехника	Контроль маршрутов техники и ее состояния (АПК)
Работы на высоте	Периодический анализ повторяемости нарушений
Повторные нарушения	Анализ причины повторения и результативности меры

Повторное нарушение показывает, что мера недостаточна. В АПК такие нарушения стоит выделять отдельно, фиксируя дату прошлого выявления, принятую меру и результат; причину повторения ищут, как при поведенческом аудите [9], а не ограничиваются предписанием. Так управление становится проактивным.

Заключение

Приоритизация по уровню риска из карты и повторяемости нарушений позволила разработать мероприятия по приоритетам и порядок работы с повторными нарушениями, реализуемые в действующей системе АПК.

Литература:

- Castillo C. et al. Prioritization of leading operational indicators in occupational safety and health // International Journal of Occupational Safety and Ergonomics. 2023. Vol. 29, No. 2. P. 806–814.
- Xu J. et al. Implementing safety leading indicators in construction: toward a proactive approach to safety management // Safety Science. 2023.
- Guo H., Zhang Z., Yu R. Assessing construction workers' unsafe behavior using a danger coefficient // Journal of Tsinghua University (Science and Technology). 2019. Vol. 59, No. 11. P. 873–879.
- Самарская Н. А., Симанович С. В. Управление профессиональными рисками как инструмент сохранения человеческого капитала на примере металлургического производства // Экономика труда. 2026. Т. 13, № 7. С. 1107–1122. DOI: 10.18334/et.13.7.126454.
- Гвоздев Е. В. Оценка состояния системы комплексной безопасности предприятия с использованием метода расстановки приоритетов // Недвижимость: экономика, управление. 2024. № 2. С. 33–36. DOI: 10.22337/2073–8412–2024–2–33–36.
- Пузырев А. М., Козырева Л. В. Разработка методики оценки профессиональных рисков в строительстве // Безопасность техногенных и природных систем. 2022. № 1. С. 9–17. DOI: 10.23947/2541–9129–2022–1–9–17.

7. Агошков А. И., Курочкин П. А. Методические подходы к построению модели структуры рисков реализации инвестиционных строительных проектов в области безопасности и охраны труда // XXI век: Техносферная безопасность. 2021. № 3. С. 266–277. DOI: 10.21285/2500–1582–2021–3–266–277.
8. Абдрахманов Н. Х. и др. Анализ причин аварийности в нефтегазовой промышленности // «Нефтегазовое дело». 2024. № 5. С. 95–113. DOI: 10.17122/ogbus-2024–5–95–113.
9. Мажкенов С. А. «Второе дыхание» поведенческого аудита безопасности (ПАБ 2.0) // Социально-трудовые исследования. 2025. № 2(59). С. 91–101. DOI: 10.34022/2658–3712–2025–59–2–91–101.

Совершенствование профилактических мероприятий в области охраны труда на основе приоритизации профессиональных рисков при строительстве магистральных газопроводов

Половникова Любовь Николаевна, студент

Научный руководитель: Вадулина Надежда Вячеславовна, кандидат технических наук, доцент
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Мероприятия, дифференцированные по приоритету рисков, нуждаются в оценке результата и экономической обоснованности. По данным организации, строящей магистральный газопровод, за 2024–2025 гг. спрогнозировано снижение повторяемости нарушений по первоочередным рискам. Контроль пожарной безопасности, подъемных сооружений и электробезопасности снизит повторяемость нарушений на 20–25 % за год; предотвращенный ущерб составит около 5,17 млн руб. в год при затратах 0,5–0,7 млн руб. и окупаемости менее двух месяцев.

Ключевые слова: профессиональный риск, профилактические мероприятия, экономическая эффективность, газопровод.

Введение

Строительство газопроводов отличается высоким уровнем аварийности [1]. Мероприятия, дифференцированные по приоритету рисков, повышают безопасность, но не показывают эффективность затрат. Результативность прогнозируют по упреждающим показателям, например по частоте нарушений [2, 3], а экономическую эффективность — по предотвращенному ущербу [4]. Цель статьи — спрогнозировать результативность мероприятий и рассчитать экономический эффект.

Материалы и методы

Использованы карта оценки профессиональных рисков и реестры контроля организации, строящей магистральный газопровод (ООО «ГСП-2»), за 2024–2025 гг. Основа — ГОСТ Р ИСО 45001–2020 и Рекомендации Минтруда России № 926. Эффект рассчитан по методике [4]: число предотвращенных нарушений умножают на средние затраты на их устранение:

$$\mathcal{E} = (N_1 + N_2 + N_3) \times k \times 3,$$

где N_1 – N_3 — число нарушений по трем первоочередным направлениям; $k = 0,20$ — нижняя граница прогноза 20–25 %; $3 = 17$ тыс. руб. (15–20 тыс.) — средние затраты на устранение нарушения по внутренней отчетности. Простои, штрафы, расследования не учтены, оценка консервативна.

Результаты и обсуждение

Первоочередными выбраны пожарная безопасность, подъемные сооружения и электробезопасность: ранжирование учитывает уровень риска и повторяемость нарушений [5]. Для них предложен усиленный контроль средств пожаротушения, грузозахватных приспособлений и электрооборудования. При повторном нарушении, кроме предписания, рассматривают меру и ищут причину, как при поведенческом аудите [6].

Эти направления дали 1520 нарушений, или 46,6 % (табл. 1). Концентрация контроля на них повышает шанс устранить нарушение до повторения [3, 7] и снизит повторяемость на 20–25 % за первый год. Анализ причин повторных нарушений сократит их долю на 30–40 %, так как предписания перестанут закрываться формально. Ресурсы можно пе-

Таблица 1. Нарушения по первоочередным рискам

Направление безопасности	Нарушений, случаев	Доля, %
Пожарная безопасность	684	21,0
Подъемные сооружения	490	15,0
Электробезопасность	346	10,6
Итого	1520	46,6

пераспределить с направлений с низкой повторяемостью, например работ на высоте [2]. Если снижение держится 6–12 месяцев, уровень риска понижают.

Расчет: пожарная безопасность — $684 \times 0,20 \times 17\,000 = 2\,325\,600$ руб.; подъемные сооружения — $490 \times 0,20 \times 17\,000 = 1\,666\,000$ руб.; электробезопасность — $346 \times 0,20 \times 17\,000 = 1\,176\,400$ руб. Годовой эффект составляет 5 168 000 руб., или около 5,17 млн руб. Устранение нарушения на порядок дешевле ликвидации происшествия (5–50 млн руб.) [8].

Расчет не учитывает штрафы (за 2024–2025 гг. выдано 60 предписаний заказчика и 340 генподрядчика), затраты на контроль и простои техники, поэтому реальный эффект выше.

Внедрение не требует отдельной системы контроля. Единовременные затраты — 0,5–0,7 млн руб.: документы (100–150 тыс. руб.), обучение около 50 сотрудников (200–300 тыс. руб.) и доработка информационных систем (200–250 тыс. руб.). Это 10–14 % годового эффекта, окупаемость — менее двух месяцев. Выгоду профилактики подтверждают и другие работы [9].

Заключение

Мероприятия, дифференцированные по приоритету рисков, можно оценить количественно: контроль пожарной безопасности, подъемных сооружений и электробезопасности снизит повторяемость нарушений на 20–25 %, а долю повторных — на 30–40 % за первый год, годового эффект составит около 5,17 млн руб. при затратах 0,5–0,7 млн руб. Подход работает в действующей системе АПК и ведет к проактивному управлению [10].

Литература:

1. Абдрахманов Н. Х. и др. Анализ причин аварийности в нефтегазовой промышленности // «Нефтегазовое дело». 2024. № 5. С. 95–113. DOI: 10.17122/ogbus-2024-5-95-113.

2. Hinze J., Thurman S., Wehle A. Leading indicators of construction safety performance // Safety Science. 2013. Vol. 51, No. 1. P. 23–28. DOI: 10.1016/j.ssci.2012.05.016.

3. Xu J. et al. Safety leading indicators in construction: a systematic review // Safety Science. 2021. Vol. 139. Article 105250. DOI: 10.1016/j.ssci.2021.105250.

4. Маженов С. А. Формализованный подход к оценке экономической эффективности мероприятий по охране труда // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 8. С. 1295–1306. DOI: 10.18334/et.9.8.114790.

5. Гвоздев Е. В. Оценка состояния системы комплексной безопасности предприятия с использованием метода ранжирования приоритетов // Недвижимость: экономика, управление. 2024. № 2. С. 33–36. DOI: 10.22337/2073-8412-2024-2-33-36.

6. Маженов С. А. «Второе дыхание» поведенческого аудита безопасности (ПАБ 2.0) // Социально-трудовые исследования. 2025. № 2(59). С. 91–101. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-59-2-91-101.

7. Guo H., Zhang Z., Yu R. Assessing construction workers' unsafe behavior using a danger coefficient // Journal of Tsinghua University (Science and Technology). 2019. Vol. 59, No. 11. P. 873–879. DOI: 10.16511/j.cnki.qhdxxb.2019.22.030.

8. Девисилов В. А. Охрана труда: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Форум: Инфра-М, 2021. 512 с. ISBN 978-5-00091-089-5.

9. Король Е. А., Дегаев Е. Н. Анализ эффективности затрат на мероприятия по охране труда // Вестник МГСУ. 2024. Т. 19, № 1. С. 67–76. ISSN 2304-6600.

10. Усикова О. В. Механизм выбора и внедрения проактивных методов управления охраной труда // Экономика Профессия Бизнес. 2025. № 1. С. 126–131. DOI: 10.14258/epb202514.

Повторяемость нарушений охраны труда как индикатор приоритетности профессиональных рисков при строительстве газопроводов

Половникова Любовь Николаевна, студент
Научный руководитель: Вадулина Надежда Вячеславовна, кандидат технических наук, доцент
Уфимский государственный нефтяной технический университет

Проанализированы реестры организации, строящей магистральный газопровод, за 2024–2026 гг. (3493 нарушения). Чаще всего нарушаются требования охраны труда (37,9 %) и пожарной безопасности (31,5 %); проблемные места — линейная часть и трубосварочные базы. Часть нарушений устойчиво повторяется, поэтому повторяемость предложено считать критерием приоритетности рисков.
Ключевые слова: профессиональный риск, охрана труда, производственный контроль, магистральный газопровод.

Введение

Строительство газопроводов связано с опасными факторами, тяжелой техникой, сварочными, земляными и грузоподъемными работами, поэтому оценка профессиональных рисков обязательна, но ее результаты используют отдельно от данных контроля, хотя проверки отражают реальное состояние безопасности. Цель статьи — выявить частые и повторяющиеся нарушения и определить, как использовать их при управлении рисками.

Материалы и методы

Использованы реестры организации, строящей магистральный газопровод (ООО «ГСП-2»), за 2024–2026 гг.: предписания, представления, административно-производственный контроль (АПК), проверки по чек-листам и аудиты подрядчиков. Профессиональные риски понимаются как опасные и вредные факторы, приводящие к травмам и профзаболеваниям [1].

Результаты и обсуждение

Зафиксировано 3493 нарушения; больше всего выявил внутренний контроль: проверки по чек-листам — 1613 (46,2 %), АПК — 518, аудит подрядчиков — 466. Внешний контроль дал 400 нарушений, представлений о приостановке работ — лишь 25 (их оформляют при угрозе жизни). Человеческий фактор — частая причина аварий и несчастных случаев [2, 3].
Преобладают нарушения охраны труда (37,9 %) и пожарной безопасности (31,5 %) (табл. 1), поэтому профилактику нужно усиливать здесь. В работе В. Э. Гуцуляк и Е. Е. Фоминой самыми частыми названы нарушения организации безопасных методов работы [4].

Таблица 1. Нарушения по направлениям

Направление	2024	2025	2026	Всего	Доля, %
Охрана труда	618	643	149	1410	37,9
Пожарная безопасность	455	618	98	1171	31,5
Промышленная безопасность	452	426	52	930	25,0
Электробезопасность	85	87	13	185	5,0
Экологическая безопасность	18	9	0	27	0,7
Итого	1628	1783	312	3723	100,0

Больше всего нарушений выявлено на линейной части газопровода (45,7 %) и трубосварочных базах (21,6 %); эти объекты приоритетны для контроля.
По содержанию (табл. 2) чаще нарушают пожарную безопасность — 732 случая (21,0 %): нет или неисправны огнетушители, сигнализация, пути эвакуации. Далее — подъемные сооружения и грузозахватные приспособления (507): неисправные или немаркированные стропы, поздний осмотр.

Таблица 2. Нарушения по содержанию

Группа нарушений	2024	2025	2026	Всего	Доля, %
Пожарная безопасность и пожаротушение	308	376	48	732	21,0
Подъемные сооружения и грузозахватные приспособления	244	246	17	507	14,5
Документация, обучение, инструктажи	165	216	27	408	11,7
Электробезопасность	157	189	37	383	11,0
Газовые баллоны и огневые работы	154	153	27	334	9,6
Остальные группы	516	531	77	1124	32,2
Итого	1544	1711	233	3488	100,0

Причины нарушений — неверная оценка рисков, слабое лидерство и плохая коммуникация [5], субъективность оценки [6], формальный поведенческий аудит и разрозненный контроль [7], реактивный подход [8].

Результаты контроля используют в основном для устранения отдельных нарушений, поэтому в АПК стоит отдельно фиксировать повторное нарушение после принятой меры: так станет ясно, чем вызвана повторяемость — невыполнением или недостаточностью меры.

Риски снижают надзор, допуски и управление подрядчиками [9], а также учет постоянных и потенциальных факторов при организации работ [10].

Заключение

Большинство нарушений выявляют внутренние проверки, чаще всего — по охране труда и пожарной безопасности, проблемные места — линейная часть и трубосварочные базы. Нарушения пожарной безопасности, подъемных сооружений и электробезопасности устойчиво повторяются, поэтому повторяемость стоит использовать как критерий приоритетности рисков.

Литература:

1. Самарская Н. А., Симанович С. В. Управление профессиональными рисками как инструмент сохранения человеческого капитала на примере металлургического производства // Экономика труда. 2026. Т. 13, № 7. С. 1107–1122. DOI: 10.18334/et.13.7.126454.

2. Абдрахманов Н. Х. и др. Анализ причин аварийности в нефтегазовой промышленности // «Нефтегазовое дело». 2024. № 5. С. 95–113. DOI: 10.17122/ogbus-2024-5-95-113.

3. Стасева Е. В. и др. Анализ характерных причин аварий и травматизма на объектах газоснабжения // Безопасность техносферных систем. 2021. № 2. С. 2–7. DOI: 10.23947/2541-9129-2021-2-2-7.

4. Гуцуляк В. Э., Фомина Е. Е. Результаты анализа состояния безопасности труда на этапе строительства производственных объектов // Безопасность труда в промышленности. 2025. № 11. С. 58–64.

5. Волохина А. Т., Глебова Е. В., Пронина Д. Э. Применение социометрических методов для обеспечения безопасности труда на предприятиях магистрального транспорта газа // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. 2022. № 6(309). С. 30–37.

6. Мажкенов С. А. Оценка и управление профессиональными рисками на основе модифицированного метода контрольных листов // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 12. С. 2145–2156. DOI: 10.18334/et.10.12.119798.

7. Мажкенов С. А. «Второе дыхание» поведенческого аудита безопасности (ПАБ 2.0) // Социально-трудовые исследования. 2025. № 2(59). С. 91–101. DOI: 10.34022/2658-3712-2025-59-2-91-101.

8. Усикова О. В. Механизм выбора и внедрения проактивных методов управления охраной труда // Экономика Профессия Бизнес. 2025. № 1. С. 126–131. DOI: 10.14258/epb202514.

9. Naghshbandi A., Ahmadi O. Identifying and modeling the causes of gas pipeline excavation and piping operation accidents using Bayesian network (BN) and fuzzy DEMATEL: case study on trench collapse // Journal of Health and Safety at Work. 2026. № 15. DOI: 10.18502/jhsw.v15i1.21363.

10. Пузырев А. М., Козырева Л. В. Разработка методики оценки профессиональных рисков в строительстве // Безопасность техногенных и природных систем. 2022. № 1. С. 9–17. DOI: 10.23947/2541-9129-2022-1-9-17.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 43 (646) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 04.11.2026. Дата выхода в свет: 11.11.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.